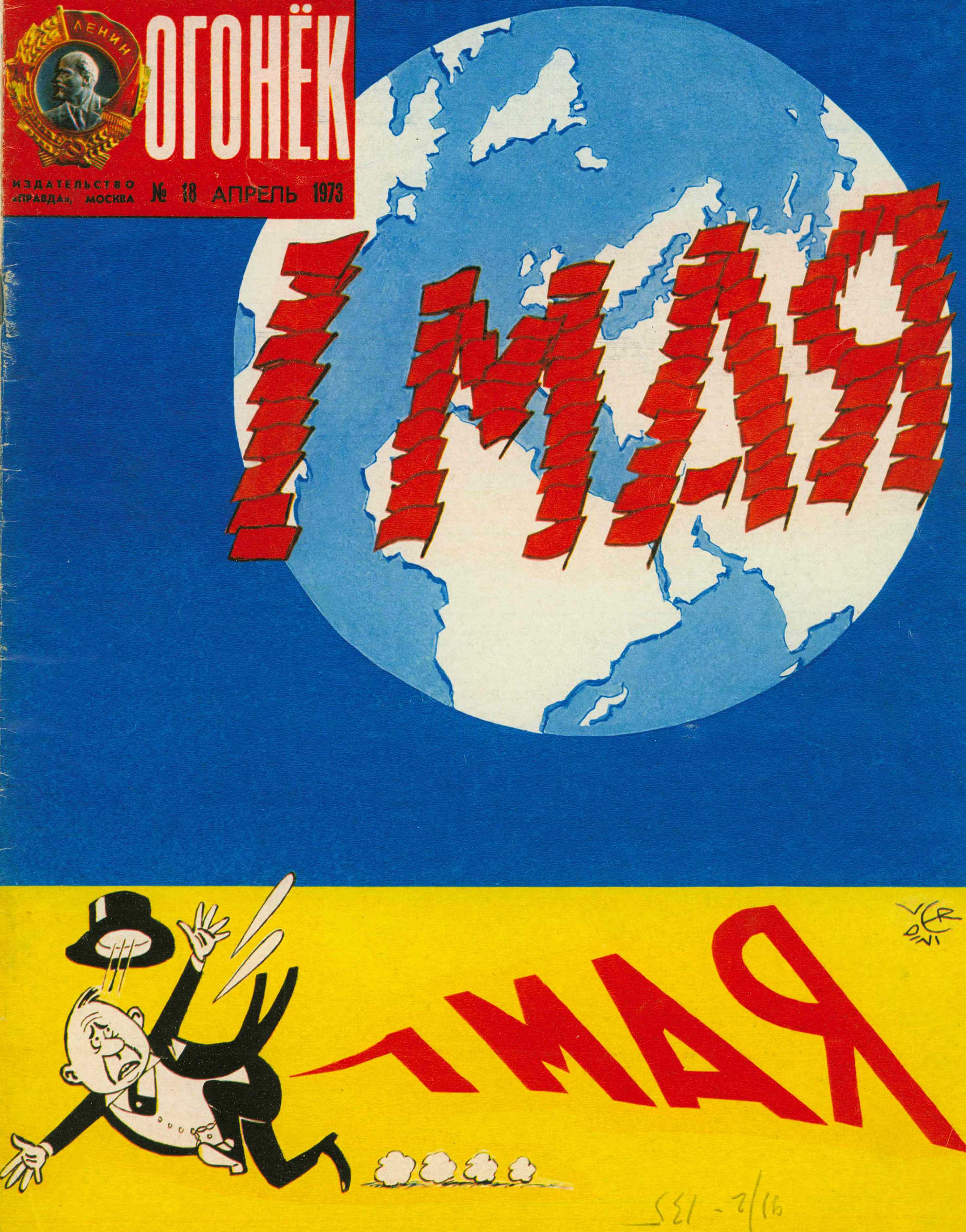
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 АПРЕЛЬ 1973



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2391)

28 АПРЕЛЯ 1973

ТРУД, МИР, М

Посланцы обнинских строителей.

Александр Дейков, учащийся ПТУ-60,— участник субботника.

См. на стр. 3 «Красная суббота».

АЙ!

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ ЖИВУТ И ПОБЕЖДАЮТ

20 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 103-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В зале собрались передовики и новаторы московской промышленности, труженики Подмосковья, деятели науки и культуры, воины Советской Армии и Флота. Присутствовали многочисленные иностранные гости, дипломаты, советские и зарубежные журналисты.

Горячими аплодисментами участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова,

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКИХ

Перед началом беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Фото А. Гостева

А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин.

С докладом «Ленинизм освещает путь к коммунизму» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д. Ф. Устинов.

СЕНАТОРОВ

23 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле группу членов комиссии по торговле сената США в составе В. Хартке, Г. Кэннона, Ф. Мосса, Дж. Пирсона, Г. Бейкера, Г. Билла и Р. Гриффина.

В ходе состоявшейся беседы был затронут широкий круг вопросов, касающихся отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в том числе развития торгово-экономических связей.

Л. И. Брежнев отметил готовность Советского Союза расширять и укреплять торгово-экономические связи с Соединенными Штатами, придавая им максимальную устойчивость, долгосрочный характер. При этом было подчеркнуто, что советско-американские отношения в этой области, как и в других, могут строиться только на основе принципов равенства и обоюдной выгоды.

Американские сенаторы, со своей стороны, высказались в пользу развития торговли и иных форм экономических связей между СССР и США.

В беседе приняли участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

С американской стороны на беседе присутствовали временный поверенный в делах США в СССР А. Дабс, заместитель заместителя государственного секретаря США Дж. Армитаж и ответственные сотрудники аппарата сенатской комиссии по торговле Э. Роувелас и А. Пэнкопф.

«КРАСНАЯ СУББОТА»

Л. НАТОЧАННАЯ,
А. БОЧИНИН

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Он много повидал на своем веку, этот паровоз-реликвия. Для нас он — память о том дне, когда родился «великий почин». ОВ 7024 — один из тех паровозов, что были отремонтированы в субботу, 12 апреля 1919 года рабочими депо Сортировочная Казанской железной дороги. Он и теперь, в торжественный день Всесоюзного коммунистического субботника, выходит на круг депо Москва-Сортировочная. Его долгий решительный гудок созывает людей на митинг. Они уже успели переодеться в рабочие спецовки и внимательно слушают горячие слова выступлений ораторов на митинге.

Второй гудок паровоза — сигнал к началу субботника. Сигнал звучный, веселый, словно паровоз радуется сегодняшней встрече с давнишними своими друзьями — В. М. Сидельниковым и Ф. И. Павловым, они участники первого субботника и сейчас тоже здесь. В памяти у нас всплывают обе эти фамилии. Где-то мы о них читали... Ну конечно! Недавно, листая старые «Огоньки», в подшивке за 1927 год встретили мы очерк Николая Погодина «Самый первый субботник». Это о них и об их товарищах он писал тогда: «Будто предугадывая значение великого почина, за одну ночь эти люди с молотками в руках сделали невозможное, чудесное в те годы голода, истощения человеческих сил, разрухи. На рассвете паровозы стояли готовыми, чтобы повести эшелоны на Колчака». И вот сегодня ветераны снова дают старт субботнику — звенят первые символические удары молотков...

Все расходятся по своим рабочим местам. Народу сегодня много. Кроме «деповских», здесь ветераны труда, посланцы строителей Обнинска, студенты МИИТа, вьетнамские студенты, обучающиеся в Московском энергетическом институте, учащиеся ПТУ-30 и 60, старшеклассники 130-й школы Москвы, отличники боевой и политической подготовки Таманской дивизии...

Паровоз ОВ 7024 в электровозоремонтном цехе № 6. Тут работает молодежная бригада коммунистического труда.

— Какое задание у вас на сегодня? — спрашиваем мастера Николая Тимофеевича Логунова.

— Надо сделать малый периодический ремонт электровоза на час раньше срока и профилактический осмотр второго электровоза — для эстафетного рейса — тоже на час раньше срока.

Все трудятся с праздничным настроением — день уж такой. У ворот депо людей встречал оркестр, на всех зданиях развеваются флаги, работа идет весело и споро, каждый помнит, что по напряженности заданий сегодня — один из ответственнейших рабочих дней.

Смешливая девушка с двумя бантиками в длинных волосах красит цифры на эстафетном электровозе. Знакомимся. Карин Фрич из ГДР — студентка МИИТа. Первокурсница. Для нее это первый субботник. «Пришли с настроением здорово поработать», — говорит она. Рядом с ней еще несколько немецких студентов, тоже миитовцев. Их сразу узнаешь по синим рубашкам с эмблемой молодежного союза. Гюнтер Циммерманн — студент четвертого курса. На субботнике в депо он уже в четвертый раз. У студентов немецкого землячества с рабочими бригады Логунова давняя дружба.

— Гюнтер, держи! — подают ему с электровоза детали, которые он аккуратно укладывает рядком. Делает это легко, играючи. Видно, что он тут, как рыба в воде.

— Мы здесь часто бываем, — говорит Гюнтер. — Недавно конкурс-викторину провели «Навстречу X Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Берлине». И сегодня победители уже известны: В. Калашников, Н. Логунов, В. Павлов...

Обращают на себя внимание девушки в алых косынках — это обнинские строители. Люся Косенкова и Таня Милюкова старательно красят панель центрального перехода — он примыкает к цеху, где работает бригада Логунова. Руководит девчатами бригадир обнинских маляров Ольга Петровна Уздяева. Красиво работают.

— Да, молодцы, — радуется за своих подопечных Г. Ф. Фомин, заместитель главного инженера управления отделочных работ Обнинска. — Здесь наши маляры, плотники, плиточники — приехали самые лучшие. Мы провели конкурс молодых бригад, по итогам конкурса и отбирали. И в прошлом году мы здесь на субботнике были — коллективы наши дружат...

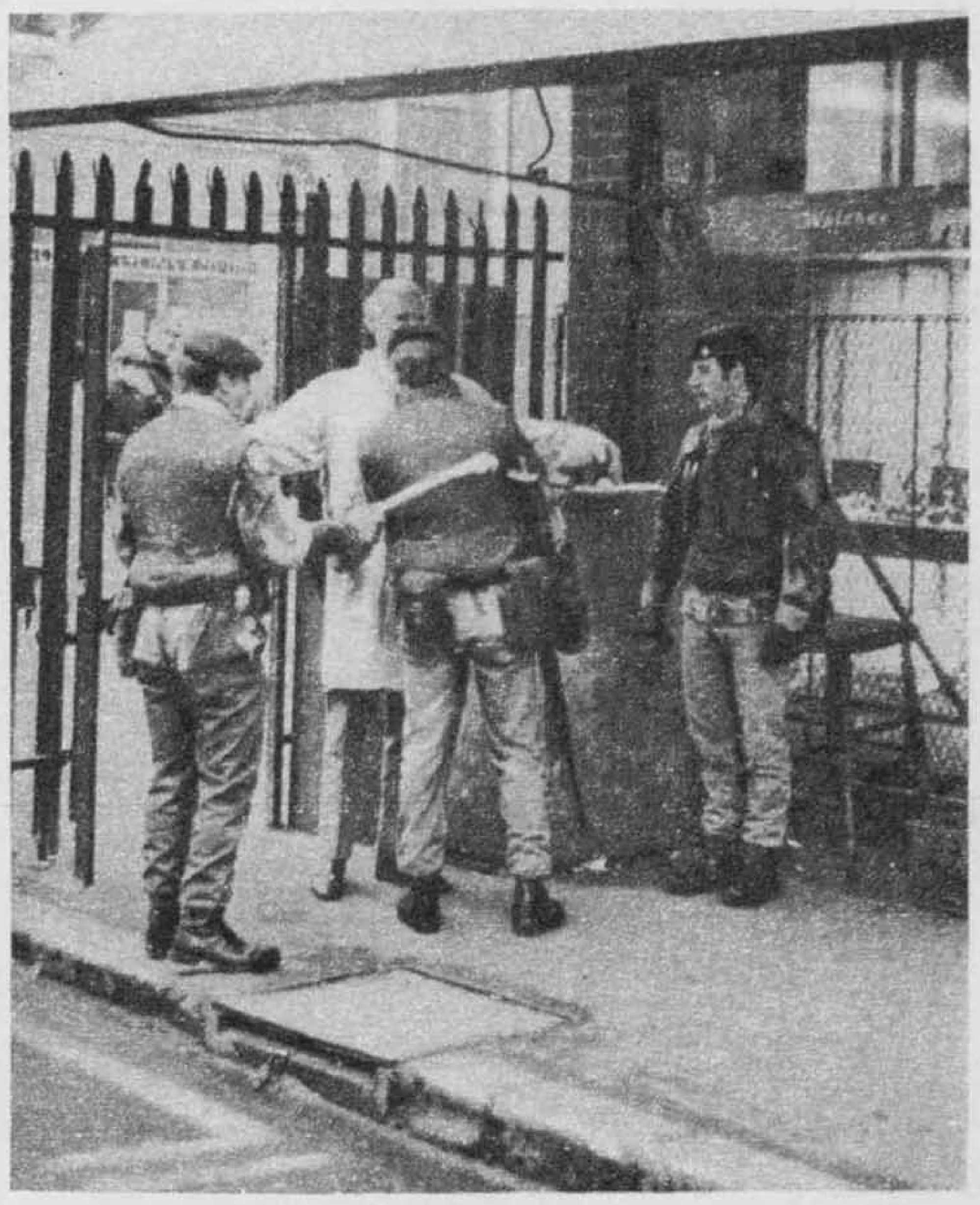
А у эстафетного электровоза уже хлопочут машинист Александр Трифонов и его помощник Леонид Сухинин. По всему видать, волнуются. Это они завоевали право повести состав с автомобилями «ЗИЛ-130» в эстафетный рейс на сэкономленной электроэнергии. Их отрезок пути — до Рыбного, а дальше состав будут передавать друг другу как эстафету лучшие локомотивные бригады до самого пункта назначения — станции Арысь под Ташкентом. На стальной груди электровоза транспарант: «В честь 103-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина». Он понесет это гордое имя через всю страну. Гремит медь оркестра, под звуки марша электровоз выходит из ворот цеха. Н. Логунов передает машинистам гарантийную путевку и ключи. Локомотив уходит в рейс. Первые метры пути для него подготовили студенты-миитовцы.

...Трудовой день окончен. Люди покидают цехи. Пустеет депо. Бригада Н. Логунова задание выполнила.

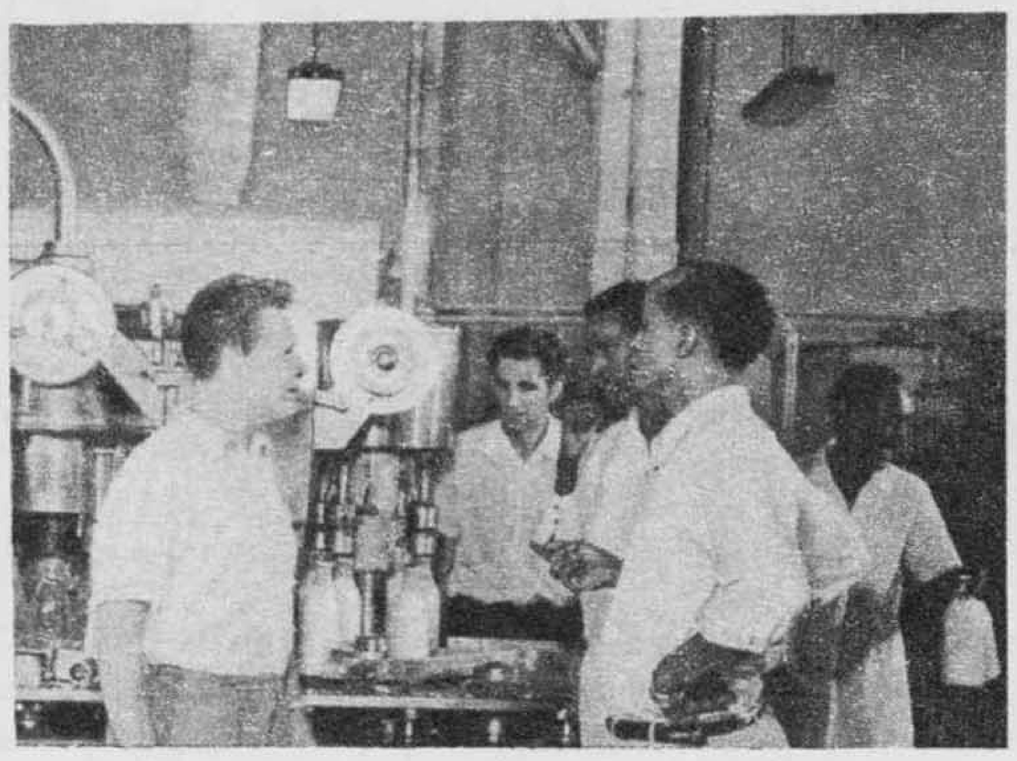
...Паровоз ОВ 7024 остается на своем почетном посту. И каждый день будет он встречать и провожать тружеников депо Москва-Сортировочная. Следующий торжественный выезд предстоит ему через год — в «красную субботу» 1974 года.

ПАНОРАМА МИРА

По всей Японии проходят митинги, демонстрации, шествия, на которых японские трудящиеся требуют от правительства и предпринимателей увеличения заработной платы, стабилизации цен на потребительские товары, увеличения пенсий и коренного улучшения системы социального обеспечения. Объектив запечатлел демонстрацию женщин на одной из улиц Токио, протестующих против повышения цен на потребительские товары и удорожания железнодорожных тарифов.



Столица Северной Ирландии Белфаст производит сейчас впечатление оккупированного города. У вокзалов и автобусных станций, на площадях и улицах, в рабочих кварталах и деловых районах — патрули английских солдат. В городе продолжаются облавы, обыски, аресты, вспыхивают перестрелки.



На этой фотографии слева вы видите советского инженера П. И. Маркова. Сначала он помогал строить, а теперь помогает осваивать молочный комбинат в Сомалийской Демократической Республике.

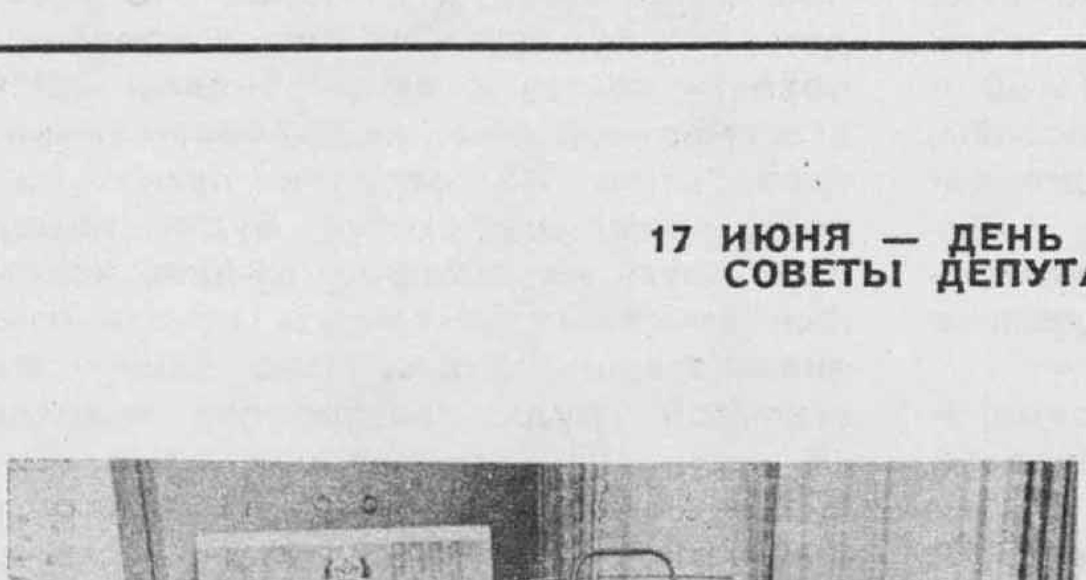
Зверские избиения африканцев, разгон бастующих, массовые аресты — таковы основные средства, которыми южноафриканские власти пытаются сломить волю забастовщиков. Вы видите, как полицейские расправляются с рабочими в Дурбане.

Массовые репрессии, террор и насилие — методы израильской военщины. Жертвами произвола и бесчинств сионистов стали тысячи арабов — жителей сектора Газы.

◄ Советские специалисты передают свой опыт афганцам. Бывшие крестьяне становятся квалифицированными машинистами, экскаваторщиками, шоферами. Внимательно слушают работники фермы «Газиабад» Джелалабадского ирригационного комплекса лекцию советского профессора Ахун Заде.

17 ИЮНЯ — ДЕНЬ ВЫБОРОВ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ДВЕРИ, РАСКРЫТЫЕ



Ярко освещен фасад Дворца культуры имени Максима Горького. Над одним из входов укреплено красное полотнище с белыми буквами «Агитпункт». Такие вывески встретишь сейчас по всей стране, в любом городе и любом самом маленьком поселке, и за каждой из вывесок — маленький штаб огромного государственного мероприятия. Выборы в местные Советы депутатов трудящихся состоятся почти через два месяца, но подготовка к этому важнейшему событию идет уже повсюду.

...Небольшая светлая комната. Газеты и журналы — на столе, на стенде — подборка специальной литературы. Здесь же вывешен план работы на ближайшие месяцы, график дежурств... Это агитпункт избирательных участков № 66 и № 67 Свердловского района Москвы. Сегодня тут дежурит электромонтер службы электроподстанций и сетей Метрополитена Михаил Иванович Пеньков.

— Наш агитпункт открылся всего несколько дней назад, но подготовка к выборам идет, можно сказать, полным ходом. Видите, планы и графики составлены; агитаторы уже побывали у многих избирателей. Посетители агитпункта? Их пока мало, избирательная кампания только начинается. Но мы надеемся, что агитпункт пустовать не будет. Люди приходят к нам по самым разным поводам. Помню по прошлым годам, было много острых вопросов, связанных с жильем, а сейчас часть этих вопросов отпала сама собой: совсем недавно снесен целый квартал ветхих домов между Вятской и Бутырской улицами, люди получили новые квартиры. Вот это и есть агитация не словом, а делом! Конечно, предусмотрены у нас и

Молодежь Италии отстаивает свои права в повседневной борьбе.

Студенческие выступления в Греции, начавшиеся в январе этого года, за демократические преобразования в высших учебных заведениях страны, переросли в движение протеста против политических основ режима греческих полковников. Борьба молодежи находит широкий отклик и поддержку общественности страны.

Наряду с выступлениями трудящихся Англии против политики «замораживания» заработной платы постоянную и трудную борьбу за увеличение пенсий ведут десятки тысяч престарелых английских граждан Своими лозунгами они привлекают внимание общественности к своей борьбе.

Фото ТАСС.

НАСТЕЖЬ

лекции и беседы. План работы агитпункта составлялся с учетом интересов не только пожилых, но и молодежи: будут для них и вечера, и встречи, и весенний бал...

Возглавляет работу на этих избирательных участках проектный институт «Гипрогор». Его агитколлектив составляет почти 150 человек. Определены агитаторы, и выделены их бригадиры, составлены списки членов окружных, участковых комиссий. Каждый вечер над одним из подъездов Дворца культуры вспыхнувшие лампочки освещают красное полотнище с буквами «Агитпункт».

С. БОРИСОВ

На снимке: в клубе избирателей Ворошиловского района столицы всегда оживленно.

НАШ ВЗГЛЯД

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ОАГ: ВЫБОР НОВОГО ПУТИ

Карэн ХАЧАТУРОВ

В этом году Организация американских государств — ОАГ отмечает четверть века своего существования. Создатели ОАГ рассматривали западное полушарие к югу от Рио-Гранде как фруктово-бакалейную лавочку, мифическую Анчурию, описанную О'Генри в романе «Короли и капуста». В то благословенное для империализма время его господство в странах Латинской Америки опиралось на холопскую покорность правящих во многих странах военно-полицейских диктатур, именуемых «гориллами» за их пещерную жестокость, слепую ненависть к идеям социального прогресса.

Многие годы на ОАГ была возложена неблаговидная миссия освящать именем пресловутой «континентальной солидарности» грабеж иностранными монополиями природных богатств латиноамериканских стран, грубое вмешательство в их внутренние дела. Под флагом ОАГ была предпринята вооруженная интервенция США против Доминиканской республики в 1965 году, под этим же флагом империализм чинил на континенте множество других преступлений.

Особенно позорной была роль ОАГ в организации террористических антикоммунистических кампаний, разжигании антикубинской истерии, попытках штыком, экономической блокадой и дипломатическим «санитарным кордоном» погасить первый маяк социализма в западном полушарии. Я вспоминаю казино фешенебельного уругвайского курорта Пунта-дель-Эсте. Там свыше десяти лет назад на конференции ОАГ представители США методом выкручивания рук добивались организации крестового похода против Кубы. Вскоре именем ОАГ были приняты позорные антикубинские санкции, обязывающие членов этой организации разорвать дипломатические и иные связи с Островом Свободы.

Однако с того времени на латиноамериканском континенте произошли значительные перемены. Небывалый размах освободительной борьбы, кончина целой плеяды диктаторских режимов, укрепление позиций социалистической Кубы, ее международного авторитета, глубокие социальные преобразования в Чили, патриотическая деятельность военного правительства в Перу, антиимпериалистические требования со стороны многих государств Латинской Америки, рост национального самосознания народов, их тяга к идеям социализма — все это создало на континенте новую ситуацию, в корне отличную от той, которая существовала к моменту рождения ОАГ. Эта новая ситуация отразилась на всем комплексе отношений США со своими южными соседями, на всей межамериканской системе, в том числе на ОАГ, которая перестает быть придатком государственного департамента США, перестает безоговорочно служить империализму.

Состоявшаяся недавно в Панаме выездная сессия Совета Безопасности ООН своими резолюциями, направленными против вмешательства империализма во внутренние дела латиноамериканских стран, его незаконного присутствия в зоне Панамского канала, зафиксировала факт морально-политической изоляции США на континенте. Об этом же наглядно свидетельствуют итоги происходившей в апреле в Вашингтоне сессии Генеральной Ассамблеи ОАГ.

Практически единодушным был тезис участников сессии о том, что в своем нынешнем виде ОАГ служит интересам не латиноамериканских стран, а США. Этот справедливый тезис учитывает требования широкой общественности континента о переводе штаб-квартиры ОАГ на юг от границ США и даже о создании региональной организации с участием только стран Латинской Америки. Вопреки сопротивлению представителя США было принято решение о создании специальной комиссии, на которую возложена выработка рекомендаций о коренной реформе ОАГ.

Долгие годы ОАГ служила трибуной махрового антикоммунизма. На сей раз произошло иное. Многие делегаты вашингтонской сессии ОАГ говорили о необходимости ликвидировать антикубинские санкции, нормализовать отношения с Кубой, тем более что на этот реалистический путь уже практически вступила одна четверть государств континента. Разве не знаменательным является заявление на вашингтонской сессии ОАГ министра иностранных дел маленького государства Барбадос о том, что «идеология марксизма-ленинизма не может более рассматриваться как несовместимая с принципами межамериканской системы». А разве не красноречиво осуждение министром иностранных дел Коста-Рики «абсурдного мнения о том, что в мире не могут сосуществовать государства с различным политическим кредо и различными социально-экономическими системами».

Подобные признания, за которые четверть века назад их авторам грозила бы смирительная рубаха, отражают объективный процесс воздействия на ОАГ таких факторов, как изменение соотношения сил в современном мире в пользу социализма, авторитет мировой социалистической системы, престиж Советского Союза и его ленинской внешней политики, растущее стремление латиноамериканских государств к развитию взаимовыгодных отношений с нашей страной. Об этом наглядно свидетельствуют итоги недавнего визита в нашу страну президента Мексики Луиса Эчеверрия, заявившего, что «идеи прошлого не могут разрешить проблемы настоящего и еще меньше будущего».

Да, идеи прошлого, идеи антикоммунизма, которые исповедовали основатели ОАГ в качестве официальной доктрины, не сулят никаких перспектив этой организации, а главное — противоречат кровным национальным интересам народов стран Латинской Америки в их борьбе против империализма, за достижение социального прогресса.

В руке — чехословацкая медаль,
Кусочек бронзы, выплавленной где-то.
Забытая открылась взору даль,
Душа теплом далеких лет согрета.

Теплом великой дружбы фронтовой,
Что нас вела сквозь огненные шквалы,
Что помогала брать нам перевалы,
Что помогла нам долг исполнить свой.

На бронзе — два суровые бойца,
Народов дружественных два солдата,
Что верность долгу пронесли в сердцах,
Скрепили кровью дружбу ту в Карпатах.

Воздвигнут им суровый монумент,
Как дань живых погибшим за свободу,
Как символ верности на много-много лет
Двух побратавшихся народов.

За участие в боях на Дукле автора этих строк танкового техника Николая Гавриловича Ищенко правительство Чехословакии наградило Дукельской медалью. Ныне заслуженный учитель РСФСР Н. Г. Ищенко преподает в селе Белгаза, Аткарского района, Саратовской области. Об этом человеке, о его земляках, участниках освобождения Чехословакии, активистах Общества советско-чехословацкой дружбы рассказывает председатель Аткарского отделения общества Александр Карпович Самойлов.

Наше отделение существует уже десять лет. За плодотворную работу по укреплению дружбы между советским и чехословацким народами оно награждено Почетной грамотой Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами.

Только в 1972 году на предприятиях города, в учебных заведениях, в селах района, клубах и библиотеках проведено 64 мероприятия — вечера, выставки, викторины, посвященные ЧССР.

В Аткарском отделении общества есть альбом, посвященный нашим землякам, которые сражались на чехословацкой земле. Активисты общества долго и упорно разыскивали этих людей. Их оказалось 58.

Вот имена некоторых из них:

Иван Фролович Самойлов был башенным стрелком в танке, участвовал в освобождении Словакии.

Кавалер ордена Славы, бывший пулеметчик, ныне слесарь завода «Ударник» Владимир Алексеевич Евдокимов. Раненного, его вынес из боя словацкий крестьянин.

Александр Павлович Каплин командовал дивизионом 152-миллиметровых пушек-гаубиц 11-й артиллерийской дивизии. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, трех орденов Красной Звезды. Одна из «Звездочек» — за бои под Братиславой.

Аткарское отделение Общества советско-чехословацкой дружбы объединяет около 11 тысяч человек. Это люди разных поколений. 675 школьников переписываются со своими ровесниками из братской страны. Ребятишки старшей группы детского сада № 2 послали своим «коллегам» из города Пльзень русские сказки и получили в ответ чехословацкие.

У нас гостили труженики сельскохозяйственного кооператива имени 20-летия Словацкого национального восстания. Председатель кооператива Йозеф Баранчок узнал много интересного из разговоров с председателем колхоза «Россия» В. К. Сапрыкиным. Колхозу «Россия» за развитие дружеских связей с трудящимися Словакии вручена Почетная грамота Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами.

Особенно тесные связи у Аткарска с 23-м отделением Союза чехословацко-советской дружбы в Праге. Мы уже давно ведем переписку, а осенью 1972 года наши земляки побывали в Чехословакии. Врачи Ю. Авдеева, К. Макеева, А. Полякова, телятница колхоза «Россия» В. Корягина, агроном Г. Иночкина, управляющий районным объединением «Сельхозтехника» Н. Кузнецов и другие товарищи были гостями пражских друзей. Навсегда останется в памяти теплая, душевная встреча. Председатель отделения Мирослав Розмарин заявил, что народ Чехословакии никогда не забудет подвига Советской Армии, бескорыстной помощи Советского Союза в укреплении и дальнейшем развитии экономики ЧССР, что завет Клемента Готвальда «С Советским Союзом на вечные времена!» был, есть и будет главным лозунгом чехов и словаков.

В Пльзене, городе машиностроителей, мы посетили завод «Шкода». Хозяева показали вычислительный центр, ознакомили с планами предприятия. Состоялся большой разговор о дружбе наших народов. Председатель заводского отделения Союза чехословацко-советской дружбы Ч. Фланкс сказал: «Очень рады приветствовать вас на нашем заводе. Просим передать трудящимся Аткарска, всем советским людям, что рабочие «Шкоды» были и всегда будут верными друзьями Советского Союза».

Еще волнующая встреча — в одном из районов Пльзеня. Зал переполнен. Сюда пришли ветераны труда и КПЧ, молодежь. Теплые улыбки, крепкие рукопожатия. Ребятишки преподнесли нам букеты цветов со словами «Советский Союз — это мир, Советский Союз — это великий друг!».

Потом к нам подошла пожилая женщина. «Возьмите на память,— сказала она и протянула небольшую коробочку.— Этот сувенир сделал своими руками мой муж, он хотел подарить его советским друзьям, но не дожил до встречи...»

В маршруте поездки не значился городок Горни Елени, но мы не могли не заехать туда, и сотрудники бюро путешествий «Чедок» любезно согласились выполнить нашу просьбу.

...На станции Чемизовка Аткарского района живет Николай Григорьевич Шинкаренко... В 1945 году старшина Шинкаренко сражался в одном из партизанских отрядов, действовавших в Восточной Чехии. Боевые друзья назвали его Ладей — от слова «ладный, статный». Таким он запомнился жителям села Горни Елени. Однажды — дело было во время оккупации — в село нагрянули гитлеровцы. Кто-то сообщил фашистам, что здесь заночевал один из партизан, который должен утром переправить в отряд партию оружия.

Эсэсовцы согнали крестьян к лесу, били, угрожали, требовали выдать партизана. «Найдем — сожжем все село!» — грозили каратели. Но все молчали. Когда фашисты ушли, партизану — это был Ладя — помогли выбраться из тайника. Прятала его у себя во дворе семья Капланов. Мы встретились с их сыном Ярославом, который ныне возглавляет сельскохозяйственный кооператив.

Хлебом-солью встретили аткарские хлеборобы друзей из Сеницы.

НАВЕКИ В СТРОЮ

— Как же, конечно, я хорошо помню «нашего русского», которого отец спрятал тогда в яме. Жаль, что отец не дожил до этой встречи. Ладя был ему как родной сын, он называл моих родителей «матичкой» и «татичкой»,— рассказывал Ярослав.— Большое и доброе сердце у советских людей: они ценят тот скромный вклад в борьбу с фашизмом, который внесли жители нашего села и мой отец,— продолжал Ярослав Каплан.— Мы не забудем этого и сделаем все, чтобы наша дружба стала еще крепче.

В Горни Елени, как и во всей Чехословакии, люди с благодарностью вспоминают своих освободителей, бережно хранят память о тех, кто отдал жизнь за избавление от фашистского рабства. Мы побывали на сельском кладбище, где похоронены советские воины. На их могиле посадили саженцы роз, выращенные в Аткарске, в совхозе декоративных культур.

— Лучшему классу будет доверен уход за аткарскими розами,— сказала завуч местной школы Дана Гейнова.

Через московское радио из Аткарска в Горни Елени послана запись песни «Аткарские розы» в исполнении нашего народного хора. Автор слов — Николай Гаврилович Ищенко, музыку написал местный композитор Михаил Фадеев.

Горни Елени входит в район Пардубице. Перед отъездом из села мы передали письмо первого секретаря Аткарского горкома КПСС В. С. Белопахова секретарю Пардубицкого райкома КПЧ Богуславу Гнатицкому.

Рассказ о поездке в Чехословакию был опубликован в нашей газете «Ленинское знамя». Этот номер мы отправили друзьям в Прагу. А оттуда пришло письмо от нашего давнего друга Цецилии Востраковой. Интересна судьба этой женщины.

В двадцатых годах она, тогда молодая учительница, приехала с группой членов Коммунистической партии Чехословакии в Саратовское Заволжье. На землях Ершовского района чехословацкие товарищи организовали коммуну «Рефлектор». Ц. Вострякова более тридцати лет преподавала в советской школе, а когда в Чехословакии победила народная власть, она вернулась в Прагу. Пани Вострякова — активист местного отделения Союза чехословацко-советской дружбы, непременный участник всех мероприятий, посвященных дружбе с СССР.

* * *

Дорогой «Огонек»! Спасибо за конкурс «Путешествие в историю Чехословакии». Принимаю в нем участие с огромным удовольствием, потому что, отвечая на вопросы, еще больше узнал об истории братской страны, глубже проникся уважением к ее народу, к Коммунистической партии Чехословакии.

Хочется закончить стихами:

С берегов Аткары быстротечной,
Что бежит между Волгой и Доном,
Обращаюсь с приветом сердечным,
С самым низким русским поклоном.

Солнце светит пусть ярко вам, братья,
Счастье входит пусть в каждый дом.
Вы примите мои объятья,
Мы навеки в строю одном.

ОДНОМ

КИНО

Л. НОВИКОВА

...И ВИВА ЛА РЕВОЛЮСЬОН !

«И вива ла революсьон!»

«Да здравствует революция!» Это строка из песни, которая служит фоном для фильма «Пылающий континент», созданного режиссером Романом Карменом и его соавторами. Песни, прекрасной по содержанию и по музыке, исполняемой молодыми чилийскими певцами братом и сестрой Парра... Детьми той самой Виолетты Парра, одной из родоначальниц песен протеста в Чили, которая гневно осуждала несчастья в жизни чилийских тружеников... Но Виолетта трагически погибла до того, как ее родина, ее дети произнесли заветное слово «революция».

Фильм «Пылающий континент» убеждает нас в том, что революционные преобразования на южном континенте становятся все отчетливее, что они результат долгого и мучительного процесса становления национального сознания.

Вот начало этого процесса. Мы видим на экране солдат и мексиканских вождей Панчо Вилью и Эмилиано Сапату; их эпопея вошла в историю как народная крестьянская революция 1910 года. Не война, а именно революция!.. От Мексики ниточка через американского журналиста и коммуниста Джона Рида протянулась к Советской России 1917 года, прошла через Испанию, через борьбу честных людей мира против фашизма и привела к острову Свободы Кубе, стране, первой в западном полушарии избравшей путь социалистического развития. Отсюда та же нить приводит нас на земли пяти стран Латинской Америки. Это Чили, Перу, Венесуэла, Доминиканская Республика и Панама...

Народ встречает президента Чили доктора Сальвадора Альенде словами: «Здравствуйте, товарищ президент!..» Товарищ! А не «сеньор», как было испокон веков.

Народ Чили отмечает свой новый праздник — День национального достоинства. День, когда народу возвращены богатства недр его родины...

Отступая от последовательности в изложении, хочу обратить внимание на «голос за кадром»... Это с нами говорит, не комментирует, а рассказывает глуховатым, усталым голосом Роман Лазаревич Кармен, то и дело указывая на ту или иную деталь, образ, штрих. Часто он «отдает слово» своим героям. Сильное впечатление производит рассказ молодого чилийского шахтера Ленина Диаса. Да, да, именно так его зовут! Имя — Ленин, фамилия — Диас. Он смотрит на зрителя прямо с экрана и говорит о своем погибшем отце-шахтере, о матери, о том, как священник отказался крестить ребенка в семье Диасов, так как дитя хотели назвать именем «рабочего бунтаря»...

В Чили основные герои фильма — рабочие. А в Перу героем стало крестьянство. И это естественно. Перу — страна в основном аграрная. Распределение земель между крестьянами для Перу — знаменательнейшее событие!..

Мысль о национальном достоинстве народа, страны носится в воздухе и над Венесуэлой. Ее сказочные природные богатства были тем счастливым сейфом американских дельцов, в который они вкладывали доллар, а получали пятьдесят. После кубинской революции, после того, как Куба перестала быть туристской колонией янки, в Венесуэлу устремились дельцы от «индустрии развлечений» по американскому, естественно, образцу... Но вот наступил момент, когда Венесуэла заявила права на полный суверенитет! Правительство объявило о национализации нефти по истечении концессионного срока...

Все более активно требуют возвращения национального достоинства и народы Санто-Доминго и Панамы.

Территорию Панамы трагически рассекает «зона», принадлежащая «навечно» США. Более семидесяти лет назад было здесь произнесено и занесено в документы это зловещее слово. «Навечно» отдан США канал, отданы земля, вода, богатства... Но уже сегодня панамский народ произнес новый лозунг: «Никогда на коленях!». За этот лозунг уже поплатилась жизнью панамская молодежь — юноши и девушки, ставшие жертвами американских карателей, расстрелявших мирную демонстрацию...

В фильме мы видим и другое. Правы авторы фильма, когда говорят, что в «цветах, песнях, поклонении женской красоте — душа Латинской Америки»! Цветы всюду в этих странах, правда, очень красивы! Особенно венесуэльские орхидеи, мексиканские красные лопухи, которые цветут только в ночь под Новый год, ковры лиловорозовой бугенвиллеи... И женщины Латинской Америки очень красивы. Особенно на Кубе. И песни великолепны! И карнавалы ошеломляют взрывом красок, веселья, молодости. Однако же это фон, на котором происходят события Латинской Америки.

Советский кинематографист, участник сражения за испанскую республику, участник Великой Отечественной войны, первый зарубежный кинематографист, восславивший эпопею кубинской революции, Р. Кармен получил разрешение на съемки лишь в пяти странах. В его объектив не попали фавеллы бедняков в Рио-де-Жанейро и небоскребы Сан-Паулу, построенные всемирно известным архитектором Оскаром Нимейером, который вынужден сейчас жить в Европе... Не попали «эскадроны смерти», созданные полицейскими Бразилии для борьбы против рабочего класса. Не попали бастующие горняки Боливии, труженики кофейных плантаций Колумбии и банановых плантаций Эквадора... Не попали улицы парагвайской столицы Асунсьон, в тюрьмах которой томятся деятели демократического движения.

«Битва за демократию — это битва против реакции. Все, что работает на антикоммунизм, антисоциализм, антисоветизм, неотъемлемо от реакции, от фашизма!» Это говорит еще один герой фильма, известный чилийский писатель Франсиско Колоане, чьи книги переведены и на русский язык. В его словах — та объективная истина, которую Р. Кармен прослеживает на земле Латинской Америки в своем фильме «Пылающий континент».

НА НИВЕ СЕРДЦА МОЕГО

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Мне бы только успеть

Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О России моей
Полным голосом спеть.
Чтоб за всю доброту
Отплатить ей добром,
Нужно песням звенеть
Серебром,
Серебром.
Слишком празднична медь,
Слишком бравурна сталь,
Мою нежность излить
Они смогут едва ль.
Нежность к русой земле,
На которой росла,
Где цветам и ручьям
Я не знаю числа.
Виноватую нежность
К друзьям дорогим,
Что в боях заслонили
Нас сердцем своим.
Ведь, покуда жива,
Я забыть не смогу
Кровь войны
На жестоком,
На рваном снегу.
Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О народе своем
Полным голосом спеть!

Колосья

Мои стихи.
Мое мученье.
Мои вседневные труды.
Забота.
Радость.
Излеченье
От суеты,
От немоты...
Росла угрюмой,
Безголосой.
Ни танцевать,
Ни песню спеть.
Но поднялись стихов
Колосья
И тихо начали звенеть.
Ращу их нежно
И упорно.
И нет счастливей никого,
Когда они
Шумят раздольно
На ниве
Сердца моего!

Слово о руках

Глубин космических
Атланты,
С косматым солнцем
Над плечом,
Корабль покинув,
Космонавты
Колдуют гаечным ключом.
Близка им речь
Пилы драчовой,
Нрав огнестойкого листа.
Сошлись в них
Знания ученых
С рабочей хваткой
Мастерства.
Ценой немыслимых усилий
И разума
И умных рук
Боролся человек
За крылья,
Чтоб замкнутый
Раздвинуть круг.
Коренником
Несется атом
По зимнику тугих орбит.
И объявить себя
Крылатым
Едва ль не каждый
Норовит.
Я думаю,
Пора настала
Предупредить нам кой-кого.
Что человеку
Крыльев мало.
Должны быть руки
У него!

Огнепоклонник

Наш город рос
У вечного огня,
Пылающего в сердце домен.
Прекрасный
И надежный, как броня,
Он был сперва
Воинственно бездомен.
И ничего он нам
Не обещал!
Встречая вьюг
Разбойные набеги,
Мы ставили палатки
На причал,
Бараков емких
Строили ковчеги.
Они копили
Запахи жилья,
И детский смех,
И переплес гармоник...
Наш город рос
У вечного огня —
Мечтатель,
Мастер
И огнепоклонник!

Эсмеральда

Есть девушки,
А есть девчонки.
Туманен слов водораздел.
Но этих плеч
Округло-тонких
Коснуться
Вряд ли кто посмел.
Весенний блеск
Живого взгляда.
Лица изменчивый овал...
Горячий цех наш
Эсмеральдой
Влюбленно девушку назвал.
Когда из проходной завода
Она бежит,
Смугла, легка,
Мартен, как верный
Квазимодо,
За ней следит
Издалека.

Диковинка

Вечера в предзимье долгие.
Темнотища —
Невпроглядь.
У костра сидят геологи,
Ни о чем не говорят.
Лишь поет транзистор
Тоненько.
Он, наверно, тоже ждет:
Вдруг негаданно
Диковинка
К костерку их подойдет.
В этой чертовой обители
Среди кочек да болот
Парни девушек
Не видели,
Может, месяц,
Может, год...
И бывает им в диковинку
В безымянном хуторке
Встретить Катю
Или Оленьку,
Побродить рука в руке.
И услышать:
— Глубже ройте,
Нет пустых в Сибири мест.
Что-нибудь у нас откройте,
Чтобы город
Вырос здесь!
...Ночь.
Поет транзистор сбивчиво,
Все надеется,
Все ждет:
Вдруг Диковинка
Улыбчиво
К костерку их подойдет.

Весну я в гости жду

На тонкой дужке месяца
Ведерышко без дна.
Прозрачной синью светится
В нем близкая весна.
Не молодость влюбленную,
Не песен ворожбу,—
Как дочку нерожденную,
Весну я в гости жду!

Март

Белой птицей
С черным хвостом
Скоро к нам явится март.
Хоромы зимы
Обрекая на слом,
Весенний объявит старт.
И где-то,
В неведомой мне дали,
Средь жирных,
Теплых болот,
Крылья начнут проверять
Журавли,
Готовясь в трудный полет.
Тихие рощи лишатся сна.
На взгорках растает снег.
Зеленый брусничник,
Раскрыв глаза,
Вскинет ладошки вверх.
Под темным,
Капелью исклеванным льдом
Проснется лесной ручей.
...Белая птица
С черным хвостом
Спит на моем плече.

* * *

Будто утенок пегий,
Клюв раскрыл курослеп.
Утро —

Ю. Королев (Москва). ПАННО НА ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ «СССР — НАША РОДИНА» (фрагмент).

У. Тансыкбаев (Ташкент). МОЯ ПЕСНЯ.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

Румяный пекарь.
Солнце —
Горячий хлеб.
Льнов голубую скатерть
Стелет заботник-май.
Земля моя,
Родная матерь,
Солнышка ломтик дай!

Раненый лось

Кровь прожигает снег.
Насквозь!
И ветер теплый пар колышет.
Мне кажется,
Поляна дышит
Ноздрями красными.
А лось
Ступает тяжко,
Болью скован.
И страшно не ему,
А мне,
Что черный выстрел
Грянет снова
В незащищенной тишине.

Я выпускаю снегиря

Глухаркой огненной заря
Сидит на влажной ветке.
Я выпускаю снегиря:
Он не прижился в клетке!
Был корм,
Как с царского стола,
И, как для Гулливера,
Ему построена была
Огромная вольера.
Но вопреки всем словарям
И поправляя Брема,
Снегирь
Со страстью бунтаря
Крушил неволи бремя.
Свой клюв воинственно
раскрыв,
Крылом о прутья бился,
На подношенья и дары
Презрительно косился.
Ни звука мне не говоря,
Сидел в углу, набычась.
Я выпускаю снегиря,
В нем уважая
Личность!

Белка

Буран,
Швыряясь крошкой мелкой,
Печатает свой белый след.
Хвостом укрывшись,
Дремлет белка.
Хвост для нее —
И плащ
И плед.
Он ей и парашютом служит,
А если надо,
То крылом,
Когда она по лесу кружит
В воздушном танце вихревом.
Ее изяществом,
Отвагой
Не обладает даже рысь.
Зовут таежники
Летягой
Зверька, стремящегося
Ввысь.
Дивятся беличьим проделкам,
Лукавой,
Радостной красе.
. . . .
Зачем мы заставляем белок
Крутиться в тесном
Колесе?!

Цыганка

И красотой
И ворожбою
Сразила парня
Наповал!
Своей отрадой
И судьбою
Цыганку предок мой назвал.
Из дома родичами изгнан,
Ушел с женой
На отруба.
И заклеймили кличкой
«Цыган»
Кликуши божьего раба.
А он пошел
На святотатство,
Не освятив свой новый кров.
Его опорой и богатством
Была отвага
И — любовь!
Должно быть, спьяну
Писарь местный
Дал делу добрый оборот.
И с той поры
В глуши безвестной
Начался Цыганковых род.
...Сверкнув серьгой,
Угасло имя
Той дальней бабушки моей.
В монашьей келье
Строгий Пимен
И слыхом не слыхал
О ней.
Но я-то знаю:
Не из сказки
Пришли сквозь многие лета
К сынам
И этот взор цыганский,
И жаркий нрав,
И смуглота...

* * *

Я о любви,
О верности твоей
Своей строкою говорю так
редко.
Но что строка?
Она всего лишь ветка
На дереве,
Что выбрал соловей!
А песня соловьиная
Сильна
Своим непостижимым
Постоянством.
Ты слышишь?
Над годами,
Над пространством —
Как в первый раз! —
Опять звучит она.

Судьба ее горька

— Будь чист, как молоко, —
В народе говорят.
О, как ей нелегко
Встречать твой хмурый взгляд!
Он мутен и тяжел
Не от великих бед:
Когда ты пьян,
То зол
На весь на белый свет.
И камнепадом слов,
Тупых, как жернова,
Ты сокрушить готов
Мать,
Что тобой жива.
. . . .
Как праздновала мать
Рождение твое.
И шли все поздравлять
С тем праздником ее.
Проворна и сильна,
В разруху,
В недород,
Как берегла она
Тебя от всех невзгод!
Судьба ее
Горька.
А ты,
В расцвете сил,
Не стоишь молока,
Которым вскормлен был.

Красота доброты

Т. С. Абашидзе

В июле
Даже пасмурные дни
Согреты солнца
Щедрой теплотой.
Людей я знаю:
Светятся они
Отважно-бескорыстной
Добротой.
Их ясных лиц
Неброские черты
Не остановят
Равнодушных глаз.
Зовется красотою
Доброты
Та красота,
Что в них пленяет нас.
Над ней не властна
Жизни суета,
Ни горьких лет
Тугой водоворот...
Есть люди,
Чья живая доброта
И в старости
Им прелесть придает.

Глубина

Не дозовешься,
Не достанешь дна.
Уходят скалы в озеро
Отвесно.
Ты говоришь:
— Какая глубина!
А кто-то тускло утверждает:
— Бездна.
Мне в этот спор
Вторгаться ни к чему.
Гляжу,
Как солнце плещется в волне,
И думаю:
Уныло жить тому,
Кто видит бездну
В донной глубине!

Обращение к соснам

Раздичилась непогода...
Как ведется исстари:
Смеркла красок позолота,
Рощи обезлистели.
Но зато
В сырую темень
Месяцев суровых
Ярче и отрадней
Зелень
Сосен хвойнобровых.
Я зимой,
Порою мглистой,
Наблюдала часто,
Как тепло,
Как золотисто
Их стволы лучатся.
Сосны, сосны,
В знак участья,
В знак любви ответной
Подарите мне
На счастье
Ваш характер светлый!

А. СОФРОНОВ

АДЕН ОСТАЕТС

ДВА ВЕЧЕРА С ПИСАТЕЛЯМИ

Находясь вместе с Мирзо Турсун-заде в Адене, мы хотели познакомиться с местными писателями. Наше желание совпало с желанием писателей Южного Йемена.

...Машина, недолго попетляв по скупо освещенным улицам Адена, подъехала к берегу залива. Мы поднялись по небольшой лестнице и оказались в доме с широкой верандой, выходящей окнами на залив. Нас встретили три человека.

— Абдалла Фадель Фарад,— сказал один из них, коротко стриженный, черноволосый, внимательными глазами смотревший из-за очков.

— Мухаммед Саид Джерада,— представился другой.

— Это поэт,— сказал на русском языке третий.— И очень хороший поэт.

Было приятной неожиданностью услышать почти чистый, с легким восточным акцентом русский язык.

— Откуда такое знание языка?

— Учился в Советском Союзе, в МГУ, на юридическом факультете. А зовут меня Омар Альгави. Работаю в министерстве культуры. Кроме этого, редактирую впервые выпускаемый в Йемене литературный журнал, название которого в переводе на русский означает «Разум». Мы рады видеть наших друзей, советских писателей, в доме писателей Йемена, в доме, который нам передало правительство. Присаживайтесь, товарищи.

Три мягких, широких дивана стояли на веранде. За окном тихо плескались и шуршали на песке волны. Лунный серп, словно маленький, освещенный белым светом кораблик, плавал в заливе.

— Товарищ Фарад, кроме того, что он поэт и критик, еще и председатель нашего союза писателей и литераторов. А еще он ректор единственного в нашей республике педагогического колледжа.

— Давно создан союз писателей?

Омар перевел наш вопрос Фараду.

— Учредительный съезд состоялся в мае 1970 года. Сейчас идет работа над уставом союза. В мае этого года предполагаем созвать первый съезд,— ответил Фарад.

— Дело в том,— сказал Омар,— что наш союз, несмотря на политическое несоответствие между нашей республикой и Северным Йеменом, является единым. Объединяет литераторов Южного и Северного Йемена. Таким образом, исполком нашего союза состоит из южан и северян... Но председатель союза, как видите, живет у нас в Адене.

— Любят ли в Йемене литературу?

Фарад удивленно посмотрел на нас.

— Для нашего народа поэзия является его душой, она как бы регистрирует состояние души каждого араба.

— Значит, у вас много поэтов?

— Из трех писателей не меньше двух поэтов.

— Бывает, что и все три являются поэтами,— добавил Омар.

— Но после последней войны получили развитие и другие жанры литературы. Люди пишут короткие рассказы, повести, даже начали появляться романы.

— А пьесы?

— Начинают появляться, но больше в поэтической форме.— Фарад остановился, затем продолжил: — К сожалению, у нас еще нет своего театра. Может быть, только зачатки его... Каких драматургов мы могли раньше знать? Шекспира, Голсуорси... Мы же были английской колонией. Все наши культурные связи могли быть только с Англией. Те немногие юноши и девушки, что учились в средней школе, воспитывались на английской литературе. Все шло под призмой, выгодно или невыгодно это англичанам. А они, конечно, не были заинтересованы в том, чтобы у нас развивалась своя литература, свой театр. Даже когда в арабских странах проводились какие-либо конференции или фестивали, Йемен на них не допускался. В Шотландию нас допускали, но с английским репертуаром.

— Вы критик, Фарад... Как у вас обстоит дело в этой области?

— Я могу говорить о трех направлениях критики. Первое — традиционная, разбирающая арабские произведения на исторические темы. Второе — западническая, с учетом тенденций литературной критики Запада, буржуазной критики. Третье — с использованием литературы социалистических стран. Я лично получил традиционное образование, но сейчас стараюсь знакомиться с вашей литературой.

— А как ваши студенты?

— Наши студенты изучают механику, специальные предметы и, к сожалению, пока еще не изучают вашу литературу.

— Нам очень нужны техники и экономисты,— сказал Омар.

— Да, это очень важно,— согласился с Омаром Фарад.— Но сейчас нам важно готовить молодежь, чтобы она знала и вашу литературу и литературную критику. Дело в том, что англичане старались готовить специалистов в своем духе. Если они замечали способного гуманитарника, они приглашали его в Англию, и он там стажировался не меньше года. Как видите, политика — это жизнь, а жизнь — это политика.

— Участвовали писатели Йемена на последней конференции афро-азиатских писателей в Дели?

— Нет, не участвовали. А когда она была? — спросил Фарад.

— В ноябре 1971 года.

— А на пятую конференцию в сентябре этого года, что будет в Алма-Ате, поедете?

— Очень бы хотели. Но поехать мы можем только единой делегацией с Северным Йеменом. Там живет прекрасный арабский поэт Абдалла Баррадуни. Он слепой, но стихи у него великолепны. Это очень популярный поэт на Арабском Востоке.

...Все это время поэт Мухаммед Саид Джерада сидел молча, внимательно прислушиваясь к тому, о чем мы беседовали с Фарадом. Нет, он совсем не скучал. Это было видно по его живым, заинтересованным глазам. Когда же в беседе образовалась пауза, мы попросили его почитать стихи.

— С удовольствием,— сказал он и поднялся.— Я прочту стихи о Вьетнаме.

На веранде стало тихо, и снова донесся плеск волн. Джерада читал тихо, но и без перевода чувствовалась поэзия. Когда он закончил чтение, Омар спросил:

— Может, перевести?

— Не надо,— сказал Турсун-заде.— Наш замечательный русский поэт Николай Тихонов однажды слушал стихи таджикского молодого поэта, и когда Тихонова спросили, перевести ли стихи, он ответил: настоящего поэта чувствуешь по музыке и интонации.

Фарад сказал, обращаясь к Турсун-заде:

— А может, наш гость прочтет свои стихи на родном языке?

— С удовольствием,— ответил Турсун-заде.

На веранде зазвучали таджикские стихи.

— Перевести? — спросил Турсун-заде, закончив чтение.

— Не надо... Ведь Николай Тихонов сказал...

— Мы собираемся иногда на этой веранде,— задумчиво проговорил Фарад,— гасим свет и смотрим под луной, как возвращаются рыбаки с Индийского океана. Они вытаскивают на берег сети, и рыба на берегу сверкает, как серебро.

— Товарищ Фарад, можно еще один вопрос? Вы готовите в своем колледже педагогов. На какие вопросы вы сейчас обращаете особое внимание?

— До получения независимости у нас в Йемене вообще не было высшего образования. Сейчас мы уже выпускаем педагогов, в том числе и гуманитарников. Мы считаем необходимым, помимо специального образования, готовить их и политически грамотными. Поэтому изучение принципов научного социализма входит в программу подготовки наших педагогов. А они, в свою очередь, должны нести эти принципы в школы, где будут преподавать. Мы считаем, что наука не может быть оторвана от социальных вопросов. Вот на эту сторону образования мы сейчас обращаем особое внимание.

— А что, если в советском культурном центре устроить совместный литературный вечер, на котором выступите и вы, советские поэты, и поэты Йемена? — спросил вдруг Омар.

— Это было бы превосходно.

— Да,— сказал Фарад.— Это был бы первый литературный вечер советских и йеменских поэтов. Первый вечер в нашей истории.

...Мы спустились по крутым ступенькам к берегу залива, где стояла машина. Ярко светили звезды. В заливе слышался плеск весел. Это рыбаки возвращались с Индийского океана...

Окончание. См. «Огонек» № 17.

А через день под таким же звездным небом в советском культурном центре в Адене состоялся действительно такой первый вечер. Около двухсот слушателей сердечно принимали поэтов. На вечер приехал поэт Абдалла Баррадуни. Мальчиком восьми лет во время эпидемии оспы он потерял зрение. «Обычно он любит сидеть на берегу и под шум волн сочинять стихи,— сказал нам ведущий этот вечер Омар.— В это время его никто не беспокоит. Потом он поднимается, говорит «готово» и читает стихи». Баррадуни стоял возле микрофона и негромким голосом читал удивительно пластичные, музыкальные стихи. Переводить его тоже не надо было...

На вечере выступал оказавшийся в это время гостем йеменских литераторов болгарский поэт Иордан Милев. Во дворце сбежавшего от йеменской революции шейха звучали стихи на арабском, таджикском, болгарском и русском языках...

Председатель Президентского совета НДРЙ Салем Рубейя Али.

ВСТРЕЧИ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ РЕСПУБЛИКИ

Во время одного из заседаний исполкома нам сообщили, что состоится встреча советской делегации с Генеральным секретарем Центрального Комитета Национального фронта НДРЙ Абдель Фатах Исмаилом.

...В небольшой остуженной комнате нас встретил Абдель Фатах Исмаил.

— Рад видеть советских товарищей,— сказал он, приглашая нас присесть.— Спасибо за слова привета,— обратился он к Мирзо Турсун-заде,— которые вы произнесли на митинге. Мы все здесь испытываем чувство радости от развития отношений между Советским Союзом и нашей республикой.

— А нам хочется поблагодарить вас за сердечность и радушие, которые мы встретили в Адене. На митинге мы были восхищены революционным духом вашего народа,— сказал Турсун-заде.

— Оттого, что у нас есть полная убежденность, что Советский Союз на нашей стороне, у нас крепнут вера, стойкость и уверенность. Мы идем тем же курсом, какой начертала Великая Октябрьская революция. Пусть наш народ численно небольшой, но это не уменьшает нашего желания быть достойными продолжателями идей Октября. Мы высоко оцениваем огромный вклад Советского Союза в дело освобождения арабских народов от империализма и колониализма. Мы создали школы, где читается курс марксизма-ленинизма, и уверены, что это будет способствовать укреплению социалистического мировоззрения. Большую помощь нашей республике оказывают советские специалисты. Мы также благодарим вас за эффективную экономическую помощь, которая соответствует нашим потребностям.

Я КРЕПОСТЬЮ

Мы очень горды тем,— продолжал Абдель Фатах Исмаил,— что именно здесь, в столице нашей молодой республики, Организация солидарности народов Азии и Африки отмечает свое пятнадцатилетие. Это для нас большая честь. Это также имеет особое значение в условиях политической и экономической блокады, которую переживает наша страна. Конечно, силы реакции и дальше будут продолжать свою линию на удушение нашей революции. Но эта линия, эти попытки обречены на провал, ибо наша сила и уверенность являются результатом наших добрых отношений с Советским Союзом, являющимся авангардом мирового революционного движения. В некоторых арабских странах есть люди, которые пытаются проповедовать идею, что арабы должны стоять одной ногой на Западе, а другой — в социализме. Мы с этим не согласны. Мы обеими ногами стоим на социалистическом пути. И как бы этот путь ни был труден, мы считаем его единственно правильным. Мы знаем, что наши принципы вызывают неудовольствие некоторых деятелей в некоторых арабских странах, но мы выдвигаем эти принципы не для пропаганды, а для того, чтобы идти этой дорогой.

— Мы думаем,— сказал член нашей делегации Григорий Шумейко,— что проходящая сейчас сессия исполкома подтверждает правильность вашей политики интернационализма. Как раз здесь вы могли убедиться, что ваш народ имеет очень много друзей.

...Накануне отлета из Адена мы были приняты председателем Президентского совета республики Салемом Рубейя Али. Прием происходил во дворце, в бывшей резиденции английского генерал-губернатора, того самого, который до последней минуты не мог примириться с тем, что придется спустить имперский флаг и навсегда покинуть этот вознесенный на высоком зеленом холме просторный и, как казалось тогда англичанам, недоступный для арабов дворец.

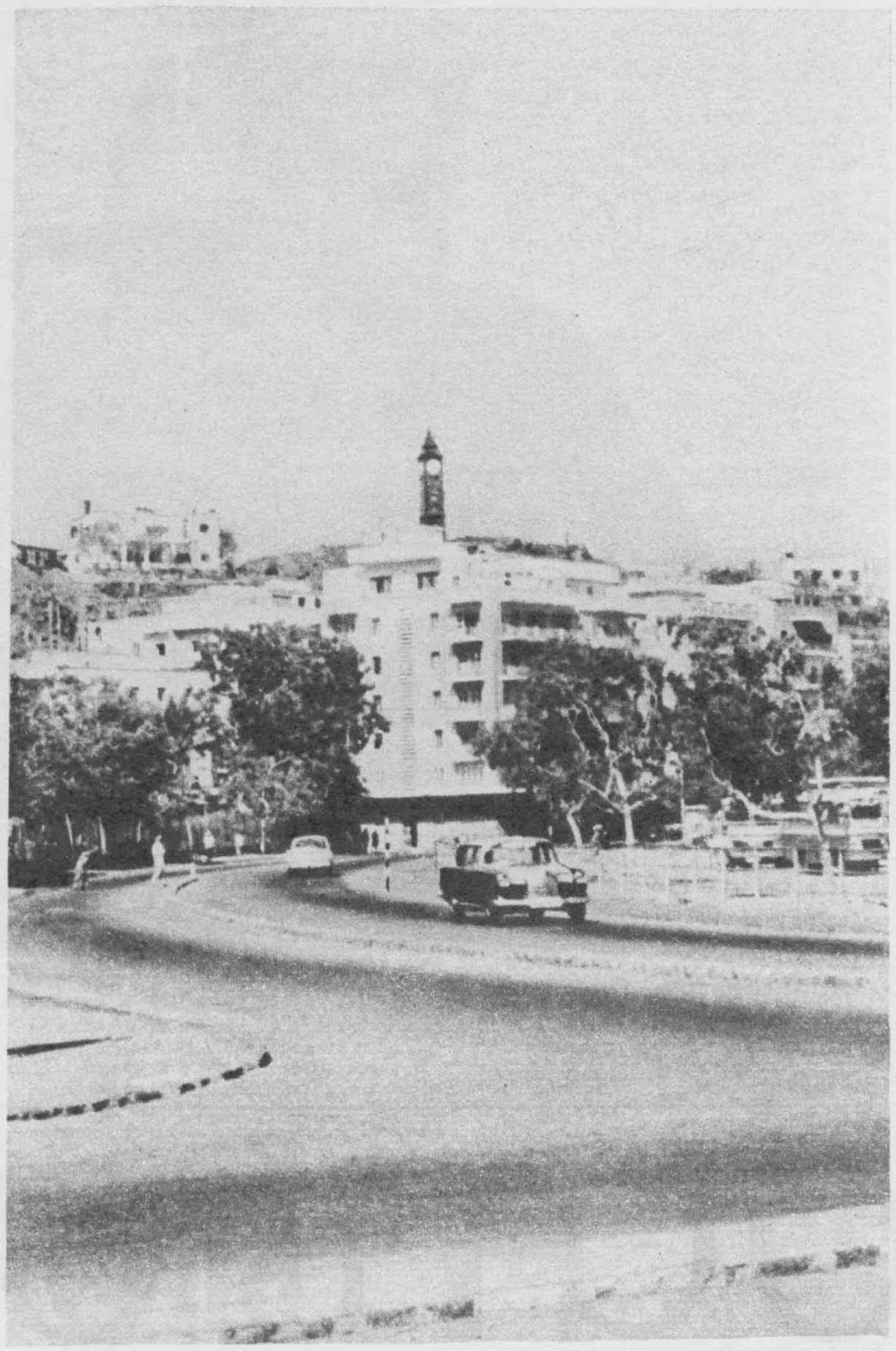
В зале под высокими потолками, словно лопасти самолетов, звучно гудели фены. На улице было знойно, а здесь стояла легкая прохлада. В окна заглядывали кусты алых и белых олеандров.

Салем Рубейя Али сердечно встретил советских делегатов.

— Весь йеменский народ глубоко удовлетворен не только тем, что было высказано в ваших выступлениях здесь, в Адене, но, главное, тем, что делает Советский Союз для нашего народа. Мы постоянно чувствуем, что советские люди с чистым сердцем поддерживают нас. Наша действительность такова, что и ваш приезд помогает еще раз понять высокий уровень нашей дружбы. Дело в том, что контрреволюционные силы, концентрирующиеся у наших границ, реорганизуют свои ряды. Они координируют свои действия с Саудовской Аравией. За последние 76 часов были предприняты попытки оккупировать ряд наших районов. Провокация следует за провокацией. Чувствуется, что они хотят ввергнуть нас в борьбу между Севером и Югом, ослабить патриотические силы Севера, играющие большую роль в сплочении на общей национально-освободительной основе. Руководство борьбой против нас идет через родоплеменные каналы, через шейхов, обосновавшихся в Саудовской Аравии. Мы знаем, что только за последнее время закончено формирование нескольких дивизий. Дивизии эти дислоцированы вдоль наших границ. Враждебная деятельность против нас активно проявляется и в Омане. Там также имеются подразделения, которыми руководят кабусовские и английские офицеры. В последние дни шли ожесточенные сражения между отрядами Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива и воинскими частями султана. Есть потери... Не только у патриотических сил, но и у англичан. Нам известно, что на прошлой неделе был убит один из высших английских офицеров. Тело его было отправлено на Кипр. Нам также известно, что султан Омана опирается на экспертов из некоторых арабских стран, в частности из Иордании. И тем не менее общая атмосфера соответствует интересам революции. Происходит все большее объединение патриотических сил в районе Персидского залива. Положение сложное, но мы смотрим на будущее оптимистично. Мы не одиноки. Есть много друзей, которые помогают нам. У Советского Союза,— продолжал Салем Рубейя Али,— очень много сыновей, ему трудно следить за каждым из них, но мы чувствуем отеческое внимание вашей страны.

— А каково экономическое положение республики?

— Экономическая ситуация? Мы стараемся идти вперед в деле поднятия уровня нашей экономики. К сожалению, нам, вероятно, не удастся полностью выполнить наш трехлетний план... Но он был первым планом нашей республики и поэтому в какой-то степени экспериментальным... Во всяком случае, он был для нас пробным. Сейчас мы обнаружили ряд упущений. При составлении будущего плана мы все это учтем. Одна из наших главных проблем — это подготовка кадров, на плечи которых должна лечь практика нашей экономики. Наше будущее



требует изменения взглядов на проблемы производства. Сейчас мы можем сказать, что прошли неплохой путь и кое-что сделали в сельском хозяйстве, в земледелии и рыболовстве. Начинаем добывать полезные ископаемые. Советские специалисты оказывают в этой области нам большую помощь. В экономике мы будем стараться активно развивать производственную сферу. Вот, пожалуй, и все, если говорить коротко. Нам бы хотелось, чтобы вы, товарищи, по возвращении на Родину передали нашу глубокую благодарность и сердечные приветы советскому народу и вашему правительству от нас и от народа нашей молодой, но полной сил и веры в свое будущее республики.

* * *

На другой день мы улетали. «ИЛ-18», прибывший из Сомали, стоял в аэропорту. В последний раз взглянув на освещенные заходящим солнцем зубчатые скалы, окружающие Аден, обнявшись с новыми друзьями, мы поднялись в самолет. За окнами быстро темнело. Мы жадно набросились на свежие московские газеты. Прошло около трех часов полета. В наш отсек заглянула стюардесса Лида.

— Вас просят к себе летчики,— сказала она.

— А что случилось?

— Ничего... Просто хотят поговорить с вами.

Я прошел мимо дремлющих в тишине пассажиров и заглянул к летчикам. В кабине было как-то по-особому спокойно. За штурвалом сидел командир самолета.

— Эдуард Васильевич Ругга,— представился он.— Как чувствуют себя ваши товарищи?

— Нормально... Отдыхают... Полет длинный.

— Да, в Москве будем часов в пять утра. Встречный ветер. Скорость всего 590 километров.

Радист что-то глухо говорил на английском языке. Я прислушался.

— Это разговор идет с Каиром,— сказал Ругга.

— А вы много летаете в Африке?

— В общем, да... Не только в Африке... Но Африку изучил... В Хартум, Аддис-Абебу, Конакри... Вот в Сомали...

— Вас можно назвать африканистом.

— Ничего не скажешь, привык к Африке.

— А где мы сейчас находимся?

Эдуард Васильевич обратился к штурману:

— Покажи по карте.

Штурман взял в руки линейку.

— Вот здесь,— указал он, и я увидел ниточку Суэцкого канала.

— Недалеко от израильских позиций?

— По прямой 60 километров.

— А не собьетесь с курса?

— Не должны. Когда летел ливийский самолет, Каир был закрыт хамсином. Надо же дойти до такого варварства — сбивать пассажирские самолеты!..

Звучно гудели моторы. Разноцветными огоньками светились приборы в кабине летчиков.

Я вернулся на место, и почему-то в памяти возникли остановившиеся стрелки часов на башне в Адене, скопированной англичанами по подобию лондонского Биг-Бена. Да, часы остановились. Английские часы в Адене. Остановилось английское время, но бурно движется вперед новое время, время освободившихся и еще продолжающих борьбу за свое освобождение народов бывших британских колоний. Пламя этой борьбы бушует сейчас и на Аравийском полуострове, в бастионах которого еще сидят те, кто хочет сохранить за собой право владения несметными нефтяными богатствами на этом горячем участке земли. Но будущее уже не за ними. Время колонизаторов кончилось. Когда-то Аден считался одной из опорных крепостей Британской империи. Английские колонизаторы изгнаны из Адена. Изгнаны навсегда. Но Аден остается крепостью. Но только крепостью, свободной от колонизаторов. Форпостом нового арабского мира на Аравийском полуострове.

Крепостью Революции.

Аден — Москва.

ЗНАМЕНОСЕЦ

Человек, которому посвящена эта книга, Петр Андреевич Заломов, слесарь Сормовского завода, поднявший алый стяг над головами рабочих — участников Первомайской демонстрации 1902 года, стал, как известно, прототипом Павла Власова, героя романа Горького «Мать». Общеизвестно, что черты матери Заломова, Анны Кирилловны, Горький запечатлел в образе Пелагеи Ниловны, матери Власова.

Лидия Стишова. Повесть о Петре Заломове. Профиздат, М. 1972.

Петра Заломова судил царский суд, он был сослан в Сибирь, бежал из ссылки, сражался в 1905 году на баррикадах Красной Пресни. Знаменосец сормовской демонстрации всегда был и оставался коммунистом: в годы гражданской войны он сражался за власть Советов, в годы Великой Отечественной войны, достигнув преклонного возраста, выступал перед воинами как горячий, страстный пропагандист, как живой пример героических традиций ленинской гвардии рабочего класса.

О семье Заломовых созданы документальные книги, много поработал над сбором материалов об этой семье русских революционеров ленинградский писатель Дм. Левоневский. Автор новой книги Лидия Стишова в своем обстоятельном повествовании о Заломове и его товарищах опирается на большой, лично собранный материал. Она хорошо знала жену и соратницу Заломова — Жозефину Эдуардовну. От нее и от ныне здравствующих дочерей Петра Андреевича она позаимствовала множество фактических данных, узнала ценнейшие детали, украшающие ее рассказ.

Л. Стишова верно почувствовала в Петре Заломове ту цельность характера, которая свойственна людям ленинского закала. И она интересно и увлеченно поведала о жизни боевого ленинца, о его прямом, как стрела, пути. Прекрасные, поистине эпические фигуры Анны и Жозефины Заломовых встают рядом с фигурой Петра. Горькому, встречам Заломова с великим пролетарским писателем, естественно, также уделено большое внимание. В ряде исторических эпизодов возникают имена революционеров — Г. Кржижановского, Л. Красина, В. Загорского, В. Десницкого, М. Андреевой и других. Написана книга живо, темпераментно, видно, что автор влюблен в своих героев и стремится приблизить их образы к современности, сделать этих прекрасных людей духовно близкими и родными нашей молодежи.

В книгу Л. Стишовой удачно «вплетены» документы, в том числе рукописи П. Заломова, его стихи, письма, дневниковые записи. Как характерно для коммуниста, для его цельной революционной натуры следующее признание: «...Быстро мчится моя жизнь к своему финишу, но это меня не тревожит. Социализм у нас есть, коммунизм у нас будет!.. Я считаю свою жизнь счастливой, потому что употребил ее на борьбу за лучшую долю для всех трудящихся...»

Лидия Стишова написала удачную книгу. Эта книга о герое революционной истории нужна сегодня для идущих в завтра.

Ал. ДЫМШИЦ

ЧЕРЕПАХА

Ия МЕСХИ

К полудню темные облака стали подкатывать к горам, выстраиваясь над ними и угрожая земле сердитой майской грозой, ледяной крупой. И тут ударили орудия, установленные на отдаленных вершинах, окружающих этот особый, зеленый кусок горной Армении — Шамшадин.

— Бух-х-х!!

По нескольку ракет с шипением, оставляя за собой белые шлейфы, стали уходить в высоту, в тело туч.

— Бух! Бух!..

Противоградовая служба защищала Шамшадин, его горные сады, его покатые поля, благополучие людей, которые за этими садами ухаживают и возделывают эти поля. Думали ли шамшадинские крестьяне, что такое возможно — спорить с небом, отгонять град? Думал ли о таком чуде остроглазый, ушастый чоратанский парень с челкой на лбу, благодаря которому я теперь узнала немного и Шамшадин? (И за это большое спасибо ему!)

Все время, пока мы тряслись на скрипучем, заезженном, но еще довольно бодром райкомовском «газике» из центрального поселка Берд в село Чоратан, орудия стреляли в горах. И град не пошел. Я это видела сама. Тучи пролились дождем. Быстро пролились и быстро очистили небо.

И когда «газик» наш с усилиями взобрался на перевал, перед нами открылись безбрежные просторы Малого Кавказа и праздник, который устроили для себя горы, небо, птицы, солнце, цветы и леса. Как они радовались, омытые дождем зеленые холмы! Как толпились в задних рядах, кое-где поднимаясь на цыпочки, далекие синие горы!

Слева от дороги, на перевальном плато расстилалось картофельное поле — знаменитый армянский сорт «лорх»! — коричневое от влаги, с зелеными стежками уже чуть проросшей ботвы. Такие аккуратные стежки, ряд в ряд. И всю эту красоту сделали машины: тракторы хорошо перепахали горный перевал, картофелесажалки прошили зеленью темное бархатное одеяло.

Тут же начинался Чоратан. Начинался со склонов и уходил домами в глубину чаши, образованной складками гор. Картофельное поле принадлежало чоратанскому колхозу имени Камо. И почти у самого начала крутого спуска, в верхних ярусах села находился дом, в котором жил остроглазый, живой, как чертенок, ушастый паренек. Выйдет он из дому, поднимется вверх — и уже то самое поле...

Только тогда, в начале сороковых годов, в Чоратане не было ни картофелесажалок, ни тракторов. Плугом пахали. Запрягали лошаденку, вострили лемех — и пошла, любезная, карабкаться по склонам!.. Высокие горы. Глушь. Попадать сюда можно только через Азербайджан. Шамшадин — ломоть, отрезанный бездорожьем от всей остальной Армении. Но какой ломоть!

Представляю, как по этому горному плато шагал молодой плугарь. Свежий весенний ветер пролезал к нему за ворот, вздувая рубаху на спине. Парень наваливался на плуг. Голые пятки глубоко уходили в мякоть земли. Именно в мякоть, потому что земля здесь не такая, какую обычно представляют, говоря об Армении: камень, камень, камень. Холмы здесь округлы, и все, что растет,— сочное, яркое, согретое близким солнцем. А дали горные — как окаменевшее море.

Парень присаживался на борозду, жевал прошлогоднюю сухую былинку и смотрел, дышал, любил все то, на что смотрел. Вот в такое же время, немного раньше, в пору весенней пахоты, он сидел здесь со своим приятелем, таким же плугарем. Они прошли несколько гонов и сели отдохнуть. Накануне вызывали в районный военкомат: призывной возраст, здоровье отличное, надо служить. Ребята сидели на борозде, разговаривали о том о сем. Вдруг — черепаха! Она переваливается по кочкам и ползет прямо на них. Ушастый вскочил. Взял черепаху, сел, зажал ее между коленками, похлопал по толстому панцирю:

— Оставим на тебе свою печать!

И начал осторожненько выцарапывать:

Прощайте, любимые поля.
Завтра, 5.4.41 года, отправляемся в Красную Армию.
Р. Б. Калантарян, Г. М. Саруханян.
4. 4. 41 г.

Вот и все. Отпустили черепаху и допахали последнюю борозду. А завтра рано утром — в Берд, с заплечными сумками, по этой самой дороге, оглядываясь на любимые поля...

Сколько лет с тех пор пролетело? Более тридцати. В Чоратане не стреляют противоградовые орудия. Там, под Брестом, где стояла часть Рафика Калантаряна, стреляли противочеловеческими. Несколько дней после начала войны он был еще жив. Пришло единственное военное письмо. А потом погиб. И на этом, пожалуй, весь рассказ, если б не одно.

Было это спустя три-четыре года после окончания войны. В дом Калантарянов, к Софье, пришла односельчанка. Говорила без умолку обо всем и под конец как бы невзначай обронила, что видела на днях в горах странную черепаху. Вроде бы написано на ней что-то. И подпись Рафика.

Софья насторожилась. «Что болтает эта женщина? — думала она лихорадочно.— При чем Рафик? При чем черепаха? Ничего подобного не может быть. Рафик лежит под Брестом. А что, если он жив и подает мне знак? Боже мой, где она видела эту черепаху?»

— Где видела? — обратилась Софья к соседке.

Та назвала место.

Среди своих сельчан Софья слыла рассудительной, трезвой и грамотной женщиной. К тому же была очень красива. Похоронив мужа в 1921 году и оставшись с пятью детьми на руках, она не растерялась, вырастила их всех сама и приучила к труду. Как только организовался в Чоратане колхоз, вступила в него и работала всегда на совесть.

Рафик очень любил мать, жалел ее, считал, что он не вправе учиться: пусть это делает его старший брат, Шамшад, которого от книг трудно оторвать. А он книги не очень жалует, у него — другое. Он должен приносить в дом хлеб. Так он и делал. Едва окончив 7 классов, пошел на полевые работы в колхоз. Самый младший в семье, а настоящий мужичок: все приколачивал, мастерил, за все брался горячо. На поле шел с удовольствием, гордился, когда ему впервые доверили плуг...

И вот снова мысли о сыне, чуть приглушенные годами... Каждый день, как на работу, она отправлялась в то место, которое ей указала женщина, и ходила кругами по склону, всматриваясь в траву. Так было 12 дней. На 13-й она увидела ее. Схватила и прочла:

«Прощайте, любимые поля...»

О черепахе узнал весь Чоратан. Прежде всего позвали Гарегина Саруханяна, чье имя Рафик поставил рядом со своим. Гарегин был ранен под Сталинградом, закончил войну в Будапеште. Потом Дальний Восток. В Чоратан вернулся и стал работать механизатором. Женился. Много событий? Много. Но о черепахе, конечно, вспомнил и все рассказал.

Черепахе отвели место во дворе. Приходили дети, читали надпись, разговаривали шепотом. Приходили взрослые, охали, вспоминали своих, погибших на фронте. В Чоратане их 97 таких, как Рафик, парней.

Потом стали раздаваться отдельные голоса: «Софья! Надо черепаху убить, а черепахину крышку приколотить у входа в дом».

А что, если они и вправду сделают такое? Софья положила черепаху в мешок и незаметно вышла из дому. Она шла долго и все вверх, выбирая нехоженые места. Там она выпустила черепаху из мешка: пусть себе гуляет!.. И вернулась домой.

В прошлом году Софья умерла.

Недавно один пастух завернул на почту к брату Рафика Шамшаду. Шамшад работает начальником Чоратанской конторы связи. У него густая шевелюра с проседью. Он много читает. Тихий, замкнутый человек. А жена его Астгик — веселая, жизнерадостная женщина, педагог, секретарь школьной парторганизации. Живут они там же, в материнском доме.

Так вот, пастух сказал, что он видел ту черепаху очень высоко, на горном пастбище. И надпись все так же хорошо читается. Удивительное дело!..

— Как ты думаешь, Шамшад,— спросил пастух,— сколько лет черепаха живет?

— Триста. Но смотря какая...

— Значит, и мы умрем, и наши дети, и дети наших детей, а Рафикина черепаха все еще будет гулять?..

Я приехала в Чоратан увидеть горные поля и тех, кто рос вместе с парнем, который ничего особенного не совершил или не успел совершить. Просто жил, любил свою работу, свою красивую землю. И была у него поэтическая душа. Он остался двадцатилетним. А его товарищи и близкие сегодня уже с проседью, с оплывшими фигурами, на которых мешковато сидят пиджаки. Они все больше толкуют о табачных плантациях, которые стали приносить шамшадинским колхозникам большие доходы, о строительстве телевизионной вышки (телевизоры накупили, а видимость пока плохая!), о разных назначениях и передвижениях в райцентре и в колхозе. Вспоминают про свои старые фронтовые раны, которые с годами дают о себе знать...

Они проводили в Советскую Армию своих сыновей. У Гарегина служат двое, у Шамшада — один. И так далее и так далее. Отцы показывали фотографии: хорошие у ребят лица. Вот и фотография Рафика — открытый и острый крестьянский паренек от земли.

Может быть, эти, сегодняшние, постесняются говорить или писать так, как писал их в общем-то дядя: **любимые поля.** К чему такие нежности?! Но это ведь они защищают сегодня поля Шамшадина от града. Защитят и от любой беды.

А черепаха «с нежностью» бродит где-то близко...

1

Эти снимки легли на журнальную полосу в канун Первомая. Всего несколько документальных кадров из жизни большой семьи братских социалистических стран. Рождение этой семьи, образование мировой социалистической системы — самое большое достижение и достояние международного рабочего класса.

Труд, мир, солидарность — читаем мы на знаменах Первомая. Труд, мир, солидарность — говорят и эти снимки.

1 **В объективе — новостройки Берлина.**

Слово столице ГДР — Берлину, городу X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Через несколько месяцев мимо новостроек Шпандауэрштрассе пройдут колонны посланцев всех континентов. Их объединяет девиз фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

2 **Шагают болгарские металлурги — передовой отряд рабочего класса страны.**

Болгарию сегодня хорошо знают в ста десяти странах мира — и не по карте, а по маркам машин, технического оборудования, электронной аппаратуры, химикатов, консервов.

Сила Болгарии, как и каждого социалистического государства, в могучем союзе братских социалистических стран, в дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Одним из символов этой дружбы стал Кремиковский металлургический комбинат.

3 **Мирное утро Ханоя.**

Прошло три месяца с того момента, как мир пришел на землю ДРВ. В эти весенние дни вся страна занята нелегким трудом — республика подымается из развалин, оставленных войной.

«В дни мира, как и в дни войны, мы с вами будем вместе, в одном строю,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.— Поддержка Вьетнама — это наш интернациональный долг. Это — общее дело всех социалистических стран».

4 **Строится реактор «Мария» в Институте атомных исследований под Варшавой. Он назван так в память о знаменитой Марии Склодовской-Кюри. В сооружении реактора участвуют и советские специалисты.**

1973-й стал «годом польской науки». Польша располагает сегодня сильными кадрами ученых, которые работают в тесном содружестве со своими коллегами из научных учреждений братских социалистических стран. В решениях VI съезда ПОРП сказано: «Наука должна быть одним из главных факторов, формирующих облик страны».

5 **Торжественная линейка в школе 20-го района Будапешта. Пионерской дружине присвоено имя Георгия Димитрова.**

Наша сила — в интернациональном сплочении, в единстве.

В духе верности славным революционным традициям рабочего класса, в духе интернационализма воспитываются будущие члены Коммунистического союза молодежи Венгрии. Страна делает все, чтобы молодое поколение было здоровым, сильным, идейно закаленным. Те, кто носит сегодня пионерский галстук, завтра возьмут в свои руки знамена отцов и пройдут с ними по первомайским улицам Будапешта, Праги, Москвы, Ханоя.

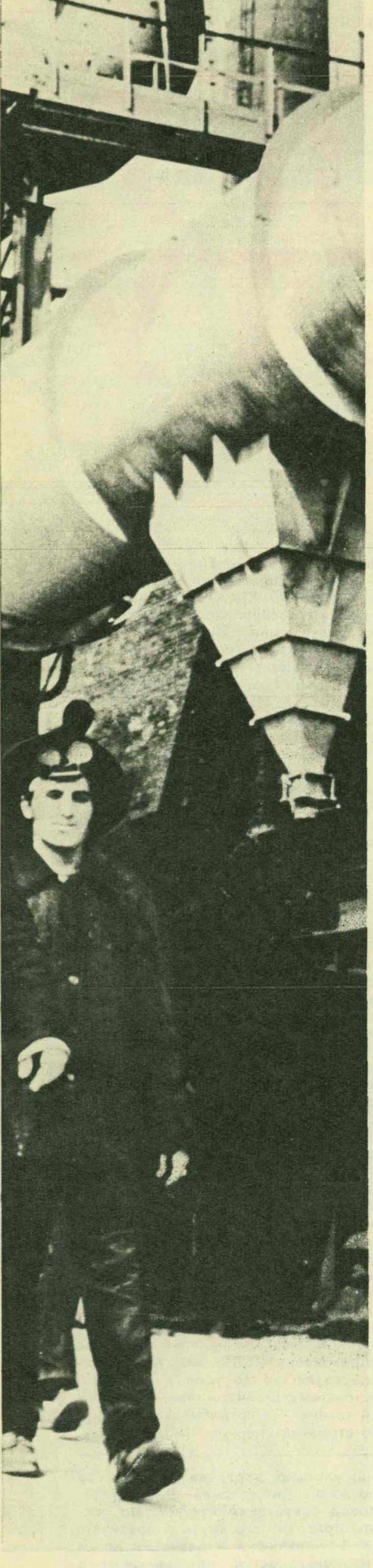
6 **Недалеко от Улан-Батора работает астрономический центр Академии наук МНР.**

«У нас самая многочисленная семья монгольских студентов в СССР»,— говорят студенты МНР, которые учатся в Москве. Здесь для многих граждан республики начинается путь в большую науку. За десять последних лет в Монголии стало почти в 10 раз больше научных работников. Действует Академия наук с ее многочисленными институтами. На счету научных коллективов разработка около 300 проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение для народного хозяйства.

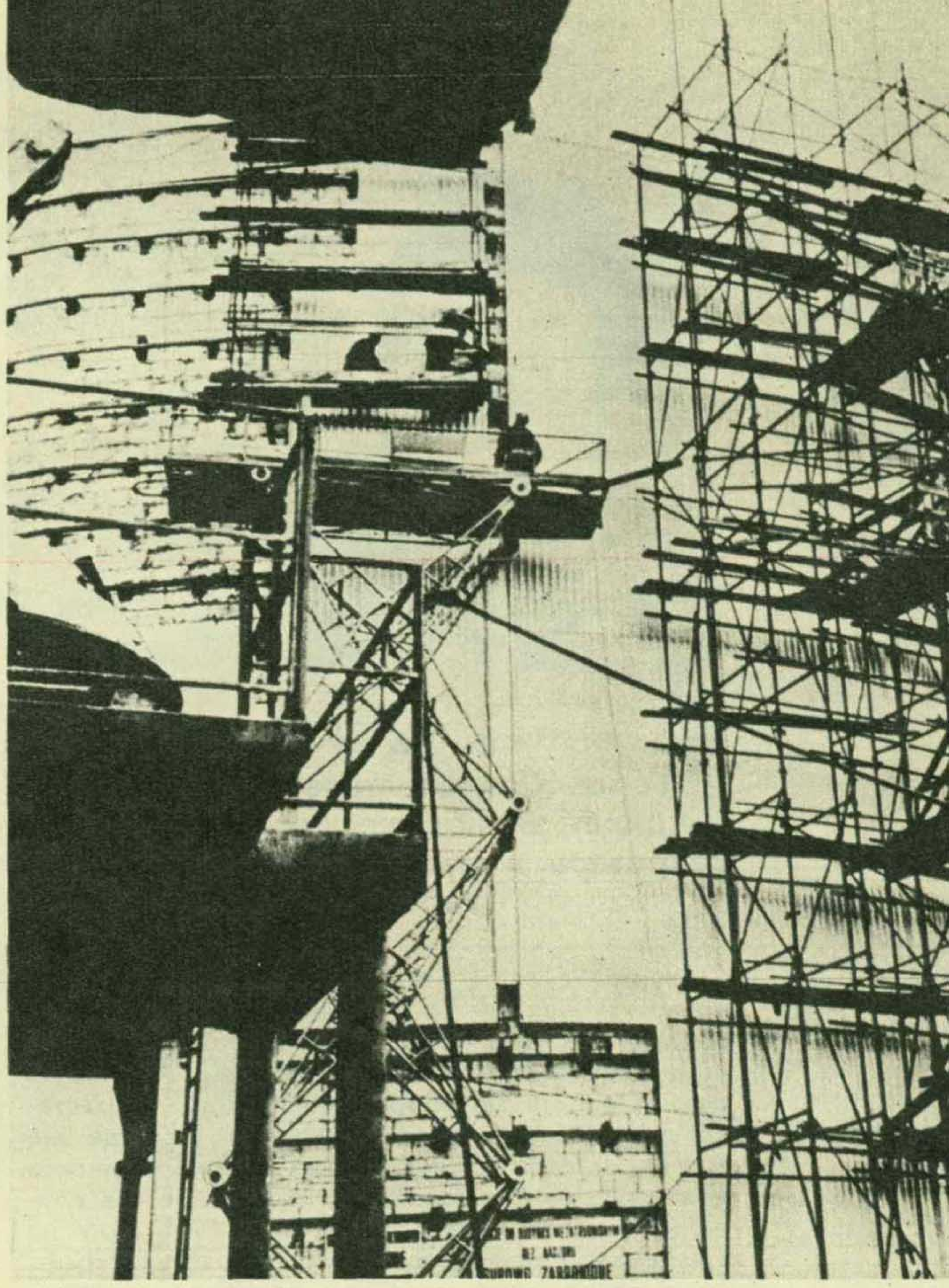
Фото АДН, БТА, ВИА, ЦАФ, МОНЦАМЭ, МТИ — ТАСС.

2

ГОЛОСА П



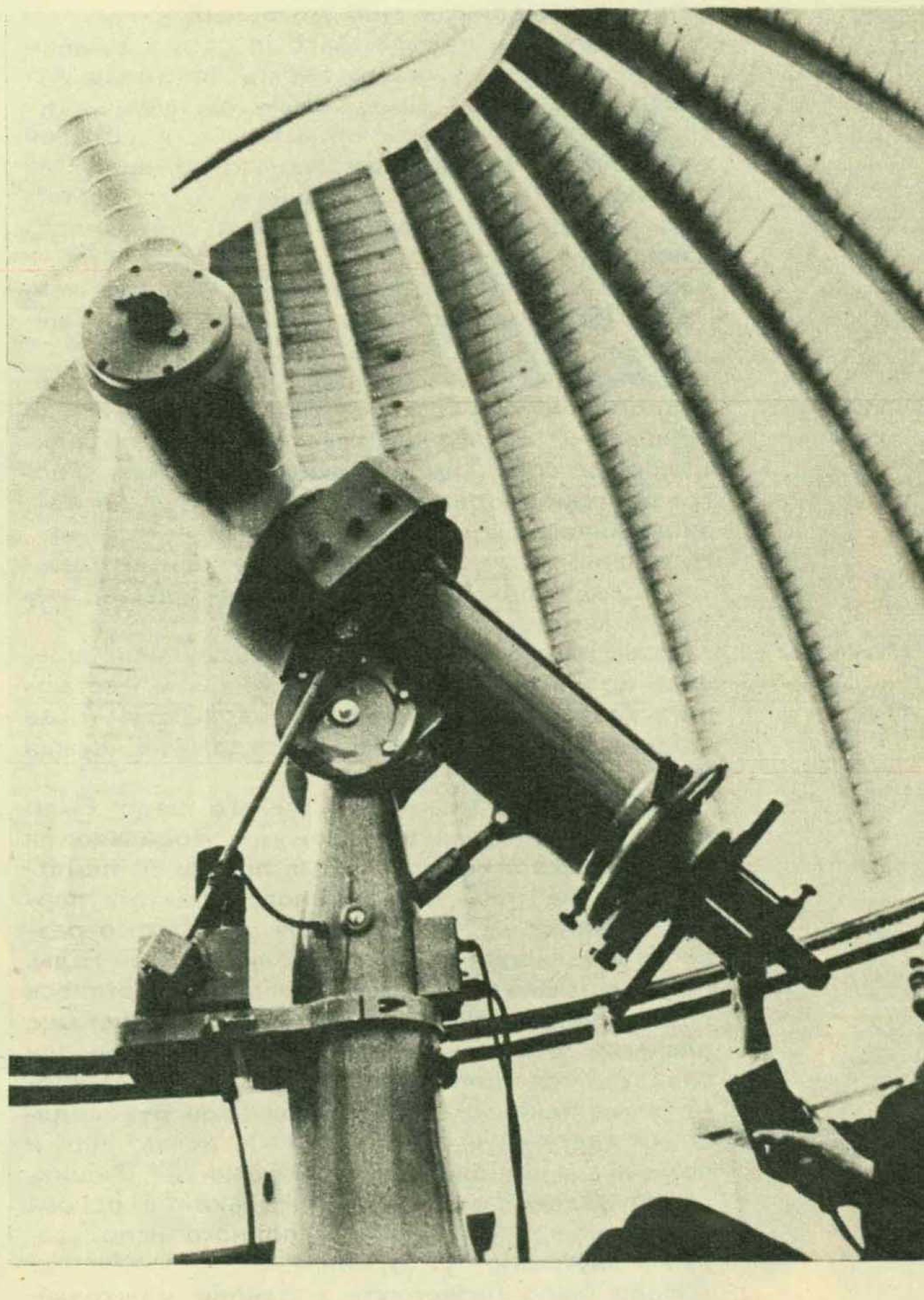
3



4

5

6



ЕРВОМАЯ

ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ

С. ТАИРОВ,
Герой Социалистического Труда, кандидат экономических наук, первый секретарь Аккурганского райкома КП Узбекистана

Трудно сказать, почему наш поселок был когда-то назван Аккурганом, что означает «Белый курган». Ведь это только сейчас он стал соответствовать своему имени — каждую осень, в период уборочной страды, вырастают здесь белые курганы хлопка. Прежде же Аккурган отличался бедностью и на редкость низким уровнем хозяйства. И, видимо, не случайно именно сюда приехали в 1925 году из Ташкента ученые, чтобы исследовать... «роль среднеазиатского осла как основной тягловой силы в сельском хозяйстве». Сегодня задача этой экспедиции выглядит смехотворной: колхозы и совхозы района оснащены множеством современной техники, и если разложить ее мощности на «душу работников сельского хозяйства», то на каждого придется по одиннадцать лошадиных сил, моторных, разумеется. Нелегким и непростым был путь к нынешним успехам. Ведь всего десять лет назад Аккурганский район был самым отстающим не только в Ташкентской области, но и во всей республике. Что же помогло аккурганцам так широко шагнуть и в считанные годы достигнуть невиданно высокого уровня своего производства? Как удалось поднять урожайность хлопчатника с четырнадцати центнеров на гектар в 1962 году до тридцати трех в году минувшем?

Сложность первых шагов скрывалась в неравномерном состоянии разных хозяйств. В конце 1962 года Аккурганский район объединился с соседним — Нижнечирчикским. Географически их разделяла только река Ангрен, экономический же разрыв был огромным. Нижнечирчикские колхозы получали от земли доходы почти в четыре раза больше, чем аккурганские!

Единственный реальный путь к исправлению положения был в подтягивании отстающих хозяйств до уровня передовых. И тогда родился лозунг: «Земля соседа — не чужая земля!»

Но лозунг — это лозунг, и его надо было подкрепить надежной базой — и моральной и экономической. Этому и был посвящен памятный для нас пленум районного комитета партии, на котором шел большой разговор о развитии хозяйства района в ближайшие годы. Прения были бурными — каждому хотелось поделиться своими раздумьями, расчетами, планами. Мы внимательно проанализировали создавшееся положение и увидели, что, кроме укрепления отстающих колхозов руководящими кадрами и специалистами, нужно еще и помочь им рабочей силой и техникой. Решить такую задачу можно было только на основе рационального и наиболее полного использования внутренних ресурсов.

Надо было развернуть в районе межхозяйственную взаимопомощь, иначе говоря, наладить шефскую работу. В нее включились семьдесят две организации, в числе которых были девять мощных колхозов, крупнейший опытно-показательный совхоз имени Пятилетия Узбекской ССР, одиннадцать промышленных предприятий. Они взяли под свою опеку отстающие колхозы. И помощь эта была весьма конкретной — уже при подъеме зяби под урожай 1963 года шефы прислали сюда пятьдесят семь тракторов, и все хлопковые поля были вспаханы своевременно. Это было уже реальное условие повышения урожайности. Шефы организовали повсеместно показательные участки, где применялись самые передовые методы посева и возделывания хлопчатника на базе комплексной механизации.

Были созданы выездные бригады — коммунисты и комсомольцы в самые горячие дни приходили на помощь своим подшефным.

Так родился наш аккурганский вариант подъема производства и экономики отстающих колхозов, смысл которого заключался в создании новых взаимоотношений тружеников сельского хозяйства.

Большую помощь хозяйствам оказала и работа партийной организации района, направленная на повышение роли специалистов. Мы провели анкетный опрос агрономов, зоотехников, экономистов. Выяснили, что мешает им занять подобающее место в производстве, какая им нужна помощь со стороны районных организаций, чтобы они могли осуществить свои планы внедрения достижений науки и передового опыта.

И теперь мы выдвинули новый лозунг: «У каждого хозяйства есть своя целина!». Это отнюдь не означает, что имеется свободная земля, в районе не пустует ни один ее клочок. И поэтому, когда мы говорим о целине, то имеем в виду приведение в действие всех внутренних ресурсов: наилучшее использование земельных угодий, повышение отдачи каждого гектара, ускорение научно-технического прогресса. Иными словами, неуклонный рост эффективности экономики.

Аккурганский вариант — это стремительный подъем производства, приумножение общественного богатства. За последние десять лет доходы колхозов и совхозов района возросли с 46 до 100 миллионов рублей. А средний заработок одной семьи с полутора тысяч рублей вырос до трех с половиной — четырех тысяч! Все это привело к заметному росту культуры села, изменению его внешнего облика.

Приведу только один пример — совхоз «Огонек». (Имя это было присвоено совхозу «Нижний Чирчик» в честь пятидесятилетия журнала.) Совхозный поселок ничем не отличается от благоустроенного города. Он стоит в окружении садов и лесных посадок. Современные жилые дома и асфальтированные улицы утопают в зелени. Здесь имеется отличный Дворец культуры, светлые здания школ и детских садов, просторные магазины...

Главное направление совхоза — садоводство и виноградарство. Показатели производства очень высокие. В минувшем году совхоз продал государству 9 464 тонны фруктов — намного больше плана. Урожайность садов составила 134 центнера с гектара, виноградников — 128 центнеров. Это один из лучших показателей в республике.

Хотелось бы здесь вспомнить о горячих днях кануна уборочной кампании минувшего года. Через несколько дней после состоявшегося в Ташкенте собрания партийно-хозяйственного актива, на котором выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, группа механиков-водителей совхоза имени Пятилетия Узбекской ССР призвала механизаторов-хлопкоробов страны развернуть Всесоюзное социалистическое соревнование за сезонную выработку не менее ста тонн хлопка на каждую машину. Почин этот был одобрен Центральным Комитетом КПСС и подхвачен во всех хлопкосеющих республиках. Сами же инициаторы этого движения трудились с таким подъемом, что совхоз за пятнадцать дней выполнил народнохозяйственный план и за двадцать пять дней —свои повышенные социалистические обязательства. Из пятнадцати тысяч тонн хлопка, произведенных хозяйством, четырнадцать тысяч было собрано машинами. Выработка на каждый «голубой корабль» составила сто сорок тонн! Почти столь же высоких показателей достигли и многие другие хозяйства района.

За два года нынешней пятилетки аккурганцы сдали государству 184 тысячи тонн хлопка-сырца и уже наполовину выполнили пятилетнее задание. Идет весна третьего, решающего года пятилетки. Главное обязательство тружеников нашего района во Всесоюзном социалистическом соревновании земледельцев — дать Родине 100 тысяч тонн «белого золота». Высокие обязательства взяты и по росту производства кенафа, фруктов, овощей, мяса, молока... Решая задачи третьего года пятилетки, аккурганцы уже думают и о четвертом и о пятом, завершающем. Думают, рассчитывают, накапливают силы. По нашим прикидкам уже вырисовываются возможности значительного перевыполнения заданий пятилетки. По хлопку на 80 тысяч тонн, по производству мяса и молока — вдвое. Уже в 1975 году мы рассчитываем производить сто тысяч центнеров свежей рыбы, пятнадцать тысяч тонн риса и шестьдесят тысяч тонн овощей.

В Аккурганском районе живут и трудятся люди сорока семи национальностей. В облике кишлаков и поселков, в культуре быта, в производстве, в общественной жизни сплетаются в единое целое лучшие традиции, достижения национальных культур. Коммунисты Аккургана, все труженики района в своей повседневной работе руководствуются словами Леонида Ильича Брежнева, сказанными им в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР: нам надо поднять сельское хозяйство до уровня, который будет по-настоящему отвечать возможностям современной техники и потребностям коммунистического строительства.

Не сосчитать, сколько деревьев посадил за свою долгую жизнь Абдрахман Рахимкулов, бывший садовод совхоза «Аккурган». По весне в эти сады приходят его внуки и правнуки, их товарищи — мальчишки и девчонки почти пятидесяти национальностей, проживающих в Аккурганском районе. И каждый школьник сажает свое дерево, рождается новый сад...

На развороте вкладки:

Весна — пора выбора самостоятельных путей в жизнь. Для сестер-девятиклассниц Рано и Кундуз Раимкуловых этот выбор еще впереди. А Лейла Таирова свою дорогу уже избрала. Она студентка Ташкентского театрально-художественного института.

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО и Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

2
192

ДОЛИНА КАХЕТИИ

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Гугуша Курдиани, старый парикмахер, вернувший не одной тысяче мужчин шелковистую молодость, стоял у подъезда дома, в котором жил, стоял грустно и укоризненно со своим красноватым лицом и большим носом, очень большим, но и очень отечески-добрым, и до сих пор, хотя никого уже не стриг и не брил, выходил в белом парикмахерском халате; но халат был теперь нужен по другому поводу.

Рядом с домом, в котором он жил, помещался рынок, правда, не из главных, но все-таки рынок, где все можно купить, и Гугуше Курдиани, любившему чистоту и порядок, предложили стать членом общественной санитарной комиссии.

Санитарная комиссия, в которую входили еще две женщины, проверяла мясо, привезенное для продажи колхозниками, и без лиловой печати ветнадзора нельзя было продать ни одной туши, проверяла овощи и фрукты, проверяла и чистоту халатов продавцов или продавщиц, и все должно быть в порядке, ни гниющих листьев капусты, ни кинутой ботвы, ни мятых сальных газет — рынок есть рынок, и Гугуша не раз выговаривал тому или другому продавцу, когда видел неряшливость или небрежение.

— Стыд,— говорил он, стоя со своим красноватым лицом и седыми кудрями.— Ты что — овощи привез или утиль какой? Почему привез грязные?

Некоторые колхозники уже знали его нестрашную грозность, говорили мирно: «Ладно, Гриша, учтем»,— переиначив имя Гугуша на русское Гриша, и он был теперь вроде санитарного инспектора, но по-прежнему пахло от него одеколоном, который всегда в свою пору находился под рукой, и не дай бог порезать бритвой, а потом не прижечь одеколоном или не мазнуть порез квасцовым камешком.

Гугуша считался в доме хоть и немного крикливым, но справедливым, его сделали также членом товарищеского суда, и те, кто любил выпить, а потом устроить пьяный скандал в своей квартире, побаивались, когда за судейским столом сидел рядом с другими Гугуша со своим большим, обычно отечески-добрым носом, но временами и багровевшим от негодования.

— Ладно, Гриша,— сказал ему как-то первый выпивала в доме, слесарь Харитонов, после очередного разбора товарищеским судом его поступка,— придется как-нибудь подбить тебе фару, дождешься этого. Ты чего мешаешься в персональную жизнь?

— У тебя не персональная, у тебя плохая жизнь... а фару, пожалуйста, подбей мне, очень прошу, по крайней мере хоть на полгода избавимся от твоих скандалов.

Харитонов, конечно, и сам понимал, что пригрозить — это одно, а выполнить — совсем другое, мрачно смотрел на носки желтых, начищенных туфель Гугуши, что-то произносил про себя, а Гугуша почесывал на своей открытой груди седую шерсть, говорил: «Ты богатый, Павел, на свой счет вытрезвитель содержишь»,— но говорил это скорее грустно, чем насмешливо, и Харитонов уходил мутный и не зная, за что взяться с похмелья: жену он недавно побил, повторный суд пригрозил, что еще один такой случай, попросят милицию возбудить уголовное дело, а Гугуша сказал:

— Я советую тебе, Харитонов, подумать... из Москвы поедешь, не скоро вернешься,— и за это одно следовало подбить ему фару.

В доме жил еще один скандальный человек, но не пил, скандалил по своему плохому характеру, со всеми в доме перессорился, обойщик Гаврилов, и Гугуша пришел к нему однажды.

— Хочу поговорить с тобой, Гаврилов,— сказал он, сел на стул, не дожидаясь, когда Гаврилов предложит ему сесть, сидел, чуть раздвинув большие, толстые ноги, а Гаврилов косился на него, перебирал в жестяной коробочке из-под чая какие-то шурупчики и обойные гвоздики.

— Тебе что надо?— спросил он зло.

Но Гугуша знал, что иначе тот и не может спросить, сказал:

— Я к тебе с душой пришел, а ты зубы не скаль, ты человек, а не шакал... понял, Гаврилов? Я тебя спрашиваю: зачем ты живешь так, какая тебе польза, что ты живешь так, ты людям — плохо, и они тебе — плохо. Ты попробуй с ними хорошо, и они с тобой будут хорошо... а я знаю, отчего ты такой стал. Ты дорогую жену потерял, а люди разве виноваты в этом? Они тебе сочувствуют, и я тебе сочувствую, а ты на меня зубы скалишь, как шакал. Хочешь, всем в доме скажу, что ты совсем другой стал, и все к тебе другими станут... а человек для чего живет? Ты подумай, для чего человек живет?

Гаврилов угрюмо смотрел через его плечо, смотрел так, будто за Гугушей стоял кто-то, и, должно быть, услышал нечто в словах Гугуши, потому что угрюмое лицо его смягчилось както, однако сказал:

— Нашелся праведник, Николай-угодник.

— Я — Гугуша Курдиани и твоего Николая не знаю,— сказал Гугуша,— я его не знаю, а тебя знаю, и ты меня знаешь. Давай так: тебе плохо — приходи ко мне... приходи в квартиру тридцать, и мы с тобой скажем друг другу: мы люди, а не шакалы, нам каждому может быть плохо, а может быть и хорошо, и если плохо — вдвоем лучше обсудить, а если хорошо — вдвоем лучше порадоваться. Так что вот, Гаврилов...— и с этим Гугуша поднялся, а Гаврилов сидел боком к нему, ничего не выразил и не простился с ним, когда тот уходил.

Лето уже шло, на рынке появился первый молодой картофель, лежал у одних колхозниц вымытый и словно просвечивающий чистой человеческой кожей, а у других колхозниц был немытый, бурый и шершавый от земли, и Гугуша подошел к знакомой молодой колхознице, всегда опрятной, с белыми нарукавниками, похожими на рукава его халата, колхозницу звали Валентиной, но все называли ее Валя, и Гугуша подошел к ней и сказал:

— На тебя смотреть приятно, Валя, чисто и картошку успела вымыть, у тебя будут покупать, а на этих грязных и не посмотрят.

— Сам ты грязный,— огрызнулась возмутившаяся, что про нее сказали так.

— Я не грязный,— ответил Гугуша.— У меня жена была — каждый день чистый халат... а сейчас сам стираю для себя, и все равно — каждый день чистый халат. Разве я грязный?..

— А я, что ли, грязная?

— Я не про тебя говорю, я про твою картошку говорю.

— Ладно,— сказала колхозница уже миролюбиво,— сегодня поторопилась маленько, завтра мытую привезу.

Но ее, наверно, задело немного, что у соседки мытая картошка и та уже нескольким покупателям отвешивала, а к ее весам с килограммом картошки на одной чашке и с гирьками на другой, правда, подходили, но немытая картошка походила больше на старую, и никто пока ни одного килограмма не купил.

— Вымою, Гриша,— повторила она,— при твоей строгости чего уж тут.

— Я завтра посмотрю,— пообещал он.

— Посмотри, пожалуйста,— а когда он уходил, сказала: — Какой инспектор выискался,— но молодая колхозница не одобрила, что та сказала так: Гугуша был справедливый и не для себя, а для людей старался.

— И хорошо, что выискался... на нашу сестру такой инспектор и нужен.

А Гугуша шагал по рынку, и даже один вид его белого халата побуждал к чистоте и порядку.

Но в том ряду, где продавали цветы, Гугуша задержался немного. Цветы пахли Грузией, пахли родной Кахетией, пахли горными долинами, и он стоял в цветочном ряду, чуть закинув голову, чтобы полнее вдохнуть запах цветов, а одна старая женщина, выращивавшая хорошие цветы для продажи, уже знала его, достала из глиняного горшка желто-восковой цветок нарцисса, сказала: «Поставьте у себя в комнате». Гугуша подержал цветок возле сильно вырезанных ноздрей своего большого носа, спросил: «Сколько?»,— но женщина ответила строго: «Нисколько»,— и он взял цветок у Клавдии Клементьевны Золотаревой, муж которой был садоводом, выставлял свои

Придет время, и эти девушки поведут по полям родного Узбекистана хлопковые комбайны.

цветы на выставках, а теперь мужа не стало, но Клавдия Клементьевна продолжала разводить цветы, продавала по временам, чтобы поддержать свое сложное хозяйство, стояла тихая, и предприимчивые и напористые нередко оттесняли ее.

— Спасибо,— сказал Гугуша и пошел с цветком в руке, словно нес луч солнца, заглянувший в горное ущелье, или сорвал этот луч на альпийском лугу, покрытом люцерной.

Сын Сандро жил в Гурджаани, каждый месяц посылал отцу денег вдобавок к его пенсии, посылал поближе к осени и виноград из Алазанской долины, и лучше того винограда, какой растет возле Гурджаани, или Телави, или Кварели, и не найдешь.

Клавдия Петровна Сенечкина, оставшаяся после мужа с сыном Славиком, была совсем несчастной от своего горя, а мужа, работавшего столяром на мебельной фабрике, сшиб на улице грузовик, и случившееся несчастье так плотно стояло в комнате Клавдии Петровны, что по временам нечем становилось дышать. Сыну Славику было шесть лет, через год он должен был пойти в школу, отец еще загодя купил ему большую красивую коробку со всем тем, что полагается иметь первокласснику, но не дождался этого дня, и Гугуша пришел раз к Клавдии Петровне, постоял в дверях ее комнаты с шапкой в руке, Клавдия Петровна поняла, что он пришел выразить ей сочувствие, заплакала:

— Вот какое горе у нас, Гриша,— а его отчества — Несторович она не знала.

— У тебя сын,— сказал Гугуша.— Теперь о нем думать надо. Смотри, какой он лохматый у тебя. Сейчас приду постригу его.

Он хотел отвлечь Клавдию Петровну от ее мыслей, напомнить, что теперь ей вдвойне нужно заботиться о сыне, раз у него не стало отца, хотел обратить ее к сегодняшним мыслям, пошел к себе в соседний подъезд и принес свой рыжий чемоданчик, в котором лежали инструменты его мастерства.

— Я тебя как артиста постригу,— сказал он сыну Клавдии Петровны,— как сам Шаляпин будешь.

Он накинул на его плечи прихваченную чистую простынку, и Славик сидел со своими отросшими лохмами, сидел сирота сиротой, а Гугуша достал машинку, достал и металлический гребешок, пропускал волосы Славика между пальцев левой руки, стриг их, потом включил в штепсель вилку своей электромашинки, поводил по затылку Славика, его круглая головка красиво проступила, а на лбу он подстриг ему челочку, волосы уже не лезли в глаза, и Гугуша сказал:

— Теперь красивый мальчик... гляди на сына, Клавдия, какой джигит у тебя.

Клавдия Петровна поглядела на сына, которого запустила со своим горем, и чуть улыбнулась, а Гугуша сказал мальчику:

— Теперь будешь мой клиент... никого уже не стригу, а тебя буду стричь, смотри, какой красивый стал,— и он показал Славику в ручное зеркало его затылок, повертел зеркалом так, чтобы Славик мог со всех сторон оглядеть свою голову, и, наверно, сам подивился, каким тот стал.

— А начнешь ходить в школу — покороче буду стричь... считай, у тебя свой парикмахер теперь,— сказал он Славику.

Мыслью о школе, в которую через год начнет ходить сын, он отвлек Клавдию Петровну от ее тяжелых дум, теперь нужно вдвойне жить для сына, раз случилось такое несчастье.

— Ты хороший человек, Гриша,— сказала она,— тебя бог не оставит.

— Бог далеко, а человек всегда близко,— ответил он.— А когда человек далеко — это плохо.

Он сложил инструменты в свой рыжий чемоданчик, уже несколько лет только хранивший его прошлое мастерство, сказал напоследок: «Если что будет нужно, я в тридцатой квартире живу, помни это» — и ушел, а Клавдия Петровна еще постояла на площадке лестницы, смотрела вслед, как спускается он в своем белом халате, и качала сама себе головой.

Несколько дней назад пришли асфальтировщики покрыть новым асфальтом проезжую часть улицы и тротуары, и Гугуша стоял возле них и смотрел, как управляются они со своим тяжелым делом. Асфальтировщиков было

трое, двое мужчин — Акинфиев и Яша, а женщину звали Дарьей Васильевной, она была уже в годах, но не уступала мужчинам в твердой своей силе, поднимала на лопате тяжелую груду горячего асфальта и рассыпа́ла его, рассыпал и высокий, худой Акинфиев, а Яша, согнувшись, разглаживал вальком с отполированной до блеска стальной полосой на его основе, пот бежал по его лицу, голым плечам и животу, и, наверно, из самых тяжелых считалась эта работа. Но у Яши были литые, скользкие от пота мускулы рук, и Гугуша глядел, как трудились асфальтировщики, несколько раз приносил им в кувшине газированной воды из автомата на рынке, мужчины жадно выпивали стакан за стаканом, а Дарья Васильевна только отпивала чуть, стояла на своих крепких ногах, в черном халате и красной косынке, степенная и строгая, и лопату с асфальтом поднимала, ничуть не напрягаясь, видимо, давно втянулась в эту трудную работу, но Гугуша все же сочувствовал ей: женщина всегда остается женщиной.

Асфальтировщики иногда подолгу ждали, пока пришлют с асфальтового завода машину, сидели в тени, мужчины курили и беседовали друг с другом, а Дарья Васильевна была молчаливая, немного отстранившаяся в своей строгости, но Гугуша, наблюдавший за их работой, видимо, чем-то понравился ей: может быть, своим белым, чистейшим халатом, говорившим об опрятности, а может быть, она почувствовала, что в несколько грузном его облике, с большим носом и седыми кудрями из-под полей соломенной шляпы, больше всего доброты.

— Тяжелая твоя работа, Дарья Васильевна,— сказал он.— Только так длинное имя получается... давай лучше Даша, а меня Гришей можешь звать, мне теперь такое имя подарили.

— Ты сам-то откуда?— спросила Дарья Васильевна.

— Гурджаани... только я уже сорок два года в Москве живу.

— По санитарной части?— поинтересовалась она.

— Сейчас по санитарной, а прежде мужским парикмахером был.

Он подсел к ней на скамейку, и поначалу они поговорили о том, что всякая работа, в общем, трудная, если по совести выполняешь ее, а легкая — если не по совести, но тогда это не работа, и не уважает никто такого человека.

Асфальтировщики покрыли новым асфальтом также часть площади рынка и улицу. Гугуша, пока они работали, приносил им время от времени газированную воду в кувшине, и Яша и Акинфиев говорили расположенно: «Грише почтение»,— когда он подходил к ним, а Дарья Васильевна только улыбалась ему, но и это было уже много при ее строгости. Асфальтировщики принесли словно нечто новое со своим трудом, оживили улицу, покрыли ее свежим асфальтом, сперва бархатно черневшим, сменили выкрошившийся бортовой камень, и когда пришла последняя машина с асфальтом, Акинфиев вздохнул:

— Теперь всё... теперь никто не будет поить нас водой.

Они оценили Гугушу с его добрым усердием, а Дарья Васильевна сказала, когда присели в последний раз на скамейку:

— Я ведь рядом живу, Сытинский тупик,— и она назвала номер дома и номер своей квартиры.— Приходи как-нибудь чайку выпить, Гриша... а то что же — уйдем отсюда, и один только асфальт позади?

И он согласился, что плохо, если останется только один асфальт позади, сказал:

— Приду как-нибудь.

— Лучше всего вечерком в субботу или воскресенье... вечерами я с дочерью дома, никуда не ухожу.

И Гриша пошел воскресным вечером в Сытинский тупик, купил по дороге в кондитерской коробку зефира в шоколаде, и когда Дарья Васильевна увидела его не в белом халате, а в хорошем коричневом костюме, сначала не сразу узнала его.

— Ну, вот пришел,— сказал Гугуша, и ему сразу понравилось, что у Дарьи Васильевны чисто в комнате, на двух постелях — ее и дочери — белые пикейные одеяла и по нескольку подушек горой, а паркетный пол желто натерт.

Дарья Васильевна была крепкая, со строгим, но приятным лицом, и сейчас, когда сидела без своей красной косынки, видно было, что уже стали понемногу седеть ее темно-русые волосы.

— А это моя дочка Маня,— сказала Дарья Васильевна сразу же, чтобы он не спросил, кто эта маленькая, горбатенькая девушка, так и не выросшая из-за своего горбика, с тоненькими ногами, однако в туфельках на каблуках, чтобы казаться повыше ростом, а глаза у нее были кроткие и добрые.

Дарья Васильевна пошла поставить чайник, и Гугуша сказал Мане:

— У тебя хорошая мать.

— Хорошая,— подтвердила та поспешно.

Но спросить Маню, чем она занимается, он не решился: может быть, только помогает по дому из-за своего несчастья, а потом спросил все-таки:

— Ты что делаешь, Маня?

— Я в переплетной мастерской работаю... еще блокноты и папки для бумаг изготовляем.

Маня, видимо, была трудолюбивая, помогала матери, и позднее, когда выпили чаю и хорошо, по-домашнему посидели, Гугуша сказал:

— У тебя чисто, Даша.

— Стараюсь,— ответила она.

А у порога стояли ее матерчатые туфли, которые надевала она во время работы, то и дело приходилось счищать с них о край лопаты налипший асфальт.

Маня осталась прибирать, а Дарья Васильевна вышла проводить немного, но они только постояли во дворе ее дома.

— Зачем на такую тяжелую работу пошла?— спросил Гугуша.— Есть работа полегче.

— Ты, Гриша, с сочувствием к людям, тебе можно сказать,— и Дарья Васильевна рассказала про то, о чем давно, наверно, хотела рассказать кому-нибудь, но кто выслушает и поймет ее тяжелые мысли? Она рассказала, что Мане было два года, когда она упала с постели, но сначала все шло хорошо, никто ничего не замечал, а горбик стал расти с шести лет, и вот такая неудача в жизни, теперь всё на ней, матери, а вдаль смотреть и совсем страшно. Может быть, потому и взялась она, Дарья Васильевна, за самую тяжелую мужскую работу, чтобы закалить себя, чтобы ни одной женской слабости не оставить в себе, конечно, ничего этого она не сказала, а думал так он, Гугуша, и когда раскидывала та горячий асфальт с тяжелой лопаты, может быть, проверяла свою стойкость.

— Теперь буду приходить к тебе, Даша,— сказал он лишь.— Ты чистоту любишь, я тоже люблю.

Он ничего не добавил больше, не хотел напрямик выразить сочувствие к трудной ее жизни и к несчастью Мани с ее кроткими, добрыми глазами невыросшей девочки...

— Приходи, Гриша. Только без подношений, пожалуйста.

— Ладно, мое дело,— ответил он и ушел.

Он шел сначала по Сытинскому тупику, потом по Бронной, отдувался в седые усы от жалости ко многим людям, которые могли бы жить лучше и спокойнее, но жизнь нередко делает все по-своему, и не укоришь ее, что хорошо бы иначе. А у ворот дома, в котором он жил, стоял Харитонов, совсем пьяный, наверно, дома поскандалил с женой и теперь соображал, куда направиться...

— С праздником, Гриша,— сказал он заискивающе, сразу позабыв все свои угрозы.— Гуляешь? Может, найдется у тебя рубль, не одолжишь до получки?

— Зачем тебе рубль... ты, слава богу, уже выпил. Мне твою семью жаль, Харитонов.

Но Харитонов, когда понял, что рубля не получит, ответил с прежним вызовом:

— Моя семья тебя не касается, и не встревай лучше, ничего хорошего для тебя не получится. Так что адьё.

Он перебежал улицу, наверно, прикинул, где можно раздобыть рубль, и его валко понесло дальше.

Харитонов жил на втором этаже, и, поднимаясь к себе, Гугуша задержался у дверей его квартиры, подумал и позвонил два раза. Дверь открыла жена Харитонова, Люба, работавшая на текстильной фабрике, худенькая и измученная, и она сразу поняла, зачем пришел Гугуша.

— Ну что мне делать с ним, научи, Гриша,— сказала она и заплакала.— Он вчера мой хороший пуховый платок унес, платок мне мама связала, она в Оренбурге живет, теперь таких и не вяжут...

Гугуша зашел к Любе в ее комнату, а сын Харитонова Павлик, учившийся в третьем классе школы, стоял у окна, привычно испуганный и привычно несчастный, и Гугуша сказал Любе:

— Я тебе такой совет даю, Люба,— посмотрел при этом на ее сына, и тот понял и вышел из комнаты.— Я тебе такой совет даю: пойди в школу, скажи директору — отец пьет, за сына́ страшно, школа вмешается, а потом еще на завод сообщат.

— Да ведь жалко мне его, Гриша,— снова заплакала Люба,— он когда трезвый — ничего, а пьяный — все пропьет, да и меня побьет, случается.

Люба плакала, а платок, связанный матерью, Харитонов, конечно, продал кому-нибудь на рынке за бесценок.

— Я прошу тебя, если еще что-нибудь возьмет или побить тебя захочет, иди ко мне,— сказал Гугуша,— он боится меня немного.

Он постоял еще, и Люба хоть и плакала, но все же рядом был человек, который сочувствовал ей и обещал в случае чего помочь, с этим было не так страшно. А Павлик стоял в кухне, и Гугуша, уходя, сказал ему:

— Ты не давай обижать мать... сразу ко мне в тридцатую прибеги, дома не застанешь — я где-нибудь рядом, на рынке скорее всего.

И Павлик хоть и угрюмо, но с некоторой надеждой посмотрел на него.

В доме было тридцать квартир, он, Гугуша, жил в тридцатой, но в двадцати девяти живут другие люди, у каждого свое, и можно запереться у себя в тридцатой квартире, никого не видеть и ничего не слышать, это легче всего... а если для человека легче все видеть, и все слышать, и все понимать, и всем сочувствовать, кто достоин этого, тогда как?

В его комнате было чисто, возле двери ле-

Мухадин **ДАГУЖИЕВ**

КУЗНЕЦ

Несите бронзу,
несите медь,
несите любой металл,
мне нужно его на огне прогреть,
чтобы покорным стал.
Потом по металлу —
стук да стук! —
запляшет мой молоток.
Хотите,
выкую вам
плуг?
А если хотите — клинок?
Нужна, говорите, для брички ось?
Ну что ж, несложный заказ.
Мне даже часы починить довелось,
а оси ковал не раз.
Пустячное дело: стук да стук...
Вам требуется
замок?
Будет!
Вы знаете, вспомнишь не вдруг,
чего бы кузнец не мог.
Несите бронзу.
Несите медь,
золото или свинец.
В ауле
все должен кузнец уметь,
иначе он не кузнец.
Лопату, подкову, мотыгу, топор —
все к сроку сделать успел...
...Лишь к сердцу девичьему ключ
до сих пор
выковать не сумел.

Перевел с абазинского
В. СВИРИН.

жала щетка с петлей для ступни — нужно, конечно, пошаркать, чтобы пол блестел и отражал солнечный свет, и на подставке зеркального трельяжа все лежало в порядке, все инструменты его ремесла, ножницы — прямые и профильные, машинка для стрижки, бритва в футляре, два флакона с одеколоном — тройным и «Красная Москва», и когда он брился возле трельяжа, то видел себя и прямо и с двух сторон, мыльная пена на его щеках и подбородке сливалась у висков с седыми кудрями, и он представлял, каким бы стал, если бы отпустил бороду.

Гугуша вошел в свою комнату, а на пол, засунутая в щель двери, упала телеграмма, и он встревоженно поднял ее, надел очки и прочел: «Буду тринадцатого поезд тридцать четыре вагон пять встречай Сандро».

Он совсем не ждал, что приедет сын, потом вспомнил, что Сандро писал как-то: возможно, приедет в Москву на одно совещание, сын окончил в свое время сельскохозяйственный институт, работал теперь в области виноградарства, и, наверно, на это совещание его и вызвали.

А тринадцатого Гугуша ходил по перрону Курского вокзала, дожидаясь поезда номер 34, и когда поезд подошел и из вагонов стали выходить приехавшие, Гугуша сразу же увидел сына, но если бы даже несколько тысяч человек приехали сразу, он все равно увидел бы его. Сын был тоже с большим носом и красноватым лицом, только с угольно-черными кудрями, такие же кудри были когда-то и у него, отца.

— Поедем ко мне,— сказал Гугуша сыну.

Он еще накануне поставил в своей комнате складную койку, купил у Клавдии Клементьевны несколько лилий, и они сразу сделали комнату нарядной и готовой для приема дорогого гостя.

— Я с делегацией, забронирован номер в гостинице. Поедем сначала в гостиницу, потом к тебе.

Они поехали в гостиницу, сын занял номер, оставил свой чемодан, а отцу повез большую круглую корзину, и час спустя они сидели за столом, а на столе стояла бутылка кахетинского из лучшего винограда, какой только водится в Алазанской долине.

— Вот что, отец,— сказал Сандро,— пора тебе кончать жить в Москве. Будешь жить у меня, самая лучшая комната твоя, и жена велела сказать — будешь жить с нами, и твой внук Левон, хоть и не говорит еще, велел передать — будешь жить с нами, и что я за сын, если отец не может жить со мной? Я в залог корзину винограда привез, а Нина туфли прислала, померишь после. Тебе покой нужен, и нам хорошо с тобой будет.

Гугуша поднял свой стаканчик, стукнул о стаканчик сына, и они отпили по глотку доброго, выдержанного кахетинского.

— Я тебе спасибо говорю, Сандро,— сказал Гугуша.—Ты хороший сын, я тебе спасибо говорю. Только как я уеду? Теперь весь этот дом, в котором живу, мой, люди меня ждут, и я знаю, что́ у кого, так что долина Кахетии для меня здесь теперь. К тебе могу приехать в гости, а что́ значит — жить на покое? Виноград одному есть, на горы глядеть, спать под чинарой? Ты понял меня, Сандро?

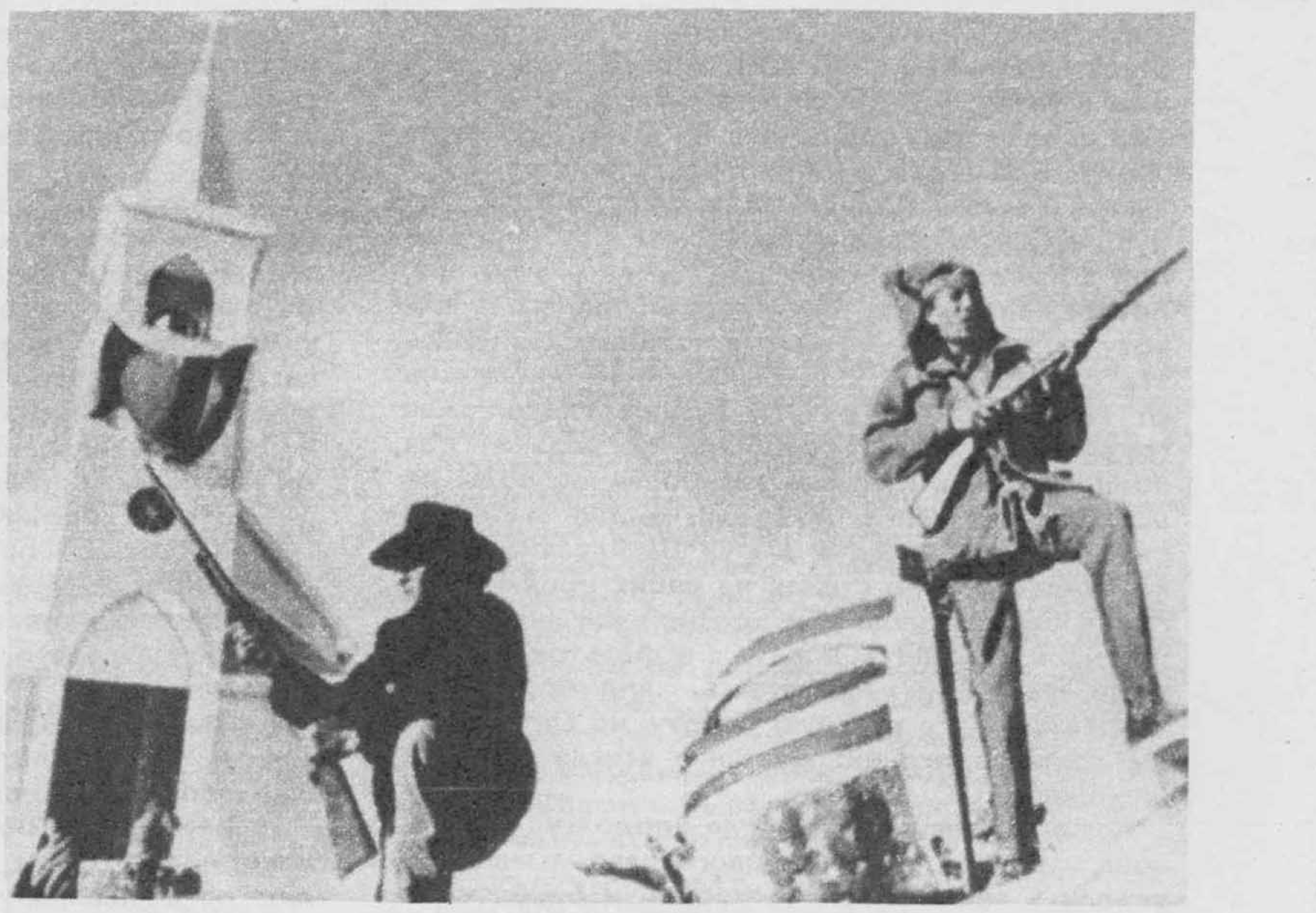
— Я понял тебя,— сказал сын,— но мне жалко, папа... ты уже столько поработал.

— Дай мне поработать еще, могу тебя с одной женщиной познакомить, посмотришь, какие бывают женщины, не хуже мужчин, а ты хочешь, чтобы я с женской силой оказался?

Он засмеялся, ударил сына по плечу, а в корзине, которую привез тот, был виноград, и Гугуша решил отнести по большой кисти и Дарье Васильевне с Маней, и Клавдии Петровне с ее Славиком, и Любе Харитоновой с сыном — пусть посмотрят, какой виноград бывает на свете, попробуют его... а жить так, чтобы никто, кроме себя самого, не был нужен тебе, какая же это жизнь, и зачем тогда жить, Сандро, какой интерес тогда жить, хороший мой сын Сандро?

Он снова поднял стаканчик, но сын не отпил, задумчиво смотрел вино на свет и видел, может быть, в нежно-рубиновом его отсвете нечто бо́льшее, чем увидишь в вине, если без всяких мыслей только пьешь его.

ВОССТАНИЕ



Восставшие индейцы ведут наблюдение с церкви.

АМЕРИКА

И. АНДРОНОВ

С МЕСТА СОБЫТИЯ

Мерзкое ощущение приходится испытывать, когда на твоих глазах избивают человека, а ты ничем не можешь ему помочь. В такой ситуации я очутился на развилке двух шоссейных дорог в американском штате Южная Дакота. Ради точности добавлю, что это случилось, как только я свернул с шоссе № 18 на узкую дорогу, носящую экзотическое название «Тропа Большой Ноги»: некогда в здешних краях жил и властвовал один из вождей индейцев по имени Большая Нога. Ну, а теперь я тут увидел, как шестеро вооруженных карабинами мужчин, перегородив двумя автомобилями «Тропу Большой Ноги», избивали молодого смуглолицего индейца, заломив ему за спину руки. Эти шестеро были одеты в одинаковую зеленую униформу. И карабины у них тоже были одинаковые — армейские скорострельные М-16. А индеец был безоружен и не сопротивлялся, не кричал, не звал на помощь, когда его швырнули грудью на багажник машины и стали тыкать лицом прямо в металл, покрытый дорожной пылью и грязью. Истязатели, увидев меня, ничуть не смутились, но трое из них двинулись мне навстречу с карабинами наперевес, и один раздраженно гаркнул:

— Кто такой? Куда едешь? Покажи документы!

Протянув ему свой паспорт и журналистское удостоверение, я сказал, что направляюсь в близлежащую индейскую деревню Вундед-Ни, уведомив загодя об этой поездке соответствующие власти. Упоминание о властях не произвело, впрочем, какого-либо впечатления: оказалось, что я остановлен агентами Федерального бюро расследований, то есть полицейскими детективами, да притом, как они выразились, «при исполнении служебных обязанностей». На мой вопрос, в чем виноват схваченный ими индеец, последовал краткий исчерпывающий ответ:

— Поезжай дальше!

Но дальше по той же дороге, проехав мили четыре, я наткнулся на новую заставу — еще одна группа вооруженных людей толпилась возле трех гусеничных бронетранспортеров с тяжелыми пулеметами, повернутыми в сторону видневшейся вдали на холме белой церквушки. Над ее стрельчатой колокольней высоко в небе кружил военный самолет, а ниже церкви у подножия холма темнели кубики четырех сельских домов: это и была деревня Вундед-Ни — цель моего путешествия. Сегодня об этой глухой деревеньке знает весь мир: вот уже несколько недель в Вундед-Ни отчаянно обороняется большой отряд американских индейцев, восставших с оружием в руках против многолетнего угнетения их бесправных сородичей по всем Соединенным Штатам. Что непосредственно толкнуло индейцев на восстание и зачем они собрались в Вундед-Ни — об этом я хочу рассказать как недавний свидетель их самоотверженной, мужественной борьбы.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

Детонатором этой вспышки явилось убийство в Южной Дакоте молодого индейца белым расистом. Суд над убийцей состоялся в феврале в расположенном поблизости от Пайн-Риджа городе Кастер, где местный судья квалифицировал преступление как «непреднамеренное убийство» и отпустил обвиняемого под залог, хотя тот, как было известно, с явно злым умыслом заколол свою жертву ударом финского ножа. Освобождение убийцы вызвало всеобщее негодование у индейцев, и они, собрав около полутораста соплеменников, пришли к зданию суда, громко требуя восстановления справедливости. Но тут их встретили около трехсот полицейских, пустивших в ход слезоточивый газ и увесистые дубинки. 75 индейцев, включая мать убитого, были схвачены полицией.

27 февраля поздним вечером индейцы отважились на контрудар: нагрянули, вооружившись чем попало, в деревню Вундед-Ни и поклялись обороняться здесь до тех пор, пока высшая власть публич-

но не пообещает прекратить попрание их законных прав и пока им не позволят учредить подлинно демократическое самоуправление индейских племен и общин.

В ЛАГЕРЕ ПОВСТАНЦЕВ

В Вундед-Ни я попал, миновав благополучно оба военных поста на «Тропе Большой Ноги» и встретив первых повстанцев перед самым въездом в деревню, где они перекрыли дорогу баррикадой из двух сожженных грузовиков. Там, за баррикадой, худые темнокожие парни с длинными иссиня-черными волосами, перехваченными через лоб алыми повязками, принялись с изумлением рассматривать мой красный паспорт, передавая его из рук в руки, улыбаясь, хлопали меня по плечу и спрашивали: неужто впрямь я из Москвы, неужто повсюду уже известно об их восстании?

Меня провели с улицы в большой сарай, отведенный под штаб, и там познакомили с одним из вождей восставших — Деннисом Бенксом, высоким плечистым индейцем, чей поясной ремень оттягивал вниз с правого боку тяжелый «кольт».

Деннис Бенкс — индейский вожак новой, современной формации: он одет по-городскому, у него речь начитанного интеллигентного человека, он отлично разбирается в актуальных вопросах американской политической жизни. Бенкс входит в руководство массовой организации «Движение американских индейцев», которая имеет свои филиалы во всех районах США. Бенкс был в первых рядах демонстрантов во время упомянутого выше неправого суда над убийцей-расистом в городе Кастере. Бенкс возглавлял затем выступление индейцев в Рапид-Сити. А еще раньше он участвовал в манифестации протеста обездоленных индейцев в Вашингтоне осенью прошлого года. И вот теперь он и другие лидеры «Движения американских индейцев» привели своих соратников в Вундед-Ни. Но почему именно в эту деревню?

Меня ведут за деревенскую околицу, на холм, чью вершину венчает маленькая католическая церковь, которую я прежде видел лишь издали, с «Тропы Большой Ноги». Возле входа в церковь — серый надгробный камень на украшенной цветами могиле, поражающей своими необычайно крупными размерами. Один из моих спутников объясняет:

— Здесь похоронены триста наших зверски убитых предков — мужчины, женщины, дети, старики. Тут зарыт и вождь Большая Нога. Свыше 80 лет назад их расстреляли в этом месте солдаты американской армии. А теперь мы вернулись сюда, чтобы на этой священной для каждого индейца земле добиться подлинного равноправия с белыми или снова встать тут под пули расистов и с честью умереть...

И поэтому они теперь, собравшись в Вундед-Ни, заняли круговую оборону, вырыли траншеи рядом с могилами убитых предков и вооружились тайно раздобытыми винтовками, пистолетами и даже автоматами. За истекшее время с момента их восстания полиция неоднократно обстреливала бунтовщиков и пыталась выкурить их из Вундед-Ни с помощью слезоточивого газа, но индейцы стойко выдержали все атаки и сами неоднократно отвечали метким, сильным огнем. В лагере повстанцев я встретил молодых людей с изрядным военным опытом, приобретенным в период службы в американской армии. Один из них, по имени Ричард Гернер, сказал, что он бывший солдат морской пехоты, побывал на войне во Вьетнаме и вернулся оттуда с твердым намерением браться впредь за оружие только во имя чистых, благородных целей. Таковы же убеждения другого ветерана войны во Вьетнаме — индейца Стенли Холдера, руководителя вооруженной охраны лагеря в Вундед-Ни.

Власти могли бы, конечно, довольно быстро подавить повстанцев преобладающими силами полиции и армии. Вокруг Вундед-Ни было сосредоточено свыше трехсот вооруженных до зубов полицейских из различных специальных ударных формирований и ФБР. Им придали 15 армейских бронетранспортеров с крупнокалиберными пулеметами и направили для воздушного наблюдения за восставшими военные боевые самолеты и вертолеты. Все дороги к Вундед-Ни оказались блокированными полицией. В перестрелках несколько индейцев получили ранения. Но на большее власти не решились: их штурм Вундед-Ни привел бы непременно к повторению здесь ужасной трагедии 1890 года и тем самым обесчестил бы США в глазах всего мира. Неоднократно власти требовали от повстанцев, угрожая строгими карами, сложить оружие и сдаться полиции, но индейцы отказались капитулировать и на своих собраниях в Вундед-Ни демонстративно сожгли доставленные им письменные ультиматумы. Вожди индейцев настаивают: концу восстания должно предшествовать твердое обещание сената США и вашингтонской администрации всерьез детально разобрать и удовлетворить все жалобы индейцев на их притеснение и дискриминацию.

На третий день пребывания в Вундед-Ни я оказался очевидцем появления в лагере 39 новых повстанцев. Они шли сюда под покровом ночи, обходя полицейские заставы и патрули, прячась от них в кустарниках, кружа по охотничьим тропам, пробираясь ползком по голым склонам окрестных холмов. Они чудом ускользнули от полиции только благодаря тому, что их проводником был 14-летний паренек-индеец, уроженец этих мест и искусный следопыт — вроде тех, которыми в прошлом восхищался прославленный романист Фенимор Купер. Но у Купера герои были вымышленные, а юный проводник из Вундед-Ни был подлинный малолетний герой: он в тот же день снова ушел из деревни, чтобы на следующую ночь привести еще сто человек, ждавших его в шести милях к северу, в соседнем поселке Поркупайн.

Однако оттуда мальчик вернулся спустя сутки с печальной вестью: полицейские нагрянули в Поркупайн и схватили там всех пришедших на выручку повстанцам. Не ограничившись этим, власти установили дополнительные посты и заслоны даже на дальних подступах к Вундед-Ни, в ближайших селах и городах, на таможних дорогах, в аэропортах, на автобусных станциях. Большая группа индейцев была перехвачена полицией в соседнем штате Небраска, еще одну группу из Калифорнии арестовали почти за две тысячи миль от Вундед-Ни, на юге Невады. И все-таки многие добрались до цели! В первые дни обороны Вундед-Ни здесь насчитывалось 200 защитников, а спустя две с лишним недели — уже полтысячи.

Невзирая на риск и дальность расстояний, в Вундед-Ни прибыла молодежь с Тихоокеанского и Атлантического побережий, из Нью-Йорка, Сан-Франциско и Чикаго, из Оклахомы, Утахи, Монтаны и даже из Канады. Причем индейцы составили примерно лишь половину из вновь прибывших. В числе остальных были белые парни и девушки — участники недавнего антивоенного движения и борцы за гражданские права. Вместе с ними пришли «чиканос» — обездоленные выходцы из Латинской Америки. Пришли активисты организации «Молодежь против войны и фашизма». Пришли те, кто счел своим долгом откликнуться на призыв повстанцев Вундед-Ни, обратившихся за поддержкой ко всей прогрессивной американской общественности.

Между тем в Вундед-Ни возникла новая проблема: приток отважных волонтеров обострил и без того критическое положение с продовольствием, вызванное полицейской блокадой. Запасы продуктов стремительно истощались, и вскоре наступила пора, когда пищу пришлось выдавать повстанцам только раз в день, а вождь Деннис Бенкс доверительно сказал мне, что продовольствия осталось лишь на сутки.

И тут случилось нечто похожее на чудо! Крохотный одномоторный самолет марки «Сессна» неожиданно приземлился на шоссе, проходящем через Вундед-Ни, и из авиакабины выпрыгнул на асфальт пожилой мужчина, объявивший о доставке восставшим мяса, муки и консервированных бобов. Добрый волшебник назвал себя — доктор Дуэйн Каммингс из штата Мичиган, выходец из Южной Дакоты и по происхождению наполовину индеец. А самолет пилотировал белый американец — Пол Дэвидс, тоже из Мичигана. Оба они, выгрузив продукты, под восторженные крики сбежавшихся людей улетели обратно в свой родной штат, и там, как стало позже известно, их арестовали агенты ФБР за этот смелый и удивительный рейс. Угроза голода в Вундед-Ни отодвинулась, хотя, конечно, ненадолго...

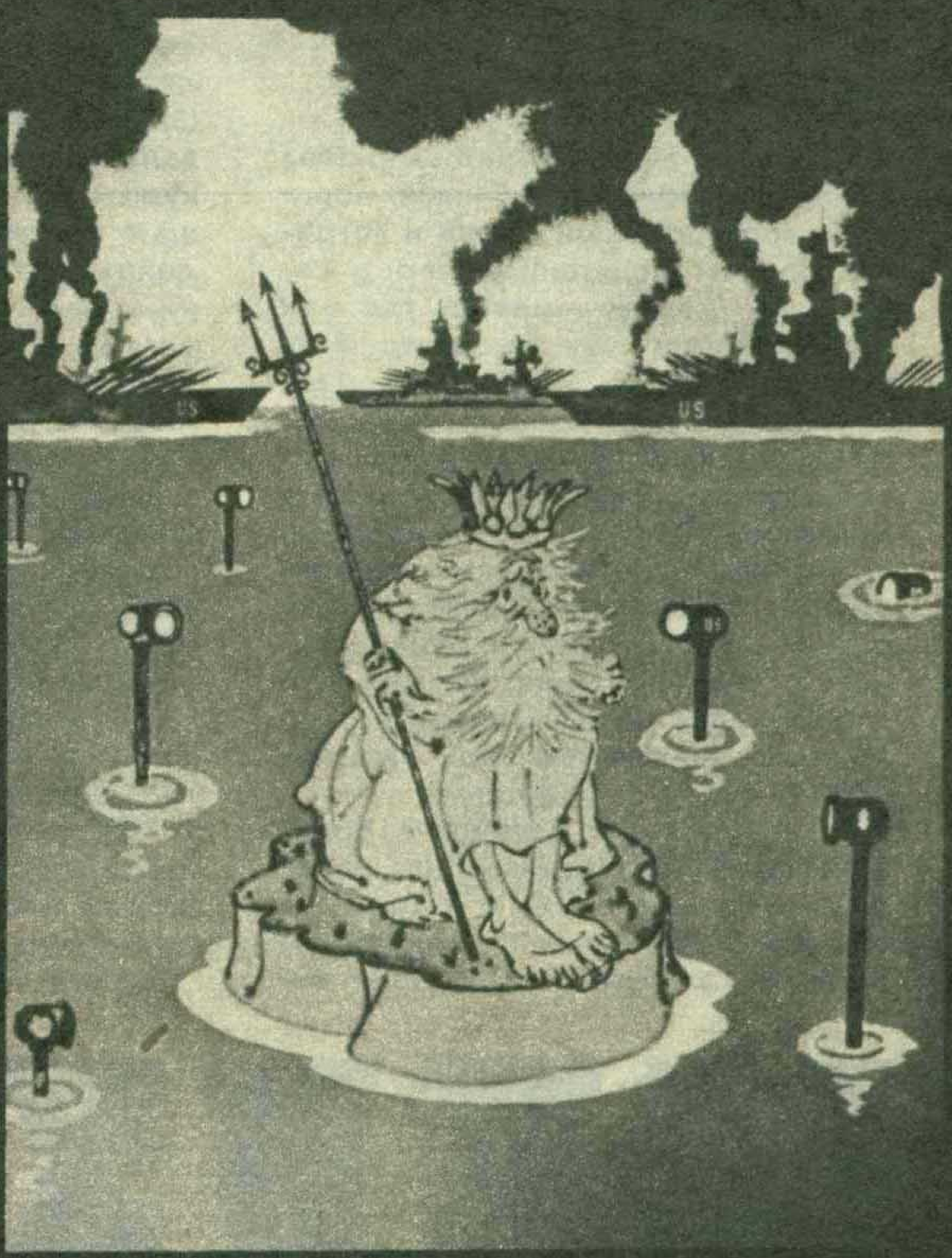
Покидая Вундед-Ни, я увез с собой на память выданную мне Деннисом Бенксом охранную грамоту для репортерской работы в лагере повстанцев. На грамоте — большом листе бумаги — нарисован индейский вигвам, голова вождя в торжественном уборе из перьев, багровое солнце и рядом проставлены личные подписи руководителей провозглашенной в Вундед-Ни «Независимой страны Оглала Сиу» — символического свободного государства американских индейцев.

Вундед-Ни, штат Южная Дакота.

НСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Полицейская застава на «Тропе Большой Ноги». Фото из журнала «Тайм».

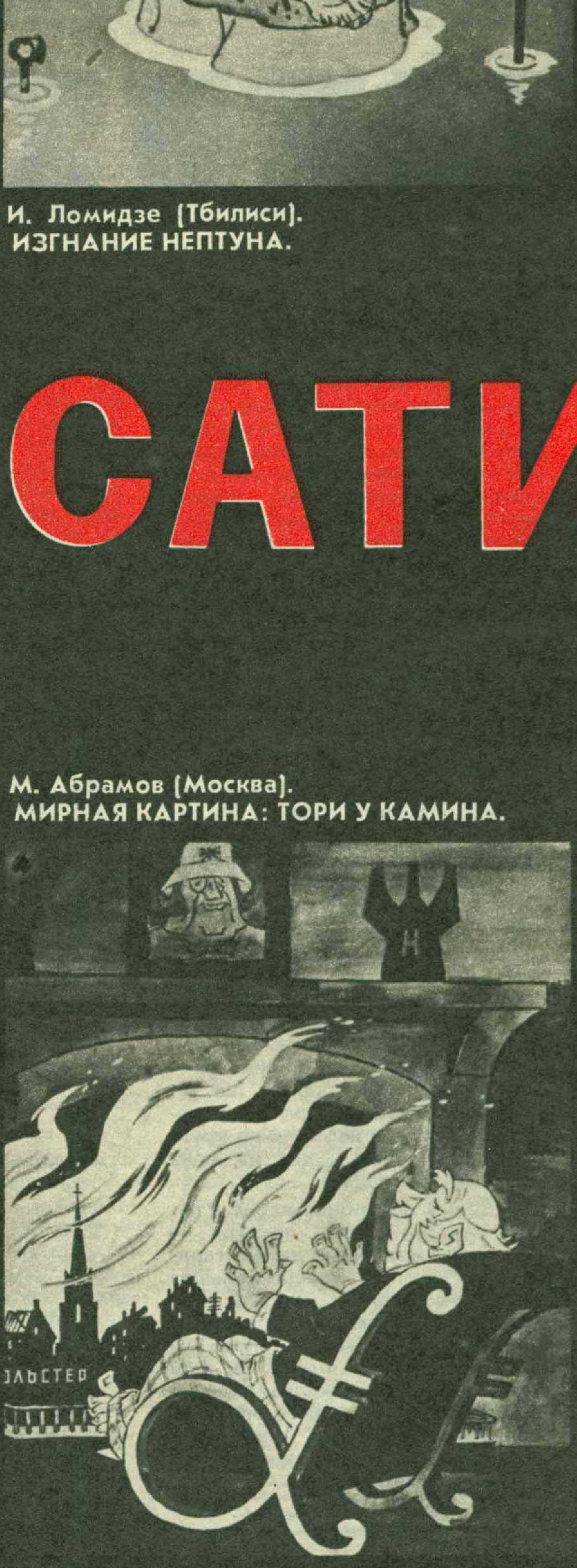
В. Брискин (Москва). ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ!



И. Ломидзе (Тбилиси).
ИЗГНАНИЕ НЕПТУНА.

САТИ-

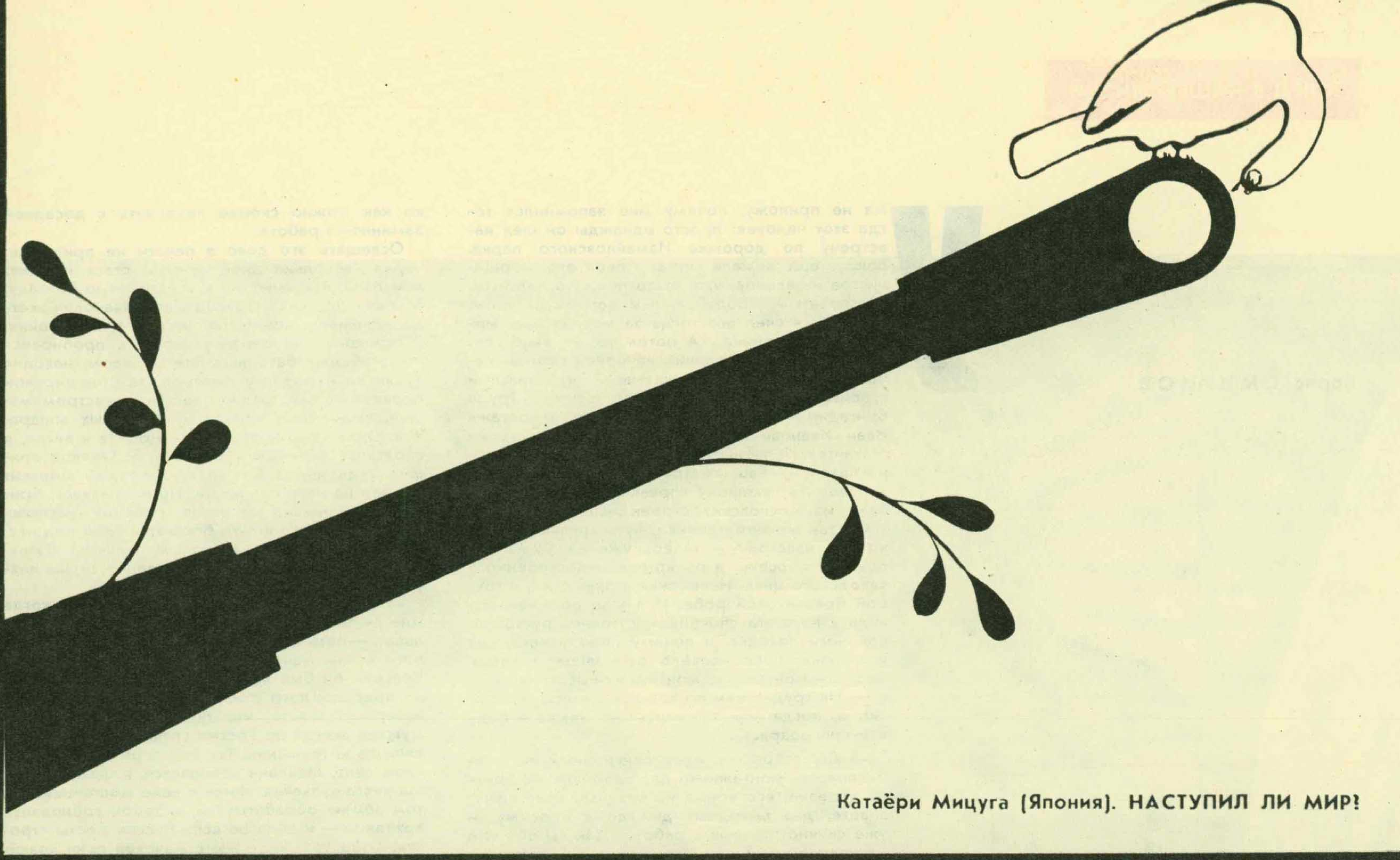
М. Абрамов (Москва).
МИРНАЯ КАРТИНА: ТОРИ У КАМИНА.



Художники тридцати стран, мастера политической сатиры показали свои произведения на выставке «Сатира в борьбе за мир», недавно проходившей в Москве, в залах Академии художеств СССР.

Неоценима, благодарна роль карикатуристов, пером, кистью и карандашом талантливо, остро, бесстрашно разоблачающих врагов мира, свободы и демократии.

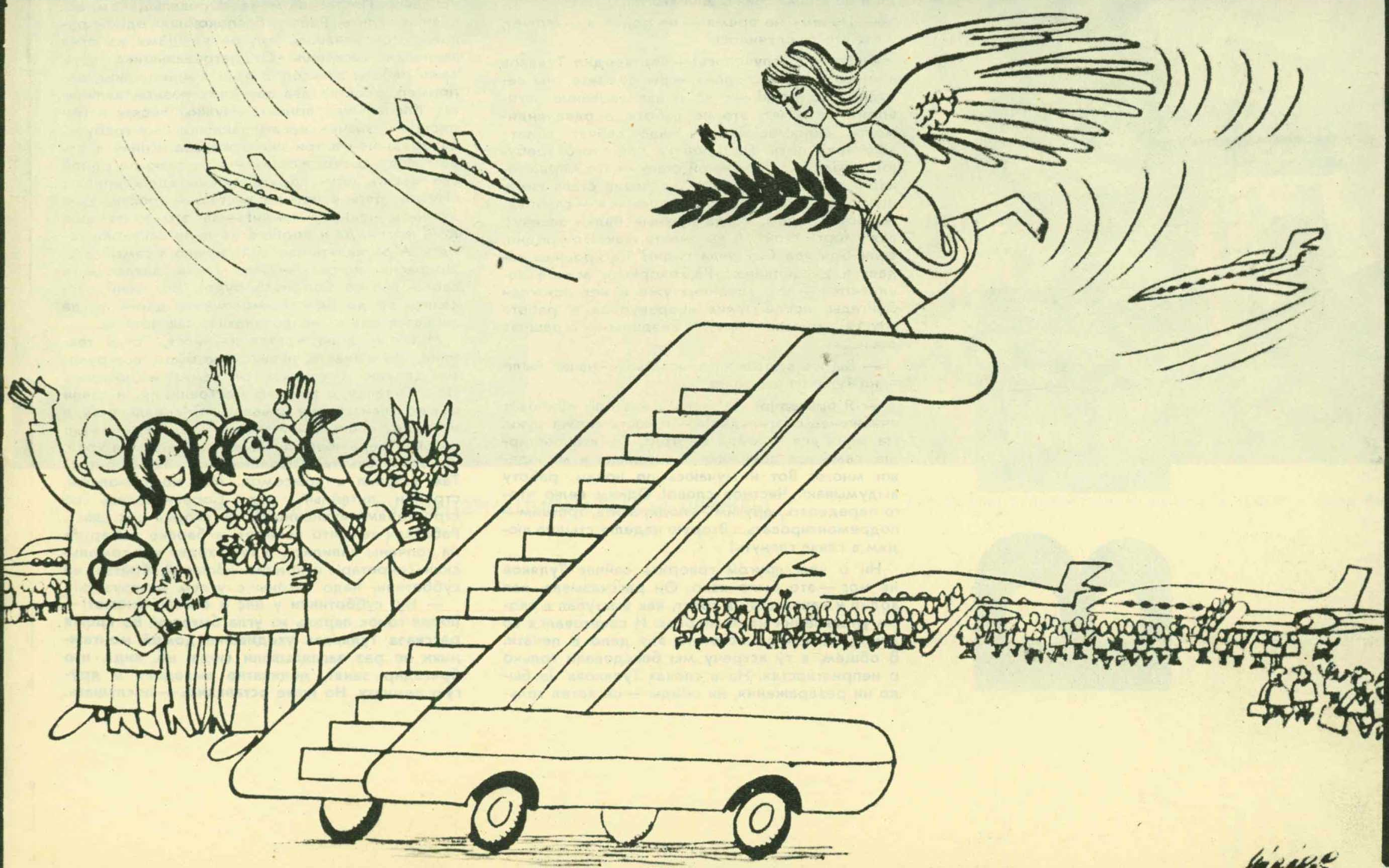
Борис ЕФИМОВ,
народный художник СССР



Катаёри Мицуга (Япония). НАСТУПИЛ ЛИ МИР?

РА ЗА МИР

Мейсарош Андраш (Венгерская Народная Республика). ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ МИРА В БУДАПЕШТЕ.



ВЫСОТА

Борис СМИРНОВ

Ума не приложу, почему мне запомнился тогда этот человек: просто однажды он шел навстречу по дорожке Измайловского парка. Вокруг еще лежали снега, а лицо его, морщинистое и веселое, уже было покрыто плотным, красноватым, продубленным ветром загаром. Кажется, я счел его тогда за моряка или, может, за полярника... А потом то же лицо глянуло на меня со страниц вечерней газеты. Небольшая заметка рассказывала, что знатный строитель, Герой Социалистического Труда бригадир СУ-174 треста «Моспроммонтаж» Иван Иванович Туляков в молодости строил Магнитку, Челябинский тракторный завод, устанавливал на башнях Кремля первые звезды... Я навел по телефону справки и отправился на одну из московских строек искать Тулякова.

Он так же неторопливо, чуть вразвалку шел ко мне навстречу — теперь уже не по измайловской просеке, а по крыше недостроенного заводского цеха. Невысокий, кряжистый, в грубой брезентовой робе. И я уже понимал, откуда у него эта спокойная, с точной постановкой ноги походка и почему лицо у него, как у моряка, побронзовело от солнца и ветра. Ведь он монтажник, монтажник-высотник!

— Не трудно вам по крышам лазить?— спросил я, когда мы очутились на земле.— Ведь все-таки возраст...

— Да, возраст у меня пенсионный, но специальность монтажника для здоровья уж больно полезна: все время на воздухе! Я не шучу; знаете, два выходных дня дома просижу, и уже скучно: привык к работе... Так вы обо мне написать хотите?

— Да.

— А что?

— Как что? — растерялся я.— Например, как вы стали Героем...

— Ну, это все случилось просто. В семьдесят первом году — как раз на праздник Победы, Девятого мая — пошел я утром за газетами, а соседи на лестнице меня поздравляют: оказывается, в газете Указ напечатан и в нем моя фамилия... Я понимаю, вас не это интересует: ведь если дают человеку такое звание, то всю его жизнь учитывают, все, что он в этой жизни сделал, какой след в ней оставил. А о моей жизни двумя словами не расскажешь, да и не время сейчас для этого...

— Почему не время?— не понял я.— Может, у вас что-то случилось?

— Вот-вот, случилось!— подтвердил Туляков и отвел меня в сторону.— Вы думаете, мы сегодня работаем? — тихо и взволнованно заговорил он.— Нет, это не работа, а одна видимость. Понимаете, нам надо сейчас делать «фонарь» цеха. По проекту для этого требуются балки из спокойной стали — это марка такая у стали есть,— а нам привезли сталь кипящую. Ее на фонарь пускать нельзя — слабовата. Вот и ждем, когда нужные балки завезут, вся работа стоит. А вы знаете, как это вредно, если бригада без дела сидит? Настроение падает и дисциплина... Разговорчики всякие начинаются — вот, глядишь, уже и нет прежней бригады, после таких «перекуров» и работа спустя рукава идет. Безделье — страшная вещь...

— Вы же в этом не виноваты...— начал было я, но Туляков перебил:

— Я бригадир! Не могу я сказать: «Виноват снабженец-разгильдяй!» — и сесть сложа руки. На меня вся бригада смотрит. Те, кто постарше, сами все понимают, но у меня и молодежи много! Вот и мучаюсь по ночам, работу выдумываю. Честное слово! Одним велю что-то переделать, другим — подкрасить, третьим— подремонтировать... Вторую неделю стыдно людям в глаза глянуть!

Ни о чем другом говорить сейчас Туляков не мог — это было ясно. Он рассказывал, как ходил к начальству в трест, как выступал в своем управлении на планерках. И советовался со мной, нельзя ли осветить это дело в печати. В общем, в ту встречу мы беседовали только о неприятностях. Но в словах Тулякова не было ни раздражения, ни обиды — он хотел только как можно скорее покончить с досадной заминкой в работе.

Освещать это дело в печати не пришлось: через несколько дней нужную сталь наконец привезли, и я зачастил в туляковскую бригаду. Встречи для наших бесед Иван Иванович всегда назначал в конце рабочего дня, на стройке. Я приезжал на окраину Москвы, пробирался по штабелям бетонных плит и ферм, находил Тулякова и подолгу смотрел, как он дирижировал мощным, разноголосым оркестром машин, подъемных кранов и сварочных аппаратов. Однажды, не выдержав мороза и ветра, я спрятался в рабочей бытовке, а Туляков пришел туда через час, и промерзший брезент гремел на нем, как жесть. Не раздеваясь, бригадир расправил на столе рабочие чертежи проекта и долго что-то бормотал себе под нос, водя по бумаге заскорузлым пальцем. Взглянув на меня, снял шапку, разгладил седые вихры и начал рассказывать...

— Мать умерла в двадцать четвертом, когда мне было десять лет. Осталось нас девять человек — пять сыновей и четыре дочки. Привел отец к нам мачеху, а сам уехал на заработки. Человек он был мастеровой, хотя и происходил из крестьянского рода и сам жил в селе. Вы, наверное, знаете, что тульские да калужские мужики всегда по России славились как мостовики да котельщики. Так вот, я родился в тульском селе, Маклаки называется, и фамилия наша чисто тульская. Жили в селе мостовики: летом землю обрабатывали, а зимой собирались артелями — и айда по всей России мосты строить. Отец уезжал, а мы с мачехой пока хозяйство вели. Как-то, в двадцать шестом, переезжал отец со стройки на стройку да домой заехал, гостинцы привез. А мы все лежим, тифом болеем. Два дня хотел побыть отец дома, да тоже заболел. Мы все выжили, а он умер... Самых младших пришлось в детдом отдать, а кто постарше — в работники пошли.

В школе я учился всего два года, а вернее сказать, две зимы: только и было время заниматься, пока на полях снег лежал, а по весне опять начинал работать. С тех пор за парту не садился. В пятнадцать лет дядя взял меня в бригаду, и пошел я мосты строить. Помню, первый мой мост был на дороге Сухиничи — Рославль. Поставили меня нагревальщиком, заклепки калить. Работа беспокойная: одной рукой горн качаешь, другой клещами из огня заклепки таскаешь. От нагревальщика весь темп работы зависел. В огне у меня лежит, например, десятка два заклепок разной величины. Клепальщик кричит: «Нужны десять в три листа!» — значит, десять заклепок ему требуется толщиной в три листа железа. Кричу в ответ: «Иду десять в три!» — и бросаю по одной все десять штук. Другой клепальщик кричит: «Нужны пять в четыре листа!» — бросаю ему. Уронить нельзя — ни-ни! — за это и по шее дать могли, да и вообще не дело заклепки терять. А раскалить заклепки нужно в самый раз. Докрасна нагреть — мало, такая заклепка в своем гнезде болтаться будет. Вот если раскалить ее до белого, молочного цвета, тогда забьется она в гнездо плотно, как пробка.

Многому я на мостах научился. Тогда техники, сами знаете, никакой не было, все руками делали. Трудились от темна и дотемна. Да... Остался я тогда с мостовиками, и стали мы по всей стране кочевать. Специальность я получил очень нужную по тем временам: стройки ведь повсюду начались. Попал на Урал, на строительство Челябинского тракторного. Там вступил в комсомол. Мы, комсомольцы, строили литейный цех. Соревновались со строителями кузнечного, кто скорее цех сдаст. Работали так, что вечером в бараке замертво на топчаны валились, а тут входит комсомольский секретарь и кричит: «Вставай, братва, на субботник, надо вагоны с углем разгрузить!»

— Ну, субботники у нас и сейчас бывают!— подал голос парень из угла бытовки. Во время рассказа Тулякова уходившие домой монтажники не раз заглядывали сюда, но, видя, что бригадир занят, деликатно выходили в другую комнату. Но иные оставались — послушать.

В. Рыжих (Киев). КЛУБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

А. Ткачев, С. Ткачев (Московская область). СВАДЬБА.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

В. Загонек (Ленинград). ЮНОСТЬ.

— Верно, субботники сохранились,— отвечал Туляков.— А знаешь, милок, почему они сохранились! Потому что на субботниках люди для души своей, для общего дела работают, словно бы накипь с себя снимают.

Я ведь когда о трудностях рассказываю, то не для того, чтобы разжалобить: вот, мол, какие мы были бедненькие. Тяжелая у нас была школа, суровая. А закалку получили такую, что я ее и сейчас чувствую. Недавно зашел к своим ребятам в общежитие. Кругом чистота, порядок, зеркала, коечки заправленные. Не выдержал — стал рассказывать, как мы в начале тридцатых годов жили: барак на сто пятьдесят человек, в нем деревянные топчаны да тумбочки. А ведь очень хорошо тогда жили — дружно, весело, всем на свете интересовались... Слушали меня ребята, смотрели, как на музейный экспонат, а потом говорят: «Теперь мы, дядя Ваня, понимаем, почему ты хоть и старше любого из нас, да выносливей!»

Сейчас в книгах те тридцатые годы легендарными называют, а тогда мы себя героями не считали: работа есть работа. Как в Челябинске собрали первый трактор, я так и не видел. В это время мы уже на Магнитку отправились — строить первую домну. Клепку домны закончили — и опять уехали, не дождались пуска. Такая уж судьба у монтажника: мы только каркас, ребра сооружаем, и работа наша кончается задолго до пуска объекта. Шутка шуткой, а строишь вот какую-нибудь махину, собираешь ее по кусочку, душу в нее свою вкладываешь, и так порой хочется увидеть ее в готовом виде, а тебя раз — и на другую стройку.

Женился я в то время, когда мы строили эллинги для дирижаблей. Интересная была работа, на сорокапятиметровой высоте. Вообще-то в высоте ничего страшного нет, даже приятно, когда конструкция под тобой на ветру раскачивается. На Дальнем Востоке строил радиобашню, так там на верхушке болтался, словно на качелях... А эллинги почему-то особенно запомнились. Часто после смены или в выходные я записывался в команду по обслуживанию дирижаблей — провожали их в полет, заводили после возвращения в эллинг. Жена даже как-то спросила, не собираюсь ли я менять профессию. Нет, не собирался. Был я тогда уже слесарем-сборщиком по монтажу конструкций, и нравилась мне эта работа больше всего на свете. Потом, у высотника и авиатора есть в характерах общее — любовь к простору, к высоте...

В тридцать пятом пригласили меня снимать с кремлевских башен орлов — тогда на шпилях еще старые, дореволюционные гербы держались. Сначала трое монтажников — Павел Рожков, Николай Куликов и я — облазили все башни, обмерили этих самых орлов. Потом стали снимать их. Монтажников для этой работы отыскивали по всей стране, самых лучших отбирали. Работали мы с мая по ноябрь, и каждый день у кремлевских стен собирались толпы народа, смотрели, как мы по шпилям карабкаемся. По правилам, надо бы строительные леса вокруг шпилей возвести, а нам время было дорого, пришлось только тросами да лебедками обходиться. А болты креплений у орлов проржавели, засели намертво, пришлось их вырубать. Сами орлы-то царские все пулями пробиты, словно бы на память о революции. Спускали их лебедками, а ведь каждый величиной с автомобиль, в некоторых даже дверцы были, чтобы можно было внутрь заходить. Когда орлы уже на земле лежали, как-то утром приехал на машине Михаил Иванович Калинин, осмотрел их, поговорил с нами...

Потом мы поднимали на башни красные звезды. Работали по нескольку смен подряд, надо было успеть все сделать к ноябрьским праздникам. Последнюю звезду поставили над Боровицкой башней уже четвертого ноября. Целый день лил дождь, а мы внимания не обращаем — тут же стали убирать монтажные мачты. Шестого вечером все было сделано, я пошел домой. Еле стоял на ногах от усталости. Обернулся, взглянул: над Кремлем сияют наши звезды. И так хорошо на душе стало, что, кажется, вся усталость прошла!

Те трудные годы воспитали в нас, советских людях, великую гордость за себя. Все мы видели, с чего начинали, и все могли сравнить прошлое с тем, что было построено нашими

Иван Иванович и Анатолий Туляковы. **Фото М. Савина.**

же руками. Это чувство гордости ох как помогло нам в войну!

Война меня застала на Балтике, на острове Даго: служил я в армии уже второй год. Строили мы различные укрепления. Так и вступили в войну одними из первых. Немцы рвались к Ленинграду, и наши острова вместе с укреплениями полуострова Ханко стояли у них на пути. Силы были неравными. 12 октября немцы высадили на остров десант сразу в нескольких местах, начались рукопашные бои. Мы держались до последнего, восемь дней. С полуострова Ханко за нами прислали катера, но немцы расстреляли из орудий пристань, когда там все собрались, а потом накрыли и катера... Кто уцелел, тот и сам тому не радовался: плен.

Поместили нас в лагерь здесь же, в Прибалтике. Гоняли на работу, лес валить. А мы день и ночь обдумывали планы побега. Раздобыли у одного латыша компас, запаслись корками хлеба. Тут и момент удачный подвернулся — охрана нас из виду упустила. Короче, бежали. Только не учли, что немцы по следам ищеек пускают. Схватили нас, избили плетьми и направили в другие лагеря, в Германию. Везли хуже, чем скот возят. Половина народа в вагоне поумирала. А приехали — и поняли: все, конец нам пришел. Попали мы в лагерь смерти. Страха уже не было, жалели только, что мало успели в жизни сделать...

Освободили нас — тех, кто уцелел,— почти перед самым концом войны.

Однажды к нам в казарму вошел майор. «Есть строители-специалисты?» Я так и рванулся вперед, словно на крыльях. Майор меня расспросил, поручил собрать бригаду. Отправили нас в город Штеттин — теперь он Щецин называется — на восстановление морского порта. Весь рейд забит груженными судами, баржами, а краны стоят. Исковерканы. Мы их восстанавливали. Ох, какая же это была радость, когда мы пустили восемнадцать портальных кранов!

Когда домой вернулся, стал работать в тресте «Стальмонтаж», теперь он «Стальконструкция» называется. Что только я там не строил: доменные печи, заводы, эстакады, гидростанцию... В Москве тогда взялись за высотные здания — я и на Смоленской, и на площади Восстания «высотки» строил, и здание МГУ, и гостиницу «Украина», и Шереметьевский аэропорт, и многое другое. А по Союзу сколько кочевал! Помню, приметил я в Макеевке, где мы доменную печь ставили, один башенный кран. Потом приехал в Москву, новый корпус киностудии «Мосфильм» строить, глядь — тот же кран сюда перевезли. Построили, отправляют меня в Жигули, на Куйбышевскую ГЭС. Что за наваждение — и сюда мой кран прибывает! В тресте десятки кранов, и просто чистая случайность, что наши с ним маршруты совпадали. Ну, а когда из Жигулей мы на другой берег Волги переезжали, то этот кран уже сами перевозили. Дело шло к весне, переправа становилась опасной — так мы его, родимого, чуть ли не на руках перетаскивали. Построили Куйбышевскую ГЭС, переехали в Саратов, а туда же и кран этот перевезли. Через несколько лет встретил я его в Подольске. Потом на Урале работал с другими кранами, а в Новосибирске, на строительстве домны, гляжу — старый знакомый! Последняя наша встреча была в Туле. Потом расстались. Я в «Главмосстрой» перешел, а кран, видно, до сих пор по стройкам кочует...

Вы спрашиваете, люди? Кто же я такой без людей? Говорят, одной рукой и узла не завяжешь... Всякие были — и замечательные друзья, за кого голову не жаль положить, и люди похуже. Одних учеников у меня сколько: Валя Селезнев, Миша Дмитриев, Аркадий Носов... Приходили они ко мне учениками, а уходили бригадирами. Мне вот говорят: «Ты, бригадир, воспитывай людей!» А как их воспитывать? Честно говоря, не умею...

Под словом «воспитание» Иван Иванович скорее всего имел в виду какие-то специальные педагогические приемы, рекомендованные в учебниках. Что же, он прав — учебник иногда еще заменяет у нас настоящих наставников жизни. А вот Туляков не любит да и не знает громких фраз. Нередко наши с ним беседы превращались в коллективные разговоры всей туляковской бригады, но и здесь стиль

рассказов Ивана Ивановича не менялся. Он все так же рассуждал только о том, что сам хорошо знал, всему находил примеры из своей жизни, но говорил не о себе и для себя, а для всех.

— Ведь как бывает: даю, предположим, молодому парню задание. Отвернусь на минуту — а тот уже сидит, курит. «Ты,— спрашиваю,— когда у попа в работниках служил?» «Это как?» — удивляется он. «А вот так: поп — за ворота, у работника — зевота. Понял? Тогда бросай сигарету, берись за дело...» Думаю, ошибка наша в том, что слишком добрыми мы стали к лентяям и разгильдяям, многое прощаем им.

— Наверное, и вам, Иван Иванович, приходилось кого-то прощать, иначе же нельзя? — не удержавшись, перебил я Тулякова. Он охотно согласился:

— Нельзя, конечно, одной строгостью людей не убедишь. Сына я тоже специально не воспитывал, а дал ему возможность самому решить: хочешь — учись, хочешь — на работу поступай. Он подумал-подумал да и ответил: «Нет, отец, я, как и ты, на стройку пойду». Так и трудимся теперь вместе, в одной бригаде. Конечно, приятно мне, что по туляковской дороге пошел Анатолий, быть бы ему только понапористей, что ли, в институт поступить... Мне бы самому сейчас лет тридцать сбросить — засел бы за парту! С образованием я, глядишь, и изобрел бы что-нибудь интересное. Так-то рационализаторских предложений у меня много, но чуть что посерьезней — приходится к инженерам обращаться... Как-то строили мы самолетные ангары. Еще до этого у меня одна мыслишка вертелась: как бы использовать на монтаже вертолет? Рассказал об этом авиационному начальнику, а у того глаза загорелись: «Разве это возможно?» «Почему же нет,— говорю,— ведь носит вертолет по воздуху трубы, мачты, почему бы ему панель не поднять?» «Вы все подсчитайте и принесите мне, там посмотрим!» — сказал начальник. Пошел я к инженерам, рассчитали они и говорят: «Получится, если снять хвостовой отсек с «МИ-4» и заправить его не полностью». Потом авиационный инженер все перепроверил — тоже согласие дал. Короче, работал у нас вертолет! Специалисты по монтажу приезжали, смотрели. Через какое-то время я узнал, что в Туле тоже стали вести монтаж с вертолетом, потом еще, еще... Может, и до меня кто-то до того же додумался — не знаю, я ведь заявку на патент не подавал. Не на пальцах же мне объяснять, что к чему.

Сын мой, Анатолий, раз спрашивает меня: «Почему, отец, ребята тебя на улице дедом называют, как своего, а придешь на работу — каждого твоего слова слушаются?» Я и объясняю, что уважение к человеку не в словах, не в звании, даже не в звездочке Героя Труда...

Туляков задумался, замолчал, а мне его последняя история с вертолетом напомнила недавнюю встречу в редакции. К нам приходили летчики, герои воздушных трасс, и один из пилотов, китель которого был увешан орденами, искренне называл свою работу будничной, прозаичной и незапоминающейся. Что, мол, такого — ну, слетал, спас людей, ну, совершил в аварийных условиях трудную посадку... Это же работа! Вот и Туляков, ежедневно выполняя свою скромную и незаметную работу, не видит в ней ничего героического, а жизнь его, огромная и значительная, стала между тем настоящим подвигом. И как это верно сказано: величие труда — в его простоте...

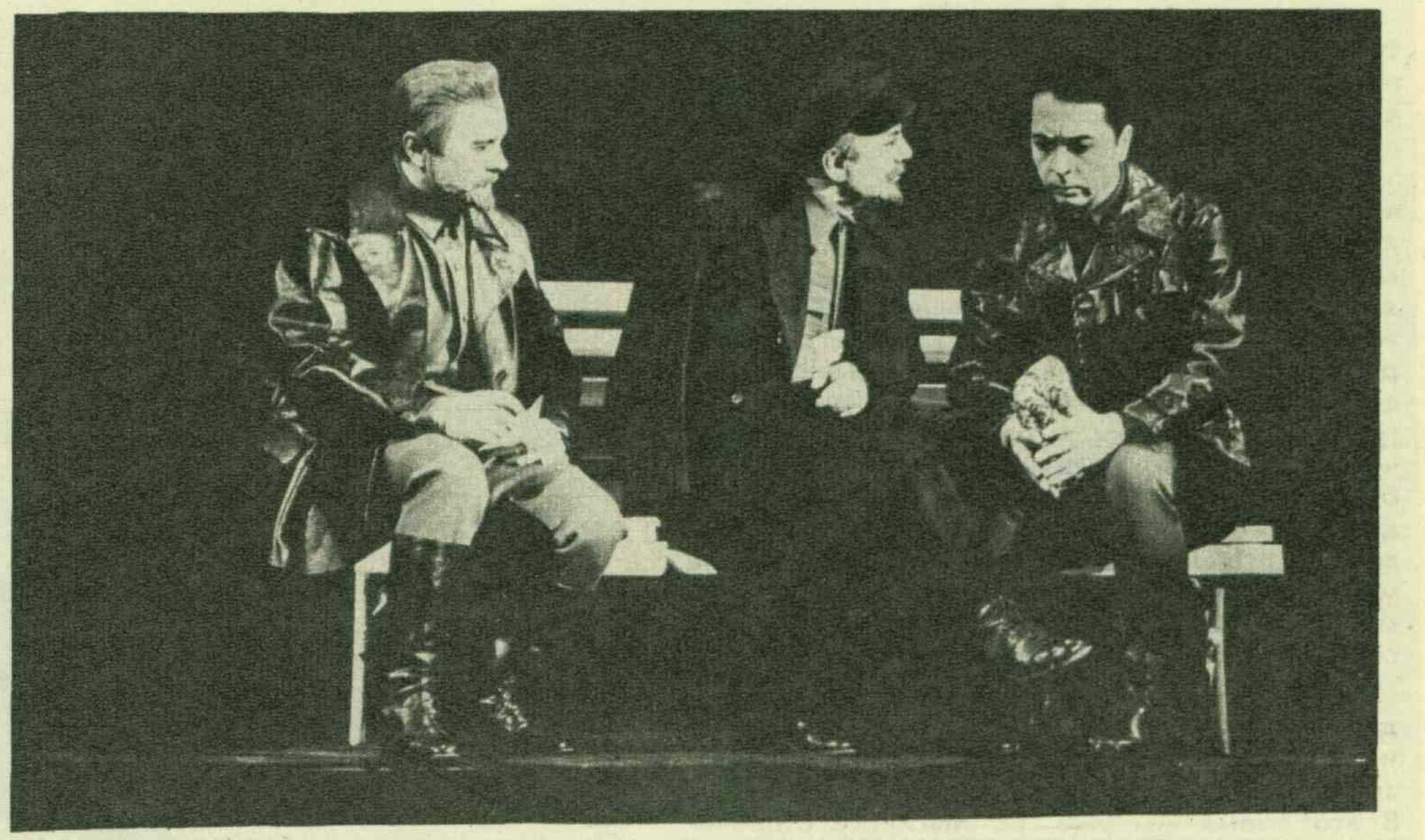
В бытовку, грохоча сапогами, вбежал крановщик.

— Дед, давай, ферму перекосило, надо ее снимать!

— Зачем снимать, сейчас посмотрим...

Иван Иванович неторопливо вышел на площадку, постоял. Через минуту он уже уверенно продвигался по узенькой ферме на пятнадцатиметровой высоте. Вот Туляков закрепил вверху веревку, вот сбросил ее конец на землю, спустился сам, намотал веревку на лом — и многотонная ферма, слегка подвинувшись, встала точно на место.

— Голова! — Кто-то из монтажников за моей спиной восхищенно хлопнул рукавицей по колену.— Всегда он знает, что делать, до всего своим умом доходит. Без него в бригаде и песня не та...



Сцена из спектакля. Фото Ю. Багрянского.

ТЕАТР

«ЗАРЯ РЕВОЛЮЦИИ»

Новый спектакль Государственного Академического театра имени Хамзы.

Вся история узбекской советской драматургии за последние сорок лет неразрывно связана с именем Камиля Яшена, многогранного и талантливого писателя, каждое произведение которого тотчас же оказывается в центре внимания читателей и зрителей.

Самое значительное место в творчестве К. Яшена принадлежит Лениниане — циклу произведений, в которых автор создает образ великого вождя революции. О Владимире Ильиче К. Яшен начал писать еще в 1925 году (поэма «Ленинский комсомол»), а в его пьесе «Путеводная звезда» (1958 год) образ Ленина впервые был воплощен на узбекской сцене. И вот — «Заря революции», эпическая драма, в которой автор сплавил воедино строгий документализм и яркий художественный вымысел.

Постановщикам (А. Гинзбургу и А. Ходжаеву) удалось найти правильное решение этой очень сложной, емкой, многоплановой пьесы. Эпос и публицистика — вот их формула. В спектакле сплетены воедино быт и героика, лирика и трагедия, эпос народных сцен и накал «кабинетной борьбы идей». Действие с кинематографической быстротой переносится из дворца эмира на поле сражения, с городской площади в гарем, из кабинета миллионера к стенам медресе. Движутся крепостные стены и минареты, на глазах зрителя рождаются новые места действия (художник Г. Брим), сцена живет лихорадочным ритмом предреволюционных дней.

Действие происходит более полувека назад в Бухаре, а на сцене — наши современники, юноша и девушка семидесятых годов.

— Вас давно нет в живых,— обращаются они к героям пьесы,— но мы хотим знать о вас все, потому что без прошлого нет настоящего, нет будущего!

Вмешательство современников в развитие действия, их комментарии, их рассуждения делают зрителя соучастником происходящих на сцене событий, перебрасывают мост между эпохами.

Вдохновенное актерское исполнение главных ролей выдающимися мастерами советского театра С. Ишантураевой, Н. Рахимовым, А. Ходжаевым во многом предопределило успех спектакля. Сцены с их участием — жемчужины исполнительского мастерства. Сара Ишантураева создает эпический образ МАТЕРИ. Ее столкновение с Урганжи (Н. Рахимов) — это не только столкновение самобытных характеров, это поединок света и тьмы, идей гуманизма и человеконенавистничества.

Главную роль — Фазылходжи — играет Я. Ахмедов. Роль сложна: актеру нужно убедительно показать, как его герой освобождается от мелкобуржуазных иллюзий младобухарства и джадидизма, приходит к большевикам. Это не только эволюция мышления, но и формирование нового характера: из псевдореволюционного болтуна рождается сознательный борец за социалистическую революцию.

Актер удачно справился с большинством трудностей. Но его Фазылходже (прототипом этого образа является Файзулла Ходжаев, один из первых руководителей Советского Узбекистана) несколько не хватает масштабности, трудно представить его руководителем революционных масс Бухары, которым он должен вот-вот стать.

Актерских достижений в спектакле много: это и Шодия, с большой трагической силой сыгранная С. Норбаевой, и революционер Батыр Тураев в исполнении Т. Муминова, и эмир (Т. Азизов), и ведущие (Р. Ахмедова и Я. Сагдиев).

Принципиальной удачей является образ В. И. Ленина (артист З. Мухамеджанов). Режиссерам и актеру удалось сделать сцену встречи Ленина, Фрунзе и Фазылходжи не только идейной, но и сюжетной вершиной спектакля. Каждое слово Ленина ассоциируется у зрителя с только что виденными сценами и звучит так, точно вождь имеет в виду не только тех, кто действует на сцене, но и всех, кто находится в зрительном зале. Непреходящая сила ленинских слов, их вечная мудрость нашли отличное сценическое воплощение.

Спектакль, разумеется, не без некоторых погрешностей. Так, хотелось бы видеть больше символики в эпизодах крушения эмирата; видимо, смелее следовало бы использовать такую острую публицистическую находку, как вмешательство ведущих в действие.

Но эти частности не могут отразиться на большом успехе спектакля. Камиля Яшена и коллектив театра имени Хамзы можно поздравить с принципиальной творческой победой.

Ташкент

Борис ПРИВАЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ГОРНОМУ ЭХУ

Муса МАГОМЕДОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. ВОРОБЬЕВА.

8

Ах, юность, юность!..

Каждый в юности, конечно, понимает, что где-то есть трудности, горе и несчастье, но именно «где-то» — там, у взрослых, в их серьезной, непростой жизни, которая не скоро, а может, и никогда не наступит, потому что кругом в мире разлита одна радость, солнечный свет, над головой необъятное и бездонное небо, днем бродят в нем облака, а ночью оно все — от края до края — полыхает звездами, звездами...

И до поры до времени юность не предполагает, что заботы, волнения и сложности бытия, а для некоторых, может быть, и горе, уже рядом, недалеко...

Сарат и Мансур по-прежнему виделись каждый день, готовили вместе уроки, читали книги, иногда ходили в кино. О той встрече в горах не вспоминали ни он, ни она.

И в то же время в их отношениях произошло очень многое. Именно потому, что была та встреча. Потому что не представляли себе, как это раньше можно было прожить день, не увидевшись...

И еще потому, что Халисат, поджав тонкие губы, часто бросала им вслед: «Подумаешь... Айдемир и Умайханат...»

Во время каникул Сарат ходила с тетушкой Нуцалай на кукурузное поле. Она помогала ей поливать, прореживать посадки, выпалывать сорняки.

А в конце августа Сарат поняла, что ее беззаботная жизнь кончается, может быть, уже кончилась...

В этот день, когда солнце стояло еще высоко в чистом, немного поблекшем за лето небе, тетушка Нуцалай, покашливая, сказала:

— Свет мой, Сарат, доченька... Давай поговорим.

— Я слушаю, ада.

— Говорят мудрые люди: девушка в горах за один день взрослеет. Вот ты, Сарат, и выросла. Будем так считать.

— О чем вы, Нуцалай-ада? — насторожилась Сарат.

— Я тебе заменила мать. Можешь ты упрекнуть меня, что хоть раз я несправедливо обидела? Хоть раз ты почувствовала, что я не родная мать?

— Ни разу, ада. Вы меня никогда не обижали.

— Тогда попробуй правильно понять мои слова сейчас. Боюсь, что не сможешь ты учиться больше в школе.

— Почему?!

На глазах у Сарат проступили слезы.

— Видишь ли, Сарат... Стара я. Уходят мои силы. Может быть, ушли уже.

Да, тетушка Нуцалай действительно в последние годы сильно постарела, лицо ее сделалось землистого цвета. Она часто и подолгу кашляла, глаза ее при этом слезились. Ходила она давно как старуха, громко шаркая ногами, часто садилась отдыхать, тяжко и с хрипом дышала.

Все это видела Сарат, но не отдавала себе ясного отчета, что тетушка стара, что двигается и работает она через силу. Нуцалай-ада никогда не жаловалась — посидев и отдохнув, снова принималась за работу.

— Я, Сарат, сделала свое дело на земле,— продолжала тетушка.— В трудные годы двоих вырастила. Я думала, что сын мой Усман-Гаджи... доктором станет, а он... Ну да ладно, что о нем говорить. Тебя я учила, пока силы были. А теперь... У нас в ауле только семилетняя школа, теперь надо отправлять тебя в райцентр, в восьмой класс. Была бы у нас в селе десятилетка — куда бы еще ни шло. А в район тебя отправить... на полуголодную жизнь... Нет, не могу. Не на что больше мне учить тебя. Все, что нажили мы с покойным мужем, я потихоньку продала, все мы с тобой прожили.

Сарат зарыдала и бросилась на шею Нуцалай.

— Тетушка! Пусть аллах продлит ваши дни! Я понимаю, понимаю. Теперь работать буду. А вы больше не будете...

— Э-э, не будете... Поле, конечно, теперь мне не вспахать, кукурузы не посадить. Но руки пока шевелятся. А о тебе я с Гитинавом говорила... Добрая у него душа, он обещал тебя на работу взять.

Мансур уехал в районную десятилетку. Перед его отъездом они сходили к тому камню, на котором грелась когда-то ящерица, посидели там молча.

— Я буду каждый день писать тебе, Сарат. А ты отвечай.

— Ладно...

В начале сентября Сарат стала работать в аулсовете секретарем.

9

...Прошел год. Как в тумане каком-то... Сарат каждый день ходила на работу, сидела за скрипучим столом, облитым чернилами, подшивала в разноцветные папки всякие бумаги, выписывала справки, составляла различные ведомости. Работа была не по душе. К тому же председатель сельсовета, толстый и добродушный Гитинав, время от времени говорил, вздыхая:

— Не делом ты занимаешься, Сарат. Как ты играла Умайханат! Аллах такой талант тебе дал! В город надо ехать, на артистку учиться надо. Разве ты прославишь аул Бакдаб, сидя здесь? Ай-ай...

— А Нуцалай-ада с кем останется? Как она будет жить одна? На что она будет жить? Здоровье у нее совсем ушло.

— Разве сын не помогает старой матери?

На такой вопрос Сарат не отвечала, будто не слышала его.

— Ай-ай, — говорил опять Гитинав и отходил.

Единственной радостью Сарат были письма Мансура. Писал он часто. Сарат отвечала длинными посланиями, в которых минута за минутой описывала ему свою жизнь.

Потом письма стали приходить реже. Сарат хотя и переживала, но не обижалась. «Видно, много уроков у Мансура, не до писем ему подчас»,—успокаивала она себя.

На летние каникулы Мансур приехал словно бы чуточку незнакомый, повзрослевший. Он пришел перед вечером, встал в дверях, улыбнулся.

— Сарат... — только и вымолвил он. — Я приехал.

Сарат знала, что он приехал, знала, что вот-вот увидит его, и готовилась к этому. Но она не предполагала, что он явится на работу вот так, неожиданно. Она вскочила, опрокинув стул, вспыхнула до корней волос.

— Пойдем, Сарат, к нашему камню.

Сарат глянула на дверь, за которой кашлял Гитинав, быстро побросала в дощатый шкаф папки и всякие бумаги.

Впервые она не ночевала дома. Всю ночь они с Мансуром провели в горах, неподалеку от аула. Сначала Мансур читал ей стихи, потом они стояли и смотрели, как гаснут огни в ауле.

Ночь была теплая, звездная, где-то на дальних утесах властно ревел могучий тур.

— Он зовет кого-то... — прошептала Сарат.

— Подружку свою, — ответил Мансур и тихонько привлек к себе Сарат. Она, чуть сопротивляясь, все-таки поддалась. Голова ее кружилась... Под могучим деревом они простояли до рассвета.

Утром Нуцалай встретила Сарат у порога.

— Хороша... — проговорила она и зло заплакала.

— Ада, милая, простите меня... Я... не могла прийти. Это было выше моих сил.

— С ним, с Мансуром, была?

— С ним.

— Видел кто вас?

— Не знаю. Мы не прятались. Чего нам прятаться?

— Глупая. А если загуляет про тебя уличный хабар? Тогда не переступят порог нашего дома сваты.

— Пусть гуляет, — заплакала и Сарат. — Мы ничего плохого не делаем. И мне никого, слышите, никого, кроме Мансура, не надо. Никого!

Нуцалай за этот год сдала окончательно. С трудом она подошла к очагу, стала разжигать его...

— Поставь воду для чая.

Сама Нуцалай уже и чайник не могла поставить на огонь. Пока это делала Сарат, тетушка глядела на нее печальными глазами.

— Послушай меня, доченька,— начала она тихо, боясь почему-то теперь поднять глаза на Сарат. — Я тебе только добра хочу и счастья. Оставь, оставь его... Мансура этого.

— Ада! — В этом крике было все: и стон, и мольба, и гневный протест. — Как же я могу, ада?! Разве можно заставить себя не глядеть на небо? Разве можно заставить себя не дышать?

Грудь девушки тяжело ходила, отчаянно билось сердце.

— Вы что говорите? Что говорите?! — выкрикнула она из последних сил.

— Я жестокие слова говорю.— Нуцалай качнула седой головой.— Я стара, Сарат. Я знаю наши горские обычаи...

— Да при чем... при чем тут обычаи?

— Не хотела я тебе пока говорить. Молодая ты еще, как бы не надломилась. Ну, да на молодом теле рана быстрее заживает...

Сарат побледнела. Она ни о чем не догадывалась еще, только чувствовала: сейчас тетя сообщит, скажет что-то такое, от чего, может

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—17.

быть, стены рухнут и похоронят ее под обломками.

— Ну?!— выдохнула она. В глазах метался неживой огонь.

— Родители Мансура... Халисат ему засватали.

— Что?!

Это Сарат спросила не голосом, а глазами. Там, в глазах, что-то ожило, пламя вдруг полыхнуло и в секунду, казалось, выжгло их до дна. Глаза стали тусклыми, немыми. Посеревшими губами она прошептала:

— Не может быть...

— Это так, доченька.

Сарат усмехнулась вдруг бездумно. Нуцалай испуганно встала.

— Сарат...

Девушка, однако, поглядела на приемную свою мать осмысленно. И сказала обычным своим голосом, только чуточку хриплым, осевшим:

— Я на работу, ада, пошла...

Придя в сельсовет, Сарат еще успела вытащить из шкафа свои бумаги, успела разложить их перед собой... Как вдруг будто голос Мансура ударил ее:

...Поднимусь на высокую гору,
Сорву тебе с неба звезду...

...Так говорил он ей вчера вечером, о своей любви к ней говорил... Но что это... почему все так качается? Что это, что?

Сарат медленно стала клониться вбок. Потом сознание покинуло ее, и она даже не ощутила боли, упав на дощатый пол.

10

В себя Сарат пришла от того, что на белом потолке играли солнечные зайчики. Еще лежа с закрытыми глазами, она чувствовала: на потолке что-то поблескивает, мельтешит. Разомкнув ресницы, увидела светлые пляшущие блики, ощутила больничный запах. И поняла, что находится она в больнице и что на улице дует ветер, треплет деревья, растущие перед окном, потому и плясали так на потолке пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи.

Сомкнув ресницы, она опять вспомнила те две строчки из стихов Мансура и подумала: «Зачем мне твоя звезда с неба, если ты за несколько месяцев сумел упрятать в землю и затоптать все, что было и что могло быть?» Мужчины коварны, она, Сарат, не раз слышала об этом от Нуцалай... Ведь Нуцалай в юности тоже жестоко обманул такой же Мансур, украл все мечты и чувства и выбросил их, как обертку от конфеты, в придорожный бурьян. Но ее Мансур, казалось Сарат, не такой...

Она почувствовала, что из закрытых глаз ее потекли горячие слезы, в голове зазвучали не очень давние слова Нуцалай-ады: «Ах, Сарат, доченька... Будь осторожна, уличный хабар, как огонь, жжет, испепеляет. У тебя чистое сердце, ты каждому веришь. Но не каждый, кто носит папаху, оказывается настоящим мужчиной». Да, не каждый...

То ли от этих мыслей, то ли от слез ей стало легче. И она забылась.

Вновь она очнулась к вечеру. Перед ней сидел Мансур в накинутом на плечи белом халате.

Едва она поняла это, вся кровь хлынула ей в лицо, в голову.

— Уйди прочь!— простонала она.

— Сарат, выслушай меня. Что с тобой, Сарат?

Голос его был не такой, как всегда, а какой-то скрипучий, противный.

— Уходи... Тебя засватали за Халисат!

— Я об этом не знал, Сарат. Это родители. Меня не спросили. Я только сегодня узнал.

Она не глядела на Мансура, не могла пересилить в себе неприязнь и отвращение к обманщику.

— Вы... вы там, в школе, целовались с ней...

— Сарат. Это было...

— А-а, было?!— Она приподнялась через силу, обожгла его лихорадочным взглядом. И опять упала на подушки, застонав.

— Это было... Мы там тоже ставили пьесу «Умайханат и Айдемир». Она, Халисат, роль Умайханат исполняла.

«Это было... было, было! — стучало в голове Сарат.— Сам признался, что это было у них, было!..»

Ничего другого Сарат уже не понимала, не могла понять.

— Уходи!

— Сарат! Я никогда... Ты слышишь! Я никогда не буду мужем Халисат.

— И не смей... не смей никогда мне на глаза показываться!

— Выслушай меня, Сарат!

— Я все выслушала... Прочь!

Молчал Мансур. Долго он сидел без движения. Потом скрипнул под ним стул.

— Ладно!— произнес он как-то безжалостно, жестоко.

И Сарат услышала его удаляющиеся торопливые шаги.

«Вот и хорошо. Вот и хорошо!»— дважды вздохнула она.

11

...Из больницы Сарат вышла недели через три. Лечащий врач долго не соглашался ее выписывать, Сарат была еще слаба, но она уговорила его:

— Тетушка Нуцалай в тяжелом состоянии, вы же знаете. А я... я ничего... У меня ничего больше не болит.

Домой Сарат вернулась вечером, шла по аулу и глядела на облитые заходящим солнцем вершины гор, на розовые клочья тумана, ползающие между вершинами.

Тетушка Нуцалай действительно была очень плоха. Известие, что Сарат увезли в больницу, оглушило ее, как-то враз отняло последние силы, сломило. Она слегла в постель и почти не поднималась. Из дому, во всяком случае, уже не выходила...

Когда Сарат переступила порог, тетушка Нуцалай попробовала приподняться с постели, но ей это не удалось. С трудом оторвав голову от подушки, она тут же уронила ее обратно.

— Ада!— кинулась к ней Сарат, упала перед кроватью на колени, ткнулась лбом в плечо тетушки.

— Помираю, должно быть, я, Сарат...

— Что вы, Нуцалай-ада?!— воскликнула Сарат протестующе.— Я вас в больницу положу.

— В больницу... Врач был у меня. Вон сколько лекарств надавал.— Она кивнула на стоящую у кровати табуретку, уставленную пузырьками.— А в больницу ложиться, говорит, бесполезно... Нет никакой болезни, говорит, у вас, уважаемая Нуцалай. Да я и сама знаю, что нет. Просто кончился мой срок, отпущенный аллахом. Без тебя мне соседки помогали тут... прибирали в доме, пищу готовили. Пусть дни их будут наполнены светом и радостью.

— Нуцалай-ада, может, Усману-Гаджи телеграмму дать... вызвать?

Нуцалай долго молчала. Потом проговорила вдруг:

— Что с тобой будет без меня, доченька моя?

— Зачем вы об этом?

— Что же скрывать-то? Еще день, может, два... Все тяжелее мне дышать.

Сарат беззвучно заплакала.

Нуцалай погладила ее по волосам вздрагивающей рукой. Потом обессиленная рука упала на одеяло.

— Я знаю, ты в город поедешь. Ты не оставила свою мечту стать артисткой?

— Не оставила,— прошептала Сарат.

— Да, я знаю,— повторила Нуцалай.

Помолчав, она заговорила тихо и печально:

— Почему вы такие выросли... упрямые? Все вам надо чего-то особенного. Усман-Гаджи, если был бы доктором, тут, со мной, жил бы... лечил бы меня. Я и не лежала бы сейчас без движения вот здесь. Женился бы на простой горской девушке. А он... Ну скажи, какой ему свет от Хузу? Говорят, даже пеленки она его стирать заставляет.

— Разве зазорно, Нуцалай-ада, жене помогать?

— Зачем мужчине жена, если она не заботится о нем? — строго проговорила Нуцалай.

И Сарат поняла, что на эту тему с тетушкой говорить бесполезно.

Насчет телеграммы сыну она так ничего и не сказала. Сарат подошла к зеркалу. Оттуда глядела на нее какая-то незнакомая девушка — глаза глубоко провалились, кожа на лице бледная, смятая.

Прибрав немного в комнате, Сарат сходила в сельсовет, получила зарплату.

— Как Нуцалай?— спросил ее Гитинав после радостного приветствия и поздравления с выходом из больницы.

— Плохо... очень плохо.

— Да, славная была женщина...

— Почему вы говорите так?— возмутилась Сарат.— Она еще не умерла! Она выздоровеет!

— Ну, конечно, Сарат. Понятное дело,— неловко проговорил Гитинав, отворачивая лицо от пронзительно-холодного взгляда Сарат.— Годы ее еще такие... не совсем вышли.

Из сельсовета Сарат отправилась на почту и дала телеграмму Усману-Гаджи: «Матери очень плохо. Приезжайте немедленно».

Возвращаясь с почты, проходя мимо дома Мансура, Сарат услышала за дощатыми воротами голос его матери:

— Уехал он к отцу, в горы. До самой школы, говорит, чабанить буду. Я уж как ни умоляла: «Отдохни ты, ради аллаха! Впереди вся жизнь, еще наработаешься...» Нет, уехал.

— Ну что ж, ну что ж... Побудут в разлуке — больше друг по другу соскучатся.

Это говорила уже мать Халисат.

Опустив голову, чувствуя, как больно заколотилось сердце, Сарат быстро прошла мимо ворот. «И хорошо... хорошо, что уехал он. От стыда убежал».

Ночью Сарат не спалось. Она лежала, смотрела в темноту, слушая, как тяжело дышит тетушка Нуцалай. Потом откуда-то издалека донеслись радостные звуки пандура. Они все крепли, набирали силу, и Сарат казалось, что восторженная мелодия рассказывает всему аулу о счастье тех, чьи мечты осуществились. Ее же мечта, как валун, оторванный от скалы, рухнула вниз, разбилась...

12

А через неделю началась новая жизнь Сарат...

Все, что произошло за эту неделю, казалось ей беспорядочным и кошмарным сном. Смерть тетушки Нуцалай, которая была для нее матерью, приезд на похороны Усмана-Гаджи, женский плач по всему аулу. «Я и не догадывалась, что тетушку Нуцалай так любят, что смерть ее вызовет такое горе»,— мелькнуло однажды у Сарат, но эта мысль тут же исчезла, и в голове звенело и звенело без конца одно и то же: «Почему тетушка Нуцалай, а не я?! Зачем мне жить? Для чего мне жить?!»

После похорон Усман-Гаджи, похудевший и измученный, глядя в окно потухшими глазами, сказал, что дом матери придется, видимо, продать.

Ну что ж, продать так продать... Ей-то, Сарат, все равно не жить здесь, раз нет больше доброй тетушки. И вообще нигде, видимо, не жить, раз нет Мансура.

И еще Усман-Гаджи говорил, что Сарат должна поехать в Буйнакск, первое время поживет у них с Хузу, а потом он попытается устроить ее на работу в театр. У Сарат есть, кажется, способности, все в ауле до сих пор помнят, как выступала она в школьной самодеятельности. Может быть, удастся сначала пристроить ее на маленькие роли без слов, ну, а там видно будет...

Усман-Гаджи говорил обо всем этом, а Сарат думала удивленно: о чем это он? Какой Буйнакск, какой театр? Самодеятельность... Ну да, это было когда... Но зачем теперь ей все это, если нет Мансура, того Мансура, который родился и был в ее мечтах? И вообще зачем весь этот огромный, обласканный щедрым солнцем мир и зачем само солнце?

Сарат думала и думала об этом без конца, убеждала себя и искренне верила, что не нужен ей теперь ни театр, ни Буйнакск, ни этот аул Бакдаб, где она выросла, где пришло к ней первое чувство... И вдруг обнаружила, что стоит с крохотным чемоданчиком в просторной квартире Усмана-Гаджи в Буйнакске, а перед ней сидит Хузу, растрепанная, неряшливая какая-то, и держит на коленях годовалую девочку, свою дочь.

— И славно, очень славно, что ты приехала,— говорила Хузу, улыбаясь.— Усман на

днях уезжает с театром в горы, до осени мы остаемся с Анечкой вдвоем. Теперь, значит, втроем будем...

В день отъезда Усман-Гаджи был в хорошем настроении. Он сообщил Сарат, что говорил о ней с директором театра, тот обещал познакомиться с Сарат, но лишь по возвращении с летних гастролей, а сейчас не до этого.

— Ну да, ну да,— уронила Хузу.— Сейчас такая суматоха, где там...

Хузу пошла провожать Усмана-Гаджи, попросив Сарат приглядеть за Анечкой. Сначала девочка плакала, и Сарат, не зная, что делать, как ее успокоить, беспомощно топталась вокруг кроватки. Потом взяла ребенка на руки и начала ходить по комнате.

Когда Хузу вернулась, Анечка сладко спала.

— Ты смотри!— удивилась Хузу.— А я вот никак не могу усыпить ее в это время. Как тебе удалось?

— Я просто взяла ее на руки и походила по комнате.

— И я пробовала, хотя врачи не советуют так... Но она не засыпает никогда. Видимо, ты ей понравилась.

— Может быть...

И в последующие дни, стоило Сарат взять на руки девочку, как та немедленно успокаивалась и быстро засыпала.

— Чудеса! Ну просто чудеса!— удивлялась Хузу.

Иногда, уложив спящую Анечку в коляску, Хузу и Сарат отправлялись гулять по бульвару. Коляску катила всегда Сарат, а Хузу шла рядом и рассказывала о жизни театра, где они с Усманом работали, о режиссере-деспоте Джапаридзе, который всегда несправедливо распределяет роли, самые лучшие отдает какой-то толстой и неповоротливой Кавсарат, потому что она дочь директора самого большого в городе завода.

— Так, может, у нее талант большой,— сказала однажды Сарат.

— У кого? У Кавсарат?!— зло вскрикнула Хузу.— Потаскушка она! С кем только не путается! Этим и берет себе лучшие роли!

— Как... как этим?— растерянно остановилась Сарат.

— Господи! Да ты ведь еще как чистая пеленочка...

Этот разговор оставил у Сарат смешанное чувство брезгливости и смущения. «Как может Хузу говорить так об артистке, о своей подруге по работе?— размышляла она.— Неправда это... Такого просто не может быть там, где искусство».

Хузу, кажется, поняла, что о театре думает Сарат по-иному, не как она, и постепенно разговоры об артистической жизни прекратила.

Все чаще и чаще Хузу поручала Анечку заботам Сарат, отлучаясь иногда на целые дни. Анечка привыкла к Сарат и, просыпаясь, тянулась к ней пухлыми ручонками. И Сарат не могла не улыбнуться ей в ответ.

Улыбалась, наблюдая такие сцены, и Хузу. И как-то так получилось, что не Хузу, а Сарат большую часть времени проводила с ребенком. Она подолгу гуляла с Анечкой, часами забавлялась в комнате, подогревала молоко, варила жидкую кашку.

— Ох, уж и не знаю, что бы я без тебя делала! — говорила иногда Хузу.— Славная ты.

Сарат в порыве благодарности за эти теплые слова помогла Хузу выстирать пеленки. А потом, не дожидаясь, когда за стирку возьмется Хузу, принималась за это дело сама. Хузу вроде возражала, но в словах ее чувствовалось одобрение. Как-то она попросила «заодно простирнуть» и все остальное накопившееся за полмесяца белье. Потом еще раз... А вскоре все это стало как бы само собой разумеющимся: Сарат, если не гуляла с Анечкой, целыми днями чем-нибудь занималась по дому — прибирала в комнатах, мыла полы, готовила пищу...

Сарат не тяготилась всем этим, наоборот, домашние заботы отвлекали ее от невеселых дум о прошлом, о мелком человечишке по имени Мансур. Теперь казалось, что все ей даже не приснилось в кошмарном сне, а прочитала она об этом в какой-то книге. И вот прочитанное хоть и не забылось окончательно, но потихоньку стирается в памяти и скоро сотрется совсем.

И уже думала Сарат, что напрасно она когда-то желала гибели всему этому огромному миру и сияющему над ним солнцу. Именно потому, что мир огромен и щедро светит солнце, хватит на земле тепла и света всем: и Хузу, и Анечке, когда та вырастет, и ей, Сарат... А Мансуру? Что ж, и ему тоже найдется место, и он будет где-то ходить по земле, только напрасно земля держит на себе таких. Разве можно предавать людей, разве можно так безжалостно смеяться над первым девичьим чувством, стыдливым и трепетным, беспомощным и хрупким, как розоватый лепесток дикой яблоньки?

Место Мансуру, таким образом, Сарат на земле как-то находила. Не было на всей огромной планете места только Халисат. Думая иногда о ней, Сарат пыталась понять, как же она, Халисат, могла решиться на такое, отнять у нее Мансура. Разве слаще плод, отнятый у другого? А ведь когда-то они были подругами... Вместе росли, играли в девчоночьи игры и ходили в школу! Нет, нельзя людям вроде Халисат жить на земле, не должно быть места на ней для таких, ибо они приносят другим страдания...

13

Осенью, когда в горах выпал первый снег, аварский театр вернулся с гастролей. Усман-Гаджи заявился домой веселый, шумный, довольный. «Где моя дочка Анечка?!» — еще в коридоре закричал он, бросил на пол чемодан, кинулся к дочери.

С его приездом стены дома будто раздвинулись, квартира наполнилась голосами, шумным весельем. Без конца приходили артисты, пили вино и чай, рассказывали смешные анекдоты и забавные истории.

«Веселый народ»,— думала Сарат, подавая на стол скромное угощение, иногда просто хлеб да колбасу, ибо в доме Усмана и Хузу редко бывала приличная пища. Но артисты были нетребовательные, закуски, казалось, им без надобности. Было что-то на столе — хорошо, все немедленно съедалось, не было — тоже не беда, обходились коркой хлеба и луковицей.

Все это Сарат нравилось — нетребовательность, беспечность и неизменная жизнерадостность покоряли...

— Хорошие у вас друзья,— сказала однажды Сарат.

— А-а, богема проклятая,— отмахнулась Хузу.— Закрыла бы глаза и убежала от всего этого на край света. Думаешь, это все порядочные люди? У них ни чести, ни совести, ни принципов...

Сарат не приняла ее слов всерьез, не поверила ей. К тому же после того разговора, когда Хузу так плохо сказала о режиссере Джапаридзе и артистке Кавсарат, а однажды даже обозвала артистическую жизнь каторгой, она как-то упала в ее глазах. Сарат теперь думала о Хузу даже с жалостью. «Если ей не нравится быть артисткой, почему же не бросит это дело? — задавала Сарат себе вопрос.— Работала бы себе, ну, к примеру, парикмахершей, что ли».

Сама же Сарат не могла оставить своей мечты стать артисткой! Мечта эта с каждым днем крепла, поддерживала ее в том неуютном и довольно неопределенном положении, какое она занимала в семье Усмана-Гаджи и Хузу. Только вот есть ли у нее, Сарат, хоть какие-нибудь, ну, хотя бы малюсенькие способности?

В школе с удовольствием выступала в самодеятельности, и, кажется, получалось. Но тут должно быть настоящее и на всю жизнь. Должен быть большой талант... Вот Хузу жалуется и стонет, что вечно надо под кого-то приспосабливаться — то представлять себя старухой, то видеть себя девчонкой, то еще бог знает в чью шкуру влезать. Но ведь это прекрасно — сегодня жить на сцене жизнью одного человека, понять и изобразить его чувства, страдания, радости, а завтра — совершенно другого. И она, Сарат, как-то всем своим существом чувствовала, что она может войти душой в любого человека, понять его радости и его беды.

Сарат незаметно для себя взрослела...

Веселые сборища в квартире Усмана-Гаджи и Хузу продолжались. Однажды с компанией молодых девушек ввалился Хизри — тот самый жизнерадостный парень, которому тетушка Нуцалай, когда артисты приехали в Бакдаб, дала кинжал и попросила в честь гостей зарезать овцу. «Или вам это непривычно?» — еще спросила тетушка Нуцалай. И Хизри ответил ей: «О-о, для меня это все равно, что побриться...»

Сарат вспомнила все это, едва увидев Хизри. И еще вспомнила, что этот артист в тот вечер погладил ее по голове и сказал: «Славненькая вырастет племянница».

Сарат тогда удивилась — что он такое говорит, почему «племянница»? Но вскоре забыла об этом его странном обращении к ней и только теперь поняла...

Хизри был красив и высок, черные глаза его поблескивали из-под сильно выгнутых бровей.

— А ну-ка, племянницы мои, стол на середину! — скомандовал он, вытряхивая из принесенного с собой пузатого портфеля кучу свертков. Потом извлек оттуда же две бутылки вина.

Девушки, громко хохоча, выдвинули стол на середину комнаты. А Хизри подошел вдруг к Сарат, причесывающей Анечку, остановился, молча разглядывая ее, склонил голову на одну сторону, потом на другую.

— О-о...— протянул он, прожигая ее черным взглядом.— Постой, постой, где же я тебя видел?

Едва Хизри подошел к ней, с Сарат что-то произошло. На секунду, только на секунду, ей почудилось, что это не Хизри, а Мансур. Ну да, такие же черные волосы, такие же брови... Оставив Анечку, она повернулась к нему.

И в это время Хизри воскликнул восторженно:

— Сарат! Разрази меня аллах, ведь это Сарат! — И схватил ее сразу за обе руки.

То ли от его голоса, то ли оттого, что он схватил ее, Сарат опомнилась, отняла руки и отвернулась к Анечке. Хизри это не смутило, он зашел с другой стороны, опустился на колени и стал помогать Сарат заплетать девочке косички.

— Очень, очень рад, Сарат, что встретились,— заговорил он как ни в чем не бывало, будто знал Сарат всегда, будто был ее давним приятелем.

— Оставьте меня! — резко проговорила Сарат.

Хизри и это не смутило, он улыбнулся и посмотрел на нее так, словно хотел сказать: «Хорошо, я с удовольствием для вас это сделаю»,— и отошел.

Девчонки, которых он привез с собой, пищали и взвизгивали, рассаживаясь за столом. Хизри втиснулся между ними и начал разливать вино.

— Жениться бы тебе надо, Хизри,— сказал улыбающийся Усман-Гаджи.

— О-о!.. Да это мне все равно что побриться...

Девчонки почему-то заверещали еще сильнее, и Хизри добавил:

— Да, видишь, племянницы возражают.

— Возражаем! Не допустим! — почти хором отозвались те.

— Родные мои, прелестные! — перекрыл Хизри девичье разноголосье, поднялся со стаканом.— Причин для волнения у вас пока нет... Хизри — убежденный холостяк, он не заставит вас носить по себе траур.

Сарат вышла из дому, увела с собой Анечку.

Продолжение следует.

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

ПУТЬ ГЕРОЯ

В славной летописи жизни и подвигов героев Великого Октября, борцов за дело социализма появились новые яркие страницы. Это документальная повесть Ивана Кычакова о Рудольфе Яновиче Тольмаце (1891—1940) [1].

Сын эстонского рабочего-железнодорожника, Р. Я. Тольмац, в тринадцать лет оставшись сиротой, формировал свой характер в трудовой среде питерских рабочих. Здесь он стал слесарем-лекальщиком высокой квалификации, здесь в 1907 году вступил в нелегальный кружок, а через пять лет — в ряды большевиков. В Петербурге Тольмац познакомился с М. И. Калининым и вместе с ним выполнял в условиях подполья партийные поручения. По заданию партии Тольмац едет на юг России, в Бердянск, руководит там большевистской организацией, возглавляет борьбу за установление Советской власти, создает отряды Красной гвардии, организует подавление контрреволюционного мятежа...

Автор повести Иван Спиридонович Кычаков добросовестно изучал полную бурных событий жизнь своего героя.

И. Кычаков не сбился на сухую автобиографичность, не перегрузил повествование мелкой детализацией. В небольшой по объему книжке — семь печатных листов — ему удалось именно на солидном историческом фоне: подпольные будни большевиков, упорная борьба с меньшевиками, героика Октябрьского штурма и первых дней Советской власти — создать запоминающийся портрет славного сына эстонского народа, верного большевика-ленинца.

Нелегко было Тольмацу, ставшему передовым рабочим, мастером по изготовлению точного инструмента, быть подпольщиком,— за ним тщательно следили. Условиями конспирации осложнялись и отношения с любимой девушкой Нюрой, работницей завода «Нобель». И писатель тут нашел точные изобразительные средства: не отступая от документальности, он показал своего героя не просто стойким бойцом партии, страстно жаждавшим победы революции, но человеком большой души, влюбленным в жизнь, умеющим ценить в ней все истинно прекрасное.

...Нюра, ставшая впоследствии женой Тольмаца, хорошо помнит тот вечер, когда Рудольф сделал ей предложение. Тольмац честно признался:

«Я большевик, парттехник, в партии с двенадцатого года...»

«А что такое парттехник?»

Рудольф рассказал Нюре, что каждый член партии имеет свои обязанности: один устраивает конспиративные квартиры, другой отвечает за партийную кассу, третий ведет агитационную работу. Сначала Рудольф был агитатором, но из-за акцента, по которому его легко было узнать, пришлось заняться другим делом. Теперь он вручную изготовляет листовки и брошюры. Дома у него спрятан мимеограф, и, получив текст листовок, он по ночам размножает их.

Большое впечатление оставляют страницы повести, рассказывающие о схватках Тольмаца с меньшевиками в Бердянске. Особенно трудной была победа над Киселенко. Тольмац и Киселенко — оба питерцы, оба квалифицированные рабочие — встретились на Азово-Черноморском заводе. Тольмац приехал сюда под видом финна Августа Хартикайнена выполнять поручение большевистской партии, а Наум Киселенко — несколько раньше, по заданию меньшевиков. Наум вошел в доверие к рабочим, стал заправским оратором. Рудольфу при встрече он говорил правду: «Да, рабочие верят мне и любят меня. У меня руки в мозолях. Да и за станком я первенство никому не уступлю». Тольмац помнил и то, что говорил о Киселенко М. И. Калинин: «Мужик — золотые руки». И вот теперь рабочие тянулись к нему — «шутка ли, простой мастеровой, а все знает не хуже любого интеллигента».

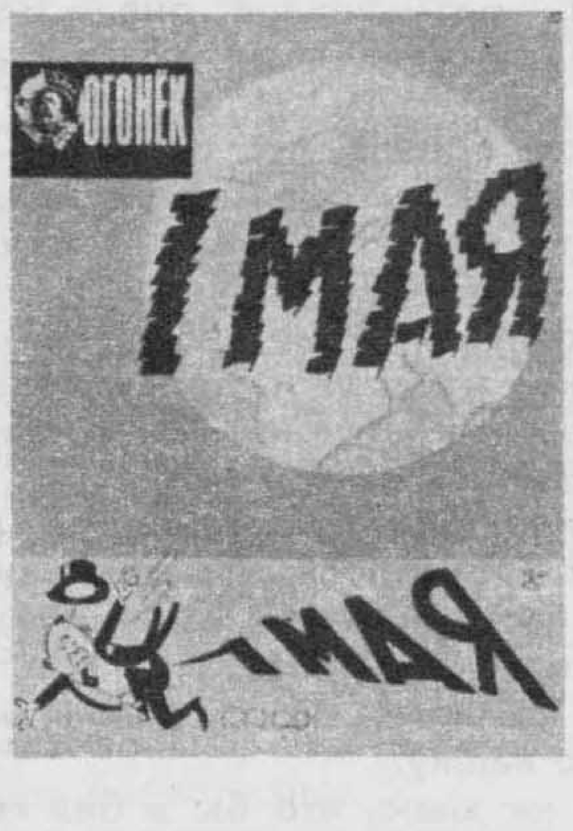
Задача разоблачения Киселенко осложнялась еще и тем, что его жена, Агнесса, и жена Тольмаца, Нюра, подружились. И. Кычаков не сгущает краски, не подбирает «особые» факты, а логично и художественно достоверно показывает, с какой принципиальностью и последовательностью вели Тольмац и его товарищи успешную борьбу с Киселенко и другими «друзьями рабочего класса», опытными и коварными врагами большевизма. На этом кончается повесть «Волшебная стрела». Но славная биография героя еще продолжается.

Революция, Советская власть победили. Тольмаца посылают на ответственную партийную и советскую работу в Симферополь, Краснодар, Пятигорск. После учебы в Высшей партийной школе Рудольфа Яновича назначают инструктором промышленного отдела ЦК ВКП(б). Затем ему, как хорошему организатору масс и знатоку инструментального дела, поручают возглавить строительство завода «Фрезер», первым директором которого он стал.

Об этом периоде жизни Тольмаца должно было быть рассказано во второй части повести И. Кычакова, но смерть писателя оборвала эту работу. Читатель получил первую часть — путь Р. Я. Тольмаца в революцию — и, прочтя ее, вспомнит автора словом благодарности за интересную, содержательную книгу.

Г. ФРОЛОВ

[1] Иван Кычаков. Волшебная стрела. М., «Московский рабочий», 1973.



Дорогие друзья!

С удовольствием направляю Вам рисунок плаката, посвященный Первому мая. Надеюсь, что Вы воспримете его как поздравление с большим праздником.

Обнимаю Вас,
Рауль Вердини

ПОБЕД ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЦЕЭСКА!

Вслед за динамовцами празднуют 50-летие своего спортивного клуба сильнейшие армейские спортсмены. Мы попросили начальника Центрального спортивного клуба армии полковника И. Д. Табунова рассказать нашим читателям о славном пути ЦСКА.

В большой и содержательной книге, выпущенной Воениздатом к нашему юбилею, ее авторы — генерал-майор З. П. Фирсов, полковник Д. И. Гулевич и майор В. М. Гаврилин — вспоминают такой случай. В мексиканском городе Акапулько к советским спортсменам подошел старичок канадец и попросил рассказать ему о господине Цеэска. Как оказалось, кто-то говорил ему, что сильнейшие советские хоккеисты играют в команде господина Цеэска, вот ему и хотелось хоть что-нибудь узнать об этом великом спортивном боссе.

Наши спортсмены объяснили любопытному старичку, что господина по фамилии Цеэска не существует, а товарищ Цеэска действительно живет и скоро будет отмечать свое пятидесятилетие. И вовсе это не босс, а разносторонний атлет, который, несмотря на свой солидный возраст, продолжает выступать на соревнованиях и даже не в одном виде спорта и не в двух, а в тридцати!

Да, многообразна спортивная жизнь ЦСКА. Всему миру известны армейские хоккеисты, футболисты, волейболисты, баскетболисты, современные пятиборцы, легкоатлеты, фигуристы, лыжники, фехтовальщики, стрелки, конники, штангисты. 547 золотых медалей завоевали армейские спортсмены на Олимпийских играх и чемпионатах мира, 1 024 — на чемпионатах Европы и спортивного комитета дружественных армий. Почти три тысячи медалей вручены спортсменам Советской Армии на всесоюзных первенствах и спартакиадах народов СССР, 653 мировых и европейских рекорда, более 1 300 всесоюзных внесли они в общую копилку советского спорта...

История нынешнего Центрального спортивного клуба армии началась в апреле двадцать третьего года, когда была создана первая спортивная организация Рабоче-Крестьянской Красной Армии — Опытно-показательная военно-спортивная площадка Всевобуча. Спустя пять лет ОППВ стала базой Центрального Дома Красной Армии, а в 1953 году спортивные команды ЦДКА перешли в созданный Центральный спортивный клуб Министерства обороны СССР — ширококомплексную организацию, призванную подготавливать высококлассных спортсменов.

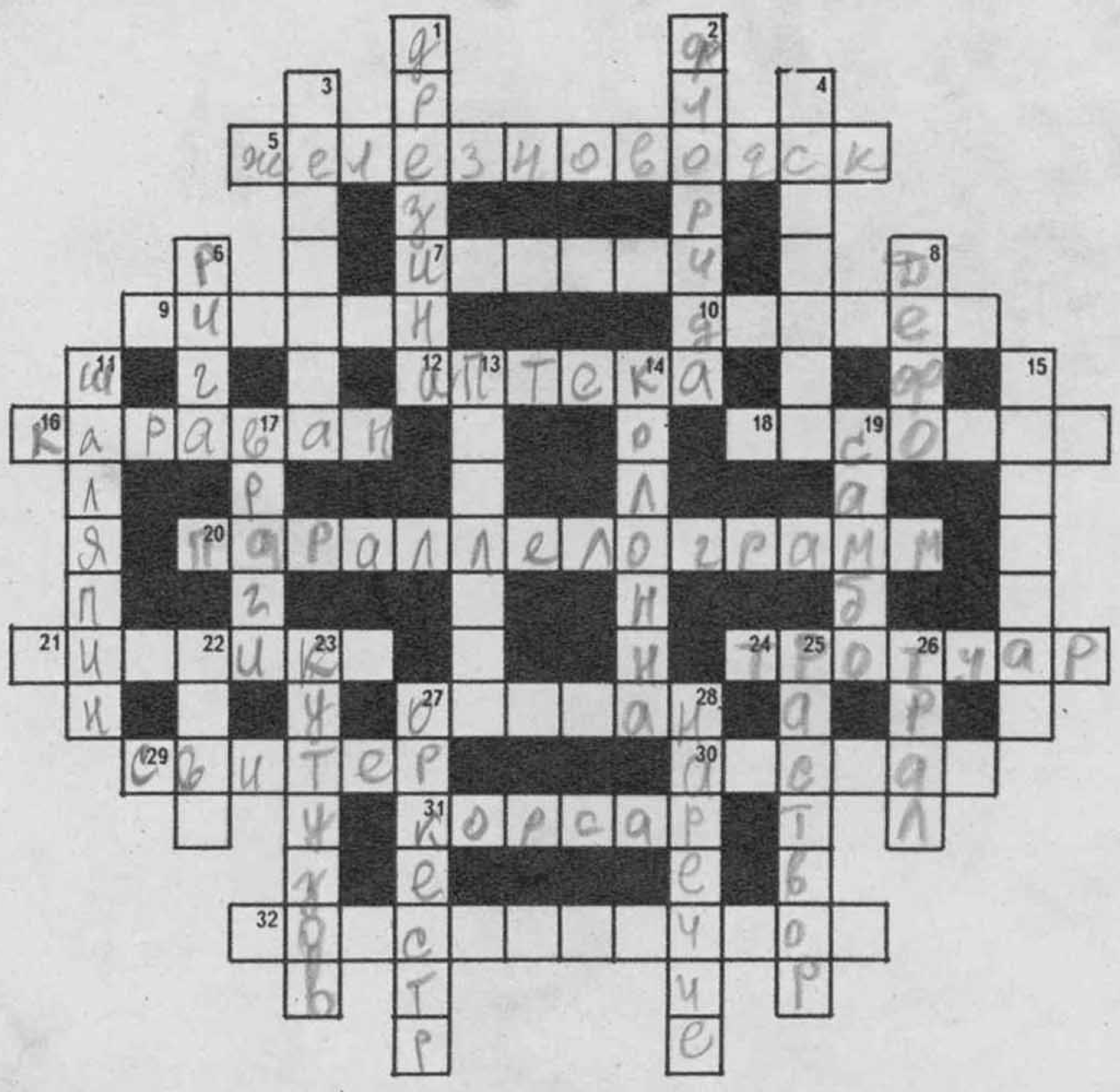
Где же находят тренеры ЦСКА своих питомцев? В воинских частях, в окружных и флотских спортивных клубах, и в 18 детских и юношеских спортивных школах, с тем, чтобы пополнить школу высшего спортивного мастерства, работающую при ЦСКА. Вот почему никогда не скудеет приток свежих сил, прибывающих из года в год в армейский спорт. Вот почему нам удалось воспитать 306 заслуженных мастеров спорта, 311 мастеров спорта международного класса СССР. Вот почему 261 спортсмен и тренер ЦСКА награждены орденами и медалями Советского Союза.

Невозможно перечислить в короткой беседе имена лучших армейских спортсменов. Идут годы, одно спортивное поколение сменяет другое, а слава армейского спорта не тускнеет. Изо дня в день, из месяца в месяц идет подготовка к новым выступлениям на крупнейших всесоюзных и международных соревнованиях. С утра до вечера живут напряженной жизнью спортивные залы нашего клуба. Мы располагаем сейчас Дворцом спорта, крытым плавательным бассейном, лучшим в столице гимнастическим залом, залами для баскетбола и волейбола, зимними теннисными кортами, Дворцом тяжелой атлетики. Все эти прекрасные сооружения расположены рядом, на Ленинградском проспекте Москвы, а в Сокольниках действует одна из старейших в стране лыжных баз, на Песчаной улице — летний стадион, имеются у нас отличные стрелковые тиры и конноспортивный манеж.

Да, товарищ Цеэска действительно может поразить своими возможностями воображение не только одного канадского старичка. Самые известные в западном мире спортивные клубы не в состоянии тягаться с Центральным спортивным клубом армии.

Массовость и мастерство — две основные задачи, поставленные перед нами решением партии и правительства 1966 года по дальнейшему развитию физической культуры и спорта,— положены в основу нашей деятельности. Министр обороны СССР поставил перед нами новые большие задачи по дальнейшему развитию массового спорта.

Коллектив спортсменов и тренеров ЦСКА сделает все для того, чтобы еще выше поднять знамя армейского спорта.



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Курорт в Ставропольском крае. 7. Комедия Н. В. Гоголя. 9. Единица длины. 10. Приток Вислы. 12. Медицинское учреждение. 16. Вереница судов. 18. Гора на Среднем Урале. 20. Четырехугольник. 21. Раздел кибернетики. 24. Пешеходная дорога. 27. Герой кельтского народного эпоса. 29. Вязаная фуфайка. 30. Потухший вулкан в Армении. 31. Балет А. Адана. 32. Масличная культура.

По вертикали: 1. Железнодорожная тележка. 2. Штат в США. 3. Остров в Средиземном море. 4. Трагедия М. Ю. Лермонтова. 6. Столица союзной республики. 8. Автор романа «Робинзон Крузо». 11. Великий русский певец. 13. Самая яркая звезда в созвездии Близнецов. 14. Вертикальная опора здания. 15. Духовой инструмент народов Средней Азии и Кавказа. 17. Пьеса М. Горького. 19. Система борьбы, самозащита без оружия. 22. Река в Ленинградской области. 23. Русский полководец. 25. Вещество, применяемое в лабораторных исследованиях. 26. Большая рыболовная сеть. 27. Коллектив музыкантов. 28. Часть речи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

6. Гладиолус. 8. Горловка. 9. «Катерина». 12. Пиала. 14. «Ермак». 18. «Стоик». 19. Ондатра. 20. Меркурий. 21. Карамель. 23. Лексика. 25. Истра. 26. Атолл. 28. Плица. 31. Молекула. 32. Угольник. 33. «Коновалов».

По вертикали:

1. «Эгмонт». 2. Майкоп. 3. «Илиада». 4. Асбест. 5. Апофема. 7. Пинагор. 10. Кабалевский. 11. Жеромский. 13. Скальпель. 15. Кукушка. 16. Повидло. 17. Сарафан. 18. Саванна. 22. Сторона. 24. Ровница. 27. Макака. 28. Поляна. 29. Алголь. 30. «Сильва».

На первой странице обложки: Первомайский плакат итальянского художника Рауля Вердини, выполненный специально для «Огонька».

На последней странице обложки: Тюльпаны, тюльпаны...

Фото Б. Дмитриева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/IV-73 г. А 00060. Подп. к печ. 24/IV-73 г. Формат 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 951. Тираж 2 265 000 экз. Заказ № 461.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Б. СМИРНОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

— Нам говорили: ничего у вас не получится. И еще нам говорили: не лишайте детей детства! — рассказывает Иван Яковлевич Бомм.— А мы и не собирались выискивать среди детей вундеркиндов. Я много лет веду у нас в Караганде музыкальные занятия в детских садах и знаю, насколько малыши восприимчивы к музыке. И когда в яслях-саде № 112 возникла идея создания оркестра, она не показалась мне невероятной...

Сначала, создавая оркестр, Иван Яковлевич Бомм и помогавшая ему Раиса Александровна Могилевская занимались с каждым из детишек в отдельности, потом свели их в группы цитристов, цимбалистов. Малыши поразительно быстро усвоили азы музыкальной грамоты, труднее было добиться звучания их инструментов в унисон. Со временем ребята научились понимать друг друга, и, конечно, первый же их концерт заслужил бурные аплодисменты пап и мам. Правда, родители были не простыми зрителями: каждый из них считает своим прямым долгом привозить из командировок и отпусков музыкальные инструменты для детсада. А сколько было радости, когда маленьких оркестрантов стали наперебой приглашать на городские детские праздники!

— Прошло два года, и мы теперь уверены, что стоим на правильном пути,— говорит Иван Яковлевич.— К тому же и в других яслях-садах города стали появляться детские оркестры. Может быть, скоро у нас будет сводный оркестр... Дети в таком возрасте читать еще не умеют, считают до десяти, а мелодию буквально на лету схватывают. Вот совсем недавно был такой случай. Перед концертом заболела одна из цитристок. А в «подготовишках» занималась у меня очень способная девочка Самида Касымова, в оркестре она еще ни разу сыграть не успела. «Помнишь, Самида, мы с тобой разучивали песенку «Перепелочка»!» — спрашиваю у нее. «Помню». «Хочешь ее вместе со всеми сыграть!» «Хочу». И так хорошо она с первой же репетиции вошла в оркестр, что самым сложным в этой ситуации оказалось... подобрать ей по росту форменное платьице!

...Малыши, рассевшись по местам, дружно грянули «Светит месяц, светит ясный». Для них сейчас в целом мире нет ничего важнее этого оркестра и этой мелодии, и весь концерт кажется им большой интересной игрой — вроде салочек или казаков-разбойников. Да, «музыкальная игра» в оркестр нужна ребятам. Она увлекает их и приучает к собранности. Она вводит их в мир музыки и гармонии. Только не надо сулить им громкой артистической будущности, в жизни каждого откроется еще много дорог. А первый шаг сделан.

1

2

1 Солист Паша Дмитриев.

2 — Пальцы, Нурлан, надо держать вот так...

3 Мы — оркестр!

4 Мамы довольны.

ВЕСЕ
МУ

3

ЛЫЕ
ЗЫКАНТЫ

4

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663